

ОДИННАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17 го Апрѣля 1842 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1842.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	Стр.
Общій Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ составленный Непременнымъ Секретаремъ и читанный 22 Мая 1842	1
Разборъ сочиненія Контръ-Адмирала <i>Б. Врангеля</i>	39
Разборъ Геоэтнографической карты Подполковника <i>Гельмерсена</i>	85
Разборъ сочиненія Академика <i>Саломона</i>	108
Разборъ сочиненія Флота-Лейтенанта <i>Зеленаго</i>	171
Разборъ сочиненія Профессора <i>Горлова</i>	181
Разборъ сочиненія <i>Ф. Шмидтъча</i>	213
Разборъ сочиненія <i>С. Старагова</i>	223
Разборъ сочиненія Генералъ-Маіора <i>Алессоа</i>	231
Разборъ сочиненія <i>К. Зедергайма</i>	239
Разборъ сочиненія <i>Г. Диге</i>	269

О В Щ І Й О Т Ч Е Т Ъ

О Б Ъ

О Д И Н Н А Д Ц А Т О М Ъ П Р И С У Ж Д Е Н И И

Д Е М И Д О В С К И Х Ъ Н А Г Р А Д Ъ ,

С О С Т А В Л Е Н Н Ы Й

Н Е П Р Е М Ъ Н Н Ы М Ъ С Е К Р Е Т А Р Е М Ъ

И М П Е Р А Т О Р С К О Й А К А Д Е М И И Н А У К Ъ

И Ч И Т А Н Н Ы Й

В Ъ П У Б Л И Ч Н О М Ъ С О Б Р А Н И И С Е Й А К А Д Е М И И

22-го Мая 1842 года.

Къ первому Ноября 1841 года поступило отъ сочинителей на конкурсѣ Демидовскихъ премій 33 сочиненія, изъ коихъ 5 признаны неудовлетворяющими условіямъ положенія и потому въ конкурсъ не приняты. Съ другой стороны, къ остальнымъ 28 сочиненіямъ прибавилось еще три, по предложеніямъ нѣкоторыхъ членовъ Академіи, такъ что всего записано было тридцать одно сочиненіе, въ томъ числѣ:

по врачебнымъ наукамъ 9 сочиненій

— горнымъ — — — 4 — —

словарей — — — 3 — —

по части Философіи, путешествій, Астрономіи, изящной Словесности и искусства, скотоводства и ветеринарной науки

по два, и того — — 10 — —

по части практической Механики, Географіи, политическихъ наукъ, военныхъ наукъ и Исторіи

по одному, и того — — 5 — —

Всего 31 сочиненіе

Въ числѣ сихъ тридцати одного сочиненій заключается одно только рукописное и одно изданное на иностранномъ языкѣ. Тринадцать могли быть разсмотрѣны въ самой Академіи дѣйствительными членами ея, прочія 18 подвергнуты суду другихъ ученыхъ сословій и лицъ.

Разсмотрѣвъ подробно, въ трехъ чрезвычайныхъ собраніяхъ всѣ поступившія рецензіи и взвѣсивъ основательно всѣ обстоятельства, Академія признала справедливымъ отличить на сей разъ предъ всѣми прочими соискательными сочиненіями:

I Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ Флота Лейтенанта (нынѣ Контръ Адмирала) *Фердинанда Фонъ-Врангеля*, часть I и II. С. П. Б. 1841. 8°

Прибавленіе къ путешествію *Фердинанда Фонъ Врангеля* съ 13-ю рисунками и 4-мя картами. С. П. Б. 1841. 8

Поводъ и исторія путешествія Барона Врангеля, о которомъ мы наконецъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ получили полное довѣсеніе на Русскомъ языкѣ, должны быть достаточно извѣстны отечественной публикѣ; а посему оставляя въ сторонѣ всю первую часть рецензіи Гг. Академиковъ Бера и Ленда, будемъ довольствоваться разсмотрѣніемъ вопросовъ: съ какимъ успѣ-

комъ разрѣшены сею экспедиціею подлежащія ей задачи, и какую пользу приобрѣла наука отъ изданія въ свѣтъ разсматриваемой нами книги?

Относительно перваго изъ сихъ вопросовъ мы можемъ сослаться на свидѣтельства, какъ нельзя болѣе безпристрастныя и почетныя. Со времени перваго плаванія Капитана Росса въ 1817 году до послѣдняго Гг. Слимсона и Диза, Англичане съ удивительнымъ упорствомъ совершали путешествія въ арктическихъ странахъ Сѣверной Америки и по льду отъ Шпицбергена къ полюсамъ, и имъ удалось учащенными предпріятіями, шагъ за шагомъ, довершить наконецъ опись всего сѣвернаго берега Америки, за исключеніемъ только самаго малаго промежутка, который однако въ эту минуту можетъ быть также описанъ. По справедливости каждый Британецъ съ гордостью взираетъ на исторію сихъ путешествій, какъ на краснорѣчивѣйшее доказательство Британскаго постоянства, самоотверженія и доблести; ибо три зимы, которыя Россъ провелъ въ заключеніи между льдами, ни мало не утрашили другихъ отъ подобныхъ попытокъ, а напротивъ того еще служили подстреканіемъ снова приниматься за дѣло съ другихъ пунктовъ и съ другими средствами. Если одна экспедиція не имѣла ожидаемаго успѣха, то изъ этого еще не заключали, что все предпріятіе должно быть покинуто, а только то, что слѣдуетъ иначе за него приняться, потому что оно должно непременно быть довершено для чести націи. Ибо о торговыхъ выгодахъ

тутъ уже давно не могло быть и рѣчи, едва даже о важныхъ ученыхъ результатахъ. Вся сила состояла только въ томъ, что Англичане, какъ говорится, хотѣли поставить дѣло на своемъ. —

Эта національная гордость въ высшемъ своемъ проявленіи должна была по необходимости быть самымъ строгимъ и неумытнымъ судьей тамъ, гдѣ дѣло шло о подобныхъ предпріятіяхъ другихъ націй, и дѣйствительно рѣдко упустила случай довольно рѣзко отзываться о другихъ менѣе удачныхъ экспедиціяхъ. — Каковъ же былъ отзывъ ея на счетъ путешествій Анжу и Врангеля? Когда впервые сдѣлались извѣстными многократно предпринятыя ими поѣздки льдомъ до открытаго моря, то въ Англіи ихъ сначала приняли было за небывлицы. Но когда всѣ сомнѣнія должны были исчезнуть, тогда Британская гордость съ свойственною морякамъ откровенностію излилась въ непритворныхъ, и можно даже сказать восторженныхъ похвалахъ экспедиціи, и въ Англійскихъ повременныхъ изданіяхъ посыпались столь живыя изъявленія сихъ похвалъ, какъ едвали въ отечественныхъ журналахъ. Нѣмецкое изданіе путешествія было немедленно переведено въ Англіи, и съ тѣхъ поръ уже приступлено къ второму изданію этого перевода, который можетъ быть теперь уже оконченъ. Маіоръ Сэбинъ (Sabine), издавшій этотъ переводъ, самъ знатокъ глубокаго Сѣвера, говоритъ въ введеніи: „Станемъ ли мы смотрѣть на описаніе путешествія Врангеля какъ на достовѣрное свѣ-

„дѣніе о мало еще извѣстной части земли и ея жите-
„ляхъ, или какъ на повѣствованіе о преобладающихъ
„трудностяхъ и лишеніяхъ, понесенныхъ съ тою стой-
„костью духа, которую Англія столь высоко цѣнитъ въ
„собственныхъ своихъ офицерахъ и всегда готова пре-
„возносить въ другихъ; или наконецъ какъ на суще-
„ственную часть исторіи арктическихъ открытій, въ
„которой наша отчизна приняла столь преобладающее
„участіе, — во всѣхъ этихъ отношеніяхъ вмѣстѣ, и въ
„каждомъ особенно, это описаніе путешествія имѣетъ
„право на уваженіе и участіе Британскихъ читателей
„(Pref. p. IV).“ — Но что въ Англіи путешествіе
Врангеля нашло множество голосовъ живѣйшаго уча-
стія, это не могло быть иначе; важно напротивъ того
было знать, какъ оно будетъ встрѣчено ученымъ Се-
кретаремъ Адмиралтейства, Барровомъ (Barrow), кото-
раго можно почесть какъ бы ученымъ представителемъ
Англійскаго флота и оффиціальнымъ хранителемъ и про-
возвѣстникомъ его славы, и который сверхъ того въ
теченіи болѣе четверти столѣтія былъ главнымъ под-
стрекателемъ и поощрителемъ арктическихъ Экспеди-
цій Англичанъ. Лишь только Врангелево описаніе пу-
тешествія сдѣлаюсь извѣстнымъ въ Англіи, какъ въ
Quarterly Review 1840 Sept. явилась подробная кри-
тика Баррова, или лучше сказать панегирикъ, который
превосходилъ всѣ прежніе живостью, и заставляетъ
насъ столько же удивляться пылкости ума, какую онъ
сохранилъ въ себѣ до такихъ лѣтъ, сколько полюбить

и уважать его за правоту и прямодушіе, съ какими онъ, отлагая въ сторону всякую національную гордость, воздастъ и чужимъ заслугамъ подобающую почесть. Онъ прямо начинаетъ такъ:

„Если мы въ нашемъ отзывѣ о попыткѣ Парри до-
стигнуть Сѣвернаго Полюса сказали, что это покуше-
ніе, хотя и не увѣчалось успѣхомъ, но было столь
смѣло и отважно, что будетъ жить въ памяти позде-
нѣйшаго потомства какъ воспоминаніе о постоянствѣ,
настойчивости, твердости и непреклонности духа, ка-
кую Британскіе моряки способны явить въ самыхъ
тѣсныхъ и опасныхъ положеніяхъ, когда состоятъ
подъ командою мужественныхъ и свѣдущихъ офице-
ровъ, къ которымъ имѣютъ полную довѣренность,“
если мы, говоритъ Барровъ въ своей статьѣ, „вмѣсто
слова Британскіе поставимъ Русскіе, то этотъ отзывъ
можетъ въ полной мѣрѣ быть примененъ къ барону
Врангелю и небольшому числу его сподвижниковъ.“
И потомъ упомянувъ о поѣздкахъ по льду, столь много-
трудныхъ по причинѣ встрѣчавшихся ледяныхъ гро-
мадь, онъ замѣчаетъ: „невозможно, читая эту книгу,
не быть поражену очевиднымъ сходствомъ между
трудностями, опасностями и лишениями, которыхъ
подвергались Парри въ свою последнюю попытку и
Врангель въ четыре свои поѣздки по льду Полярнаго
моря. Но должно сознаться, что въ каждой частно-
сти (in every particular) Русскому моряку надлежало
бороться съ гораздо многочисленнѣйшими трудностями

„ни и лишешіями, что онъ былъ подверженъ имъ гораздо должайшее время, что онъ провхалъ гораздо „большее пространство, и что имѣлъ гораздо менше „средствъ въ своемъ распоряженіи.“ —

И между тѣмъ какъ столько голосовъ въ чужихъ краяхъ и въ Отеествѣ и такой судья, каковъ секретарь Британскаго Адмиралтейства, отзываются съ такимъ непритворнымъ удивленіемъ о постоянствѣ и предпріимчивости Г. Врангеля, самое донесеніе сего послѣдняго написано столь просто и безъ всякихъ прикрасъ, какъ будто бы тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго и все разумѣется само собою. О путешествіи отъ С. Петербурга до Иркутска, совершенномъ въ телегѣ весенними путями, сказано только, что оно было совершено съ невозможною скоростью въ 56 дней. Путешествіе отъ Иркутска до Якутска по Ленѣ описывается какъ отдыхъ или пріятная прогулка. О трудностяхъ поѣздки верхомъ отъ Якутска до Нижне-Колымска, болѣе 2000 верстъ, зимою черезъ крутыя горы и по цѣлымъ недѣлямъ безъ всякаго крова въ морозъ отъ 24 до 32° Реомюра сказано лишь столько, сколько нужно для объясненія образа путешествія въ тамошнихъ стракахъ. Подробнѣе новѣствователь распространяется о своихъ поѣздкахъ по льду Океана, потому что этимъ только и могъ объяснить свойство морскаго льда въ томъ краю. Но не одно это презрѣніе трудностей было причиною удачи предпріятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всепреклонность воли, рѣшившаяся восторжествовать

надъ всѣми препятствіями, и бодрость духа, ничѣмъ не приводимая въ уныніе. Не трудно при возбуждающихъ и благоприятныхъ обстоятельствахъ идти на встрѣчу смерти по призыву честолюбія, — но въ дали отъ всего свѣта, на пустынномъ берегу Ледовитаго моря, гдѣ самымъ удобнѣйшимъ пребываніемъ была стоянка Нижне-Колымская, которая удѣляла вождю не болѣе 4 квадратныхъ сажень простора и столькоже экипажу, гдѣ ледяная глыба замѣняла мѣсто окна, пропускала только тусклые лучи свѣта, когда солнце не было надъ горизонтомъ, гдѣ и въ избѣ нельзя было ни на часъ разставаться съ шубою; — въ этомъ тѣсномъ пространствѣ и въ продолженіе столь долгаго времени не подумать ни одной минуты о наступленіи обратнаго пути — вотъ что неволью возбуждаетъ наше удивленіе: ибо это-то искушеніе возвратиться, находясь въ такомъ стѣсненномъ положеніи, и есть тотъ нравственный подводный камень, о который сокрушалось болѣе эскадриій, нежели о самые опасныя морскія рифы въ свѣтѣ. Нашъ же путешественникъ, по собственному его выраженію, роскошествовалъ въ главной своей квартирѣ въ Нижне-Колымскѣ, когда возвращался отъ своихъ поѣздокъ по льду Океана. Каковы же были эти поѣздки, объ этомъ можно судить изъ того, что онъ въ первую проѣхалъ 1122 версты въ 22 дни, во вторую 1210 верстъ въ 36 дней, въ третью 1355 верстъ въ 57 дней, а въ четвертую 2300 верстъ въ 78 дней; и такъ Врангель вообще провелъ на льду 173 дня, т. е. около по-

лугода и въ это время проѣхалъ 6077 верстъ, т. е. да-
лѣ нежели отсюда до Иркутска. — И не должно ду-
мать, чтобы наши странники не встрѣчали никакихъ
другихъ препятствій кромѣ суровости климата. Иногда
во цѣлымъ днямъ они оставались безъ пищи, потому
что запасы были расхищены звѣрями, а еще чаще пре-
терпѣвали недостатокъ въ топливѣ. Во второе лѣто
пробыванія ихъ въ Нижне-Колымскѣ рыбная ловля бы-
ла вовсе неудачна и настала голодъ, а въ слѣдствіе то-
го моръ между собаками, истребившій болѣе $\frac{1}{2}$ собакъ
Колымскаго уѣзда, такъ что экспедиція была лишена
самыхъ непосредственныхъ своихъ потребностей и
должна была изъ дальнихъ мѣстъ собрать около 300
собакъ, изъ числа которыхъ едва 60 оказались годны-
ми для предпріянія новой экспедиціи по льду по из-
вѣстному плану.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, чтобы выста-
вить въ надлежащемъ свѣтѣ способность вождя экспе-
диціи и его спутниковъ, мы ни на одну минуту не
теряли изъ виду, что это соображеніе подлежитъ соб-
ственно совершенно другому суду и что здѣсь, гдѣ
идеть дѣло о присужденіи Демидовской преміи, должно
смотрѣть не на лицо, а на обогащенія, какія книга при-
несла области наукъ вообще или познанію Отечества
въ особенности. Тутъ къ сожалѣнію мы теряемъ вовсе
изъ глазъ Г-а Анжу, который не меньшимъ постоян-
ствомъ столь существенно содѣйствовалъ удачѣ всей
экспедиціи. Несчастный случай лишилъ его, какъ мы

слышали, оригинальныхъ его замѣтокъ, и вѣроятно от-
нялъ у него охоту къ изданію особаго описанія. Но го-
товясь донести о важныхъ ученыхъ результатахъ экс-
педиціи, мы считаемъ себя долгомъ справедливости
объявить въ самомъ началѣ, что и спутникамъ Адми-
рала Врангеля, тогдашнему мичману Матюшкину, Док-
тору Киберу, сопричисленному къ экспедиціи въ зва-
ніи врача и естествоиспытателя, и штурману Козьми-
ну подобаешь честь ревностнаго содѣйствія ученымъ
дѣламъ экспедиціи. Нѣкоторыя изъ побочныхъ поѣз-
докъ были выполнены только этими господами, и вооб-
ще каждый изъ нихъ способствовалъ и пользамъ науки
по мѣрѣ силъ своихъ. Изъ дневника Д-ра Кибера, ко-
торый мы имѣемъ передъ собою, не только многое уже
прежде сдѣлалось извѣстнымъ посредствомъ отече-
ственныхъ журналовъ, но и перешло также въ общее
донесеніе

И относительно къ ученой пользѣ экспедиціи мы
могли бы сослаться на иной довольно громкій одобри-
тельный отзывъ чужихъ краевъ. Довольствуясь одна-
ко указаніемъ на предисловіе Риттера къ Нѣмецкому
изданію книги, мы приводимъ только слѣдующія слова
изъ устъ перваго Географа всѣхъ вѣковъ: „неознаком-
леніе свѣта съ столь успѣшными усиліями многораз-
личнаго рода должно было бы почестъ незамѣтнымъ
пробѣломъ въ страницахъ исторіи географическихъ
познаній.“ Но намъ кажется болѣе долгомъ Академіи
точнѣе указать на прибыль, волученную науками отъ

обсуживаемой книги, нежели возносить ее общими похвалами, хотя мы должны замѣтить, что столько же невозможно, сколько и излишне было бы поставять на видъ каждое маловажное приобрѣтеніе, какое простояетъ для науки отъ всякаго описанія путешествія.

Одно изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній науки отъ экспедиціи Врангеля есть безъ сомнѣнія съемка отечественнаго берега на протяженіи 65 градусовъ долготы, основанная болѣе нежели на 200 астрономическихъ опредѣленіяхъ шѣсть (включая и Экспедицію Анжу, которая вмѣстѣ принята за основаніе при составленіи карты, 115 пунктовъ морскаго берега опредѣлены въ экспедиціи Врангеля), а равно съемка Медвѣжьихъ острововъ и группы Новой Сибири. Далѣе составленіе трехъ картъ большой части сѣверовосточной Сибири, изъ которыхъ оказывается, что протяженіе горныхъ хребтовъ на прежнихъ картахъ было отмѣчено довольно неточно по произволу составителей. Потому географическое описаніе сѣверовосточной части Сибири, т. е. именно той части нашего Отечества, которой не коснулись Академическія Экспедиціи въ царствованіе Екатерины II и о которыхъ мы имѣли свидѣнія только изъ немаловажнаго впрочемъ описанія путешествія Сарычева. Г. Врангель, проживъ довольно долгое время между этими племенами, могъ начертать намъ живую картину ихъ домашняго быта. Мы узнаемъ между прочимъ, что изъ двухъ народовъ *Омоковъ* и *Шеликовъ* одинъ уже пересталъ существовать, а другой

былъ близокъ претерпѣть ту же участь. -- Впрочемъ Г. Врангель еще сообщаетъ нѣсколько обращеній нарѣчій Омоковъ, вѣроятно единственные, сохранившіеся отъ этого выморочнаго племени остатки. Съ этнографическимъ описаніемъ идетъ рядомъ изображеніе мѣстности и климата, способовъ пропитанія, т. е. звѣриной ловли и т. п., что придаетъ этой географической картинѣ также занимательность въ отношеніи къ зоологій и въ особенности познанія географическаго распространенія животныхъ и торговли пушнымъ товаромъ, границъ произрастанія деревьевъ и хлѣбныхъ растений и проч. Далѣе, мы обязаны Г. Врангелю за предварительное свѣденіе о горныхъ формаціяхъ Сѣверовосточной Сибири и въ особенности рѣкъ Колымы и обѣихъ Алюй, за множество отдѣльныхъ замѣчаній о замерзаніи земли въ Сибири, о ледяныхъ хранилищахъ у озеръ, о источникахъ, исчезающихъ и вновь пробивающихся изъ земли и т. д. Полный дневникъ метеорологическихъ наблюденій, веденный въ Нижне-Колымскѣ съ Ноября 1820 по Мартъ 1823 года, за исключеніемъ только мѣсяцевъ Іюля и Августа, не преминетъ принести важную пользу метеорологій, тѣмъ болѣе, что мы доселѣ не имѣли опредѣленныхъ численныхъ показаній изъ тамошней страны. Также о направленіи и силѣ вѣтра, о выпаданіи метеорныхъ водъ и о разныхъ отдѣльныхъ метеорахъ мы впервые получаемъ свѣденіе изъ этого донесенія. Рядъ наблюденій о склоненіи и уклоненіи магнитной стрѣлки отъ Иркутска до Колючина-остро-

на близъ Берингова пролива и отчасти среди льдовъ Океана, гдѣ наблюдатель вѣроятно не скоро найдетъ себѣ послѣдователя, служить драгоценнымъ пополненіемъ наблюденій, учиненныхъ въ Сибири Ганстеномъ и Эрманомъ. Богатая роспись замѣченныхъ путешественниками сѣверныхъ сіяній, съ изображеніемъ разительнѣйшихъ ихъ видовъ, послужила основаніемъ новой теоріи сѣвернаго сіянія, придуманной нашимъ сочленомъ Г. Парротомъ.

Конечно мы въ слѣдствіе розысканій Врангеля утратили большой материкъ, о которомъ шла молва, что онъ лежитъ на Сѣверъ отъ Сибири. Онъ не могъ быть достигнутъ ни въ четыре поѣздки по льду Врангеля, ни въ таковыя же Анжу. Но Врангель доказываетъ соображеніемъ всѣхъ сохранившихся объ этомъ предметѣ свѣденій, что молва относилась или только къ совершенно извѣстнымъ нынѣ островамъ, или основана на однихъ недоразумѣніяхъ. И тутъ то мы дошли наконецъ до самаго важнаго непосредственнаго результата экспедиціи. Изъ наблюденій Врангеля и Анжу, въ согласіи съ наблюденіями смѣлаго ихъ предшественника Геденштрема, оказывается, что сплошные льды составляютъ только окраину матерой земли Азіи, — окраину, которая становится шире тамъ, гдѣ море не столь глубоко и отдѣльные острова служатъ опорой льду. Такимъ образомъ сплошные льды противъ устья Яны простираются верстъ на 600 ширины, а далѣе группы Новой Сибири едва на 25 верстъ. Чѣмъ далѣе

на Востокъ, тѣмъ болѣе сѣуживается ледяная окраина, отчасти потому, что море далѣе къ Востоку глубже, а отчасти потому, что здѣсь встрѣчается менше острововъ и притомъ только небольшіе и менше возвышенныя. — Противъ острова Шалаурова путешественники уже въ ста верстахъ отъ берега нашли открытое море, а у мыса Якана ледяной край былъ еще уже. Но изъ этого слѣдуетъ, что противъ мыса Якана нѣтъ обширной земли, по крайней мѣрѣ не въ такой близости, чтобы ее можно было видѣть отъ сказаннаго мыса. Ибо и эта земля должна бы имѣть свою ледяную кайму и обѣ ледяныя окраины должны бы сходиться зимою, какъ и Азія соединена зимою съ Америкой ледяною скатертью, не взирая на глубину Берингова пролива. Но еслибы и временно только растилалась ледяная скатерть между Сибирью и неизвѣстнымъ материкомъ, то послѣдній навѣрно уже былъ бы навѣщенъ Чукчами или Русскими промышленниками, которые были уже въ Новой Сибири, хотя она вовсе не видна съ матерой земли Азіи. И такъ мы не находимъ никакой причины вѣрять въ существованіи неизвѣстной земли, которую Берггаузъ въ своемъ Физическомъ Атласѣ уже окрестилъ именемъ Врангеловой.

Чукчи, утверждавшіе, что они видѣли землю, могли быть введены въ обманъ туманами, которые столь часто обманываютъ и самыхъ опытныхъ моряковъ, или можетъ быть видѣли только отдѣльные морскіе льды. Наконецъ самое убѣдительное доказательство въ томъ,

что и въ большемъ отдаленіи нѣтъ полярной земли, Коммиссары наши выводятъ изъ Врангелевыхъ метеорологическихъ наблюденій, — и этотъ-то выводъ, въ соединеніи съ прочими наблюденіями Врангеля даетъ намъ окончательное поясненіе о состояніи Ледовитаго моря. Вопросъ о томъ, судоходно ли это море, занимавшій въ теченіи вѣковъ столь многихъ мореходцевъ и кабинетныхъ ученыхъ, можно теперь уже почестъ разрѣшеннымъ. Во внутренности своей ни покрытое сплошною ледяною корою, ниже совершенно свободное отъ льда, но прензобилуя плавающими льдинами, оно при зыбкости сихъ послѣднихъ, хотя иногда допускаетъ мореплавателей проникнуть довольно далеко на Сѣверъ, но никогда не подаетъ надежды на продолжительное плаваніе. А по сему и нельзя предвидѣть возможности достигнуть Полюса.

Что изъ Врангелевыхъ наблюденій иное уже сдѣлалось прежде извѣстнымъ, а именно особою книгою нашего сочлена Паррота, было только слѣдствіемъ особеннаго участія, какое принимала въ нихъ ученая публика и отнюдь не можетъ исключить собственнаго изданія отъ Демидовскаго конкурса. Что Нѣмецкій переводъ описанія сего путешествія вышелъ уже въ 1839 году въ Берлинѣ, а Англійскій въ 1840 въ Лондонѣ, изданіе же подлинника заготовленіемъ Атласа изъ 3 картъ и 10 литографическихъ рисунковъ и другими установленіями занемалось до 1841 года, стольже мало должно исключать его отъ конкурса нынѣшняго года,

ибо теперь только изъ подлиннаго сочиненія мы узнаемъ, какія именно мнѣнія Авторъ признаетъ за свои собственныя. И кромѣ того Русскій подлинникъ, приложеніемъ къ нему Атласа и разныхъ статей Прибавленія, напечатанныхъ при участіи самой Академіи на счетъ Демидовскаго учрежденія, полнѣ Нѣмецкаго и Англійскаго изданій.

Опредѣлить ли намъ теперь, — спрашиваютъ Комиссары наши, — степень Демидовской преміи? — Парри съ экипажемъ своимъ получилъ за первое свое плаваніе національную награду въ 10.000 ф. стерл. силою Парламентскаго акта. Намъ остается только жалеть, что и полная Демидовская премія составляетъ не болѣе пятидесятой части этой суммы.

Академія присудила Контръ - Адмиралу Барону Врангелю полную Демидовскую премію въ 5000 руб. асс., и такъ какъ ни одно изъ прочихъ соискательныхъ сочиненій не можетъ состязаться, по важности, съ его путешествіемъ, то Академія положила другихъ полныхъ премій на сей разъ не пазначать; хотя, при иныхъ обстоятельствахъ, въ оной конечно не было бы отказано Корпуса Горныхъ Инженеровъ Подполковнику *Гельмерсену* за сочиненную имъ:

II. Генеральную карту Горныхъ Формаций Европейской Россіи съ пояснительными примѣчаніями. Профессоръ минералогіи и Геогнозіи при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра *Гооманнъ*, разсма-

тривавшій по приглашенію Академіи сію карту оты-
мается объ ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ возрастаю-
щее участіе въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ, ия
рука объ руку съ открытіями въ познаніи горнокамен-
наго свойства земель, принесло важнѣйшія услуги не
только наукѣ, но еще почти въ большей мѣрѣ самимъ
Государствамъ въ техническомъ и меркантильномъ от-
ношеніяхъ, — Россія, казалось еще отставала, медлен-
но двигаясь на этомъ поприщѣ развитія. Многочислен-
ныя, и нерѣдко тщательныя наблюденія, коихъ резуль-
таты сообщаются въ Горномъ журналѣ, уже по при-
чинѣ языка, были мало доступны чужимъ краямъ, и
поэтому развѣ только самыя скудныя извлеченія изъ
нихъ появлялись въ иностранныхъ повременныхъ из-
даніяхъ. Наблюденія чужихъ и тѣхъ изъ туземныхъ
путешественниковъ, которые писали на языкѣ, болѣе
извѣстномъ, были, при всемъ ихъ относительномъ до-
стоинствѣ, ничтожны въ сравненіи съ необъятнымъ
пространствомъ Имперіи; и такъ Россія въ геогности-
ческомъ отношеніи оставалась какъ бы океаномъ, на
которомъ лишь кое гдѣ былъ открытъ небольшой
островокъ.

Если мы возьмемъ въ соображеніе, какой свѣтъ про-
лить на первобытное состояніе нашей планеты уже
однимъ точнѣйшимъ сличеніемъ современныхъ форма-
цій въ разныхъ странахъ Западной Европы, то само со-
бою понятно, что ожиданіе всѣхъ Геогностовъ долженъ

ствовало быть устремлено на Россію, въ обширныхъ равнинахъ которой пласты, бывъ мало подвержены дѣйствіямъ позднѣйшихъ переворотовъ, растлаются почти ненарушимымъ горизонтальнымъ напластованіемъ на необъятныхъ протяженіяхъ въ самыхъ много-различныхъ климатахъ. Каждая на границахъ Азии дознанная формація Западной Европы уже сама по себѣ важна для развитія геологическаго познанія, и тѣмъ точнѣе описаніе пластовъ и особенно сохранившихся въ нихъ органическихъ остатковъ, тѣмъ плодovitѣе для науки будетъ это открытіе. Но чтобы въ Россіи проложить путь для такихъ точнѣйшихъ изслѣдованій, надлежало сперва соорудить фундаментъ, на которомъ можно было бы воздвигнуть дальнѣйшее зданіе: надлежало обозначить уже извѣданныя въ этой Имперіи формаціи съ ихъ приблизительными границами и тѣмъ самымъ указать тѣ мѣста, гдѣ можно ожидать самыхъ обильныхъ открытій въ чисто ученое или въ техническое отношеніи.

До сихъ поръ недоставало сочиненія, которое являло бы глазамъ туземной и иностранной публики все уже собранныя данности въ общедоступномъ видѣ. Этотъ живо ощущаемый пробѣлъ пополняется самымъ отличнѣйшимъ образомъ трудомъ Г. Гельмерсена. Нѣтъ сомнѣнія, что позднѣйшія болѣе подробныя розысканія послужатъ къ немалому измѣненію этой карты, но не менѣе того она останется основаніемъ послѣдующихъ работъ и изъ всехъ доселѣ вышед-

шихъ въ нашемъ отечествѣ трудовъ по этой части конечно наиболѣе будетъ способствовать къ развитію Геогнозис Россіи, не только потому, что показываетъ уже сдѣланное у насъ и намѣкаетъ о томъ, что еще предстоитъ исполнить; но и потому, что она, какъ и всякое положительно изрѣченное мнѣніе, возбудитъ духъ любознания и изыскательности, который не можетъ не обратиться въ пользу самой науки.

Такъ какъ трудъ этотъ предназначался главнѣйше для удовлетворенія отечественной потребности, то поясненія къ картѣ изданы на Русскомъ языкѣ; но какъ и ученая публика всѣхъ другихъ странъ имѣетъ равныя притязанія на пользу и поученіе отъ подобнаго предпріятія, то самъ Авторъ не преминулъ изготовить переводъ на Нѣмецкій языкъ своего отечественнаго труда и на самой картѣ имена написаны Латинскими литерами, поясненія же красокъ даны не на одномъ Русскомъ, но и на Нѣмецкомъ языкѣ.

Хотя въ заглавіи обѣщано только обзорніе формаций Европейской Россіи, но мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что и ближайшее изслѣдованіе горнокаменности Зауральской степи и восточныхъ береговъ Каспійскаго моря не ускользнуло отъ изыскательнаго духа Русскихъ естествоиспытателей.

Въ приложенныхъ къ картѣ поясненіяхъ авторъ даетъ отчетъ объ основныхъ началахъ, руководившихъ его при разграниченіи формаций: они опираются на

открытыхъ въ каждой мѣстности окаменѣlostяхъ, которые не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ справедливаго означенія самыхъ формацій.

Кромѣ работъ другихъ изыскателей, сдѣлавшихся известными отчасти изъ особыхъ сочиненій, отчасти изъ разныхъ повременныхъ изданій и между прочимъ особенно Горнаго Журнала, авторъ пользовался при составленіи сего труда преимущественно собственными обширными изслѣдованіями, учиненными имъ во время многократныхъ ученыхъ его путешествій. А сверхъ того онъ извлекъ не маловажную пользу для этого труда, также какъ и для науки вообще, изъ офіціального своего положенія, открывавшаго ему свободный доступъ къ богатымъ геогностическимъ коллекціямъ Горнаго Института, изобилующимъ собранными въ различѣйшихъ частяхъ Имперіи окаменѣlostями.

Внимательно слѣдя за отдѣльными формаціями, мы убѣждаемся сколь много собственныя наблюденія автора содѣйствовали къ тому, что онъ могъ представить ученому свѣту трудъ, какового по прежде дошедшимъ до общаго свѣденія открытіямъ, въ правѣ были ожидать развѣ по прошествіи многихъ лѣтъ.

Изложивъ за тѣмъ въ подробномъ разборѣ содержаніе и достоинство, какъ равно и немногіе недостатки труда Г. Гельмерсена, которыхъ миновать было невозможно, Г. Рецензентъ выводитъ заключеніе, что авторъ многочисленными собственными наблюденіями, простирающимися на различѣйшія между собою страны и

формацин и тщательнымъ изученіемъ чужихъ работъ по этому предмету, составилъ трудъ, который Географы всѣхъ земель встрѣтятъ съ живѣйшею благодарностію и который особенно для отечественныхъ Географовъ весьма важенъ тѣмъ, что даетъ имъ твердое основаніе, опираясь на которомъ, они могутъ продолжать свои розысканія и направлять ихъ къ общей цѣли; а посему Рецензентъ слѣдуя искреннему своему убѣжденію признаетъ этотъ трудъ въ полномъ смыслѣ достойнымъ Демидовской преміи.

Хотя Академія и имѣетъ обыкновеніе назначать полныя преміи преимущественно такимъ трудамъ, которые кромѣ частной пользы приносимой ими отечественной литературѣ, расширяютъ сверхъ того предѣлы науки и тѣмъ должны обратить на себя вниманіе ученыхъ всѣхъ націй, и хотя трудъ Г. Гельмерсена безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ сему разряду, но по приведеннымъ выше обстоятельствамъ Академія видитъ себя въ необходимости присудить ему только второстепенную премію.

Сверхъ того удостоиваются второстепенныхъ премій:

Академикъ Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи Статскій Совѣтникъ Саломонъ за *Руководство къ оперативной Хирургіи* въ двухъ томахъ.

Флота Лейтенантъ Зеленой за изданную имъ книгу: *Астрономическія средства кораблестроенія*.

Профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета *Горловъ* за сочиненную имъ *Теорію Финансовъ*.

Надворный Совѣтникъ *Шимкевичъ* за представленный имъ въ рукописи *Корнесловъ Русскаго языка*.

Коллежскій Ассесоръ *Берштрессеръ* за *Руководство къ разведенію, улучшенію, кормленію и откормкѣ домашнихъ животныхъ*; наконецъ

Адъюнктъ-Профессоръ при Императорскомъ Царско-Сельскомъ Лицеѣ *Смарагдовъ* за изданныя имъ *Руководства къ познанію древней и средней Исторіи*.

III.

Первое изъ сихъ сочиненій, Руководство къ оперативной Хирургіи Профессора Саломона разсматривалось въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Г-мъ Профессоромъ Иноземцевымъ. Изъ подробнаго критическаго разбора одобреннаго Медицинскимъ Факультетомъ усматривается:

- 1) Что предметы входящіе въ оперативную Медицину изложены современно и въ возможной полнотѣ.
- 2) Что Авторъ въ изложеніи вездѣ точенъ и ясенъ; проясняетъ дѣло, гдѣ только возможно было, анатомическими свѣдѣніями. Въ изложеніи же техническихъ приемовъ операций Авторъ избралъ лучшіе и болѣе опытомъ одобренные.
- 3) Что историческая часть операций какъ то: названіе, происхожденіе методъ; названіе и образованіе

инструментовъ и. т. п. передана вѣрно и изъ лучшихъ источниковъ, но безъ всякаго критическаго разбора.

4) Что Авторъ во все продолженіе своего изложенія остался совершенно вѣрнымъ своему убѣжденію; вездѣ, гдѣ только можно было, онъ старался разбираемое оцѣнить и повѣрить на практикѣ и передать намъ уже повѣренное имъ самимъ, или лучшими Хирургами нашего и прошлаго времени.

5) Что многія статьи творенія Г. Саломона, кромѣ яснаго изложенія предмета, обогащены еще приведенными лучшими сочиненіями по сему предмету. Авторъ старался тѣмъ указать учащимся, кромѣ своего убѣжденія и мнѣнія другихъ ученыхъ въ оригиналѣ.

6) Если Рецензентъ кое-гдѣ и несогласуется съ мнѣніемъ Автора, то это, какъ дѣло чистаго убѣжденія не можетъ составлять совершеннаго опроверженія противъ мнѣнія Автора, который излагаетъ въ своемъ твореніи все существующее и существовавшее въ наукѣ.

7) Чистый и прекрасный Русскій языкъ, которымъ написано сочиненіе Г. Саломона, составляетъ также немаловажное достоинство, — тѣмъ болѣе, что мы почти вовсе не имѣемъ еще Русскаго медицинскаго языка. — Авторъ же съ необычайною легкостію пользуется Русскимъ языкомъ для выраженія самыхъ трудныхъ предметовъ.

IV.

Второе изъ вышепоименованныхъ сочиненій, которымъ присуждена второстепенная награда, есть часть

полнаго учебнаго курса издаваемаго при норскомъ кадетскомъ корпусѣ, подъ заглавіемъ: *Теорія и Практика кораблевожденія*, и заключаетъ въ себѣ, какъ выше сказано изложеніе

Астрономическихъ средствъ кораблевожденія, или руководство къ Астрономіи для мореплавателей составленное флота-Лейтенантомъ Зеленымъ.

По отзыву нашего Астронома, Г. Академика Струве, трудъ сей не есть просто сводъ изъ лучшихъ сочиненій по сей части другихъ націй, но трудъ самобытный, расположенный и исполненный по благоразумно обдуманному плану. Г. Струве хвалитъ въ немъ особенно точность и ясность въ изложеніи, два существенныя качества въ книгѣ, предназначенной не только для преподаванія Астрономіи, но и для руководства морскихъ Офицеровъ при вычисленіи наблюденій производимыхъ для опредѣленія мѣста корабля.

Книга Г-на Зеленаго раздѣляется на три отдѣла: 1-е Теоретическую Астрономію, 2-е наблюдательную Астрономію или описаніе Астрономическихъ инструментовъ и 3-е Приложение Астрономіи къ мореходству. Первая часть наименѣе удовлетворила Г-на Рецензента. По видимому, при составленіи ея, Авторъ долженъ былъ избѣгать повторенія того, что изъ теоретической Астрономіи уже было преподавано въ предшествовавшемъ курсѣ, и потому въ сей части замѣтны нѣкоторыя пробѣлы и несправности, вредящія полнотѣ и самостоятельности сочиненія, но могущія при второмъ изданіи

летво быть исправлены. Тамъ, гдѣ Авторъ дѣйствовалъ болѣе независимо, именно въ наблюдательной Астрономіи, онъ являетъ себя основательнымъ знатокомъ Теоріи Астрономическихъ Инструментовъ, ихъ устройства, способовъ для повѣрки оныхъ, — и морякомъ, которому употребленіе ихъ на морѣ известно изъ опыта. Главнымъ инструментомъ въ операціяхъ Англійскаго и Россійскаго флота былъ доселѣ зеркальный секстантъ; Французы употребляютъ сверхъ того еще и зеркальный кругъ Борды. Нашъ Авторъ исчисляетъ въ подробности и весьма ясно способы для повѣрки зеркальнаго Секстанта и отношенія его къ зеркальному кругу, объясняетъ неудобства произтекающія отъ начала, на которомъ основано вообще устройство зеркальныхъ инструментовъ, и впервые описываетъ новые зеркальные приборы, придуманные въ Минхенѣ Штейнгейлемъ, такъ называемые призматическія круги, дающіе возможность измѣрять углы до 180° и неимѣющіе всѣхъ тѣхъ оптическихъ несовершенствъ, которыми страдаютъ зеркальные инструменты. Но Г. Зеленый не только первый описалъ ихъ; онъ кромѣ того собственными своими наблюденіями доказалъ неопровержимымъ образомъ возможность и пользу употребленія ихъ на морѣ, въ чемъ многіе сомнѣвались, такъ что даже Англичане доселѣ не обращали своего вниманія на призматическій кругъ Штейнгейля, признанный однако нынѣ существенно морскимъ инструментомъ.

И третья часть книги Г-на Зеленаго, содержащая

приложеніе Астрономіи къ мореходству, отличается тѣми же качествами какъ и вторая, и Г. Струве въ заключеніе своего донесенія удостовѣряетъ, что чтеніе сего сочиненія внушило ему искреннее уваженіе къ познаніямъ и усердію Автора и что оно въ полной мѣрѣ заслуживаетъ вниманіе Академіи, хотя многое въ немъ можетъ быть пополнено и исправлено. Но такъ какъ можно полагать съ достовѣрностью, что Авторъ приложитъ всѣ успія къ постепенному усовершенствованію своего труда, то нѣтъ сомнѣнія, что отечественная литература со временемъ пріобрѣтетъ въ немъ такое сочиненіе, которое смѣло можетъ стать на ряду съ лучшими иностранными сего рода. Требовать такого совершенства отъ перваго опыта въ обработаніи столь богатаго и многосложнаго матеріала было бы несправедливо; но и въ томъ видѣ въ которомъ нынѣ предлежитъ трудъ Г-на Зеленаго онъ не оставитъ принести отечеству пользу и честь. —

V.

Далѣе Академія признала достойнымъ второстепенной преміи сочиненіе Казанскаго профессора Горлова Теорія Финансовъ.

Донынѣ, говоритъ Г. Кеппенъ въ своемъ разборѣ, отдѣльныя только части науки о Финансахъ были предметомъ розысканій отечественныхъ писателей, какъ то: Опытъ Теоріи налоговъ-*Ник. Тургенева*; сочиненіе о Государственномъ кредитѣ (приписываемое Г-ну *Орлову*), книга Г-на *Небольсина* о Банкахъ и другихъ кре-

литныхъ установленіяхъ. — Въ полномъ своемъ объемѣ наука о Финансахъ доселѣ не находила воздѣльвателей въ числѣ Русскихъ ученыхъ и Г-ну Горлову принадлежитъ честь быть первымъ у насъ писателемъ о Финансахъ вообще.

Все сочиненіе его дѣлится на три части, изъ коихъ въ *первой* говорится о Государственныхъ доходахъ, во *второй* о Государственныхъ издержкахъ, въ *третьей* о Государственномъ кредитѣ.

Приступая къ разсмотрѣнію какого либо сочиненія, представленнаго къ полученію награды, продолжаетъ Г. Рецензентъ, всего прежде должно опредѣлить какое мѣсто оно занимаетъ на поприщѣ наукъ, т. е. какое его назначеніе и представляются ли въ немъ результаты собственныхъ новыхъ изслѣдованій, или же должно оно только ознакомить насъ съ современнымъ состояніемъ науки. Въ отношеніи къ теоріи Финансовъ Г. Горлова спрашивается еще, съ какою цѣлію она написана, съ тою ли чтобы служить руководствомъ при университетскомъ преподаваніи или же для ознакомленія любителей политическихъ наукъ съ предметами относящимися до Финансовъ. — Авторъ въ этомъ отношеніи не высказалъ своего мнѣнія, вѣроятно потому, что цѣль его была сугубая, — что и заставляетъ съ двухъ сторонъ смотрѣть на его трудъ, т. е. какъ на учебное пособіе и какъ на сочиненіе, изъ коего читатель безъ содѣйствія наставника, можетъ почерпнуть

искомыхъ свѣденія. Касательно предметовъ изложенныхъ въ Теоріи Финансовъ, Г-нъ Горловъ не имѣлъ намѣренія сдѣлать какой либо переворотъ въ наукѣ; онъ старался представить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они нынѣ входятъ въ составъ издаваемой имъ Теоріи. Иногда онъ считалъ необходимымъ приводить основанія и доводы противоположныхъ системъ (напр. Рикардо и Чальмерса въ отношеніи къ поземельной подати, или разныхъ писателей о погашеніи Государственныхъ долговъ и пр.); большею же частію онъ прямо представляетъ то мнѣніе, которое имъ признается основательнѣйшимъ. Писатели, на коихъ Г. Горловъ основывается, суть: Зонненфельсъ, Лопъ, Баронъ Мальхусъ, Мекколлохъ, Небеніусъ, Пѣлицъ, Рау, (Rau), Рикардо, Се (J.-B. Say), Сисмонди, Ад. Смитъ, Шторхъ и участники въ изданіи Энциклопедіи Государственныхъ наукъ: Роттекъ и другіе. Сверхъ того обращено вниманіе и на разныя статьи помѣщенныя въ новѣйшихъ изданіяхъ, какъ то: *Deutsche Vierteljahrsschrift*, *Revue des deux mondes* и проч. Однѣ только сочиненія Листа, новѣйшаго политическаго писателя, какъ видно, не дошли еще до Казани, гдѣ Авторъ имѣетъ пребываніе. Во всякомъ случаѣ должно отдать Г. Горлову справедливость въ томъ, что онъ совершенно знакомъ съ литературою своего предмета и зная главные Европейскіе языки (въ томъ числѣ и Нѣмецкій, необходимый для каждаго, кто занимается теоріею Государственныхъ наукъ) — слѣдить за новѣйшими явленіями по части

политических изысканий: дело не малотрудное, особенно для ученаго, обязаннаго должностными занятіями.

Изложивъ за тѣмъ обстоятельно замѣчанія свои о книгѣ Г. Горлова, Г. Кеппель въ заключеніе своего разбора говоритъ, что появленіе этой книги должно радовать каждаяго истиннаго патріота; она знакомитъ насъ съ пружинами жизни Государственной и, показывая обязанность подданныхъ удѣлять часть своего имущества на поддержаніе Общества, безъ коего человекъ не былъ бы въ состояніи достигнуть своего назначенія, — вмѣстѣ съ тѣмъ рассуждаетъ и о степени безвредности и о вліяніи на благосостояніе народа тѣхъ средствъ, которыя Правительство избираетъ для удовлетворенія національныхъ нуждъ. Обращая такимъ образомъ вниманіе Академіи на важность такого сочиненія, Г. Кеппель проситъ назначить Г. Горлову хотя второстепенную Демидовскую награду, на полученіе которой онъ, по его убѣжденію, имѣетъ полное право.

VI.

Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго со всеми Славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками. Составленъ Федоромъ Шимкевичемъ. Рукопись, разсмотрѣнная по порученію Академіи Г. Академикомъ Востоковымъ.

Въ семь замѣчательномъ трудѣ Сочинитель, — какъ изъясняется въ предисловіи, — предпринялъ, разобравъ ткань Русскаго языка такъ сказать по нитямъ, и отдавши изъ ней чужеземную примѣсь, отыскать

первоначальную основу сего языка, и такимъ образомъ опредѣлить количество сохранившагося въ немъ собственно Славянскаго запаса. Въ корнесловѣ его разсматриваются коренныя слова Русскаго языка, которыя, сами-ли по себѣ, или при посредствѣ своихъ производныхъ, сохранились въ употребленіи до нашего времени. Это ограниченіе стѣсняется до того, что слова иноязычныя, или принятые изъ другихъ языковъ, не имѣютъ мѣста въ корнесловѣ. При многихъ словахъ присоединены примѣчанія, которыя по своему содержанию, даютъ корнеслову видъ критическаго изслѣдованія о Русскомъ языкѣ. — Составитель корнеслова слылъ Русскія слова со словами всѣхъ другихъ Славянскихъ нарѣчій и языковъ Европейскихъ, а также съ Санскритскими, Персидскими, Армянскими и проч. — Обильностью и удовлетворительностію указаній въ этомъ отношеніи онъ далеко превзошелъ словарь Г. Рейфа, съ коимъ непрерывно сравниваетъ трудъ свой. Правила, принятые имъ въ руководство при составленіи корнеслова, изложены въ XII пунктахъ. Они основаны на началахъ здравой Этимологіи, и ведутъ къ дѣльнымъ заключеніямъ. Цѣль, какую предположилъ себѣ сочинитель, — опредѣлить количество сохранившагося въ Русскомъ языкѣ собственно Славянскаго запаса, — имъ вообще достигнута, и въ этомъ отношеніи трудъ Г-на Шимкевича послужитъ конечно полезнымъ руководствомъ для будущихъ изслѣдователей языка и словопроизводителей. Конечно не всѣ словопроизводства

сего корнеслова кажутся удачными, и запасъ словъ, вошедшихъ въ сіе собраніе можетъ быть въ разныхъ мѣстахъ доволенъ, но за всѣмъ тѣмъ корнесловъ Г. Шимкевича долженъ быть признанъ лучшимъ по этой части сочиненіемъ на Русскомъ языкѣ, и по сему Г. Рецензентъ полагаетъ, что на основаніи статьи VII пункта 6 Положенія о наградахъ, учрежденныхъ камергеромъ Демидовымъ, оный заслуживаетъ половиной преміи. — Въ разборѣ своемъ Г. Востоковъ присовокупилъ нѣкоторыя замѣчанія на трудъ Г. Шимкевича, которыми Авторъ конечно не оставитъ воспользоваться прежде напечатанія труда своего. На изданіе сей книги назначается сверхъ того изъ Демидовскаго капитала 1500 руб. асс.

VII.

Сочиненіе Г. Бергштрессера

Руководство къ разведенію, улучшенію, кормленію и отворикѣ домашнихъ животныхъ

было разсмотрѣно въ отношеніи къ естественной Исторіи описываемыхъ домашнихъ животныхъ Гг. Академиками Брандтомъ и Беромъ, а въ отношеніи хозяйственномъ, извѣстнымъ Агрономомъ нашимъ Матвѣемъ Андреевичемъ Байковымъ

Съ ученой точки зрѣнія изложеніе Г. Бергштрессера найдено вполне соответствующимъ нынѣшнему состоянію науки; со стороны же практическаго достоинства сей книги Г. Байковъ отзывается слѣдующи-

ни словамъ: „Руководство Г. Бергштрессера содержитъ „вообще превосходныя опытыя правила, которыя „ничего подобнаго, особенно въ такой полнотѣ, у насъ „не издано. Оставалось бы желать присовокупленія „таблицы: поскольку какихъ животныхъ и въ какихъ „Губерніяхъ могутъ кормиться на десятинѣ пастбища, „и какаго именно?“ Но сколько ни важна эта таблица въ хозяйственномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе трудно составить ее по недостатку данныхъ. Въ слѣдствіе сего Г. Байковъ полагаетъ, что упомянутое сочиненіе вполне заслуживаетъ премію. — Наконецъ

VIII.

Руководство къ познанію средней Исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное Г. Смараговымъ, было рассмотрѣно по порученію Историко-Филологическаго Отдѣленія тѣмъ же Рецензентомъ, который въ минувшемъ году столь одобрительно отозвался о Руководствѣ къ познанію древней Исторіи тогоже Автора, именно Г. Профессоромъ Лоренцомъ. Хотя ученый Рецензентъ и находитъ сей новый трудъ Г. Смарагова слабѣе прежняго, потому можетъ быть, что и самый предметъ представляетъ болѣе трудностей; — но такъ какъ онъ и сію книгу признаетъ лучшимъ учебнымъ руководствомъ по сей части на отечественномъ языкѣ и далеко предпочитаетъ ее книгѣ Г. Кайданова, служащей и понынѣ пособіемъ преподаванія Исторіи въ

среднихъ учебныхъ заведенійхъ, и такъ какъ Г. Смарагдовъ уже въ прошломъ году долженъ былъ довольствоваться почетнымъ отзывомъ, единственно за нежѣніемъ въ достаточномъ количествѣ суммъ на преміи, то Академія признала справедливымъ нынѣ присудить Г. Смарагдову второстепенную премію въ вознагражденіе трудовъ его по составленію обоихъ руководствъ и въ поощреніе къ будущимъ совершеннѣйшимъ трудамъ.

Гг. Академики Купферъ и Якоби представили Академіи брошюру напечатанную подъ заглавіемъ:

О булатахъ. Сочиненіе Корнуса Горныхъ Инженеровъ Генераль-Маіора Аносова, содержащее описаніе опытовъ, предпринятыхъ для полученія булатовъ, понятіе, пріобрѣтенное изъ сихъ опытовъ о различіи булатовъ отъ стали и открытіе самихъ способовъ готовить ихъ. Въ 2-хъ книгахъ С. П. Б. 1841.

Г-ну Аносову удалось открыть способъ приготовленія стали, которая имѣетъ всѣ свойства столь высоко цѣннаго Азіатскаго булата и превосходитъ своею добротой всѣ изготовляемые въ Европѣ сорта стали. Гг. Купферъ и Якоби имѣли подъ рукою образчики ея, которые незакаленные были чрезвычайно мягки и гибки, а закаленные крѣпостью превосходили самую лучшую Англійскую сталь. Еслибы въ сочиненіи Г. Аносова было указано, какимъ образомъ можно всегда съ

удачею изготовлять эту сталь, то не колеблясь должно бы было признать это открытіе однимъ изъ волеизъявительнѣйшихъ обогащеній промышленности, и въ особенности отечественной. Но въ описаніи столь мало сказано о способѣ приготовленія этого булата, что надобно думать не представляеть ли Г. Аносовъ себѣ самому этой тайны, или можетъ быть и ему самому только временешъ и случайно выдается изготовлять такую сталь.

Сочиненіе Г. Аносова не представляеть тѣхъ элементовъ, на которыхъ слѣдовало бы основать прочное сужденіе о его открытіи: а можно судить о важности его изобрѣтенія только по тѣмъ образцамъ стали, которые онъ доставилъ сюда. При такомъ положеніи дѣла Гг. Академики не рѣшаются представить Академіи о присужденіи Г. Аносову Демидовской награды за изобрѣтеніе, которое не содѣлалось еще общимъ достояніемъ и о которомъ даже не извѣстно основано ли оно на приемахъ вѣрныхъ и доступныхъ для всѣхъ и cadaго.

Однако въ предупреденіе упрека въ томъ, что столь важное отечественное открытіе могло ускользнуть отъ вниманія Академіи, она, на основаніи свидѣтельства двухъ своихъ членовъ, видѣвшихъ образцы булата Г. Аносова, положила удостовѣрить открытіе его въ нынѣшнемъ Демидовскомъ отчетѣ *почетнаго отзыва*, увѣрена будучи, что если способъ Г. Аносова дѣйствительно основанъ на твердыхъ указаніяхъ науки и оправдывается вѣрными и положительными опытами, благодарственное

Правительство наше конечно не оставитъ прілично вознаграждать изобрѣтателя. —

Кромѣ того Академія признала справедливымъ упомянуть съ похвалою о слѣдующихъ сочиненіяхъ во вниманіе къ полезной цѣли, которую Сочинители имѣли въ виду и къ удачному выполнению —

Профессора Всеволодова: Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными.

Зедергольма: Исторія древней Философiи.

Доктора Грума: Руководство для прививанія предохранительной оспы.

Доктора Гефта: Руководство къ повивальному Искусству.

Инженеръ-Механика Диго: Практическое Руководство для устройства усовершенствованныхъ веревчатыхъ приводовъ (*Système funiculaire*.)

Изъ остальныхъ сомкательныхъ сочиненій одно по неудовлетворительности полученной объ немъ рецензіи, на которой рѣшительнаго приговора основать было не возможно, отложено къ слѣдующему конкурсу; прочія же числомъ 16 не удостоились вниманія Академіи.

За доставленіе отъ постороннихъ ученыхъ основательныхъ и добросовѣстныхъ рецензій Академія положила наградить большими золотыми медалями:

Профессора Императорскаго Московскаго Университета *Иноземцева* и Профессоровъ Императорскаго Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ *Новицкаго* и *Гофманна*.

Наказомъ на основаніи Ст. X. Положенія о Демидовскихъ наградахъ положено какъ сей протоколъ объ 11 присужденіи оныхъ, такъ и частныя рецензіи увѣчанныхъ и одобренныхъ сочиненій напечатать особою книжкою для представленія на судъ просвященной публики.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Контръ-Адмирала Барона ВРАНГЕЛЯ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

**ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СЪВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ
СИБИРИ И ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ, СОВЕР-
ШЕННОЕ ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 ■ 1824
ГОДАХЪ ЭКСПЕДИЦІЕЮ И ПРОЧ. СЪ
ПРИБАВЛЕНІЯМИ,**

СОСТАВЛЕННЫЙ

Гг. АКАДЕМИКАМИ БЕРОМЪ И ЛЕНЦОМЪ.

**Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по
ледовитому морю, совершенное въ 1820, 1821,
1822, 1823 и 1824 годахъ, экспедиціею, состояв-
шею подъ начальствомъ флота Лейтенанта Фер-
динанда фонъ Врангеля. Часть I и II. Спб.
1841, 8.**

**Дривавленія къ путешествію.... Фердинанда
фонъ Врангеля съ 13 рисунками и картами
Спб. 1841, 8.**

Die Veranlassung und die Geschichte der Reise
über welche wir unter obigem Titel endlich einen
vollständigen Bericht in Russischer Sprache erhalten
haben, dürfen allerdings als hinlänglich bekannt vor-
ausgesetzt werden. Dennoch können wir den Zweck
der Expedition nur zum Ausgangspunkt einer Beur-
theilung des Berichtes über sie nehmen. Wir fragen

also zuvörderst: Welche Aufgabe hatte die Expedition? um nachher fragen zu können: Wie ist diese Aufgabe gelöst? und dann zu untersuchen, welchen Gewinn die Wissenschaft durch das vorliegende Buch als öffentlichen Bericht an das Publikum gewonnen hat.

In Sibirien hatte sich schon sehr früh, schon zur Zeit der Entdeckung der *Kolyma*-Mündung vor der Mitte des XVII. Jahrhunderts ein Gerücht von einer grossen Insel oder einem Lande, der Mündung dieses Flusses gegenüber, gebildet. Schon nach Müllers Mittheilungen hatte man überwiegende Gründe für die Ueberzeugung, dass ein Missverständniss dieses Gerücht hervorgerufen habe. Die Russen hatten nämlich, als sie das Gebiet der Tschuktschen erreichten, von einem grossen Lande gehört, das, nur durch einen schmalen See-Arm getrennt, dem Gebiete dieses Volkes gegenüber liege. Da man sich an der Nordküste befand, so war es natürlich, dass man es dieser Küste gegenüber glaubte. Seitdem man aber Amerika der Spitze des Tschuktschen-Landes gegenüber gefunden hatte, schien es einleuchtend, dass die Sage diesen Welttheil gemeint habe.

Indessen wachte das Gerücht von Zeit zu Zeit wieder auf, indem man das unbekannt Land bald der *Kolyma* gegenüber liess, bald mehr nach Westen versetzte. Da nun aber vor der *Kolyma* mehrere Inseln allmählig bekannt wurden (die *Bären-Inseln*) und weiter nach Westen noch grössere, das vermeintliche

Land auch in einige Karten schon aufgenommen war, so wusste Niemand mehr, ob ausser den Inseln noch ein solches anzunehmen sei, oder nicht. Aber auch von den mehr westlichen Inseln hatte man bis zum Jahre 1810 nur höchst unbestimmte Nachrichten. Mit der Entdeckung derselben war es so zugegangen.

Ein Russischer Pelzjäger oder Kaufmann, Ljächow, befand sich im Jahr 1770 grade am *Swätoi Nass*, zwischen den Mündungen der *Jana* und *Indigirka*, als eine Heerde Renthiere, von Norden her, über das Eis kam. „Die kommen nicht aus dem Meere“ dachte er, und fuhr der Spur nach. So erreichte er die erste der nach ihm benannten *Ljächow-Inseln*. Die Spur der Renthiere ging aber weiter. Er konnte beim ersten Versuche ihr Ende nicht erreichen. Doch wurde im Verlaufe mehrerer Jahre nach dieser Anzeige, die Gruppe grosser Inseln entdeckt, die jetzt mit dem Namen *Neu-Sibirien* belegt wird, und die den Promyschleniks längere Zeit einen reichen Gewinn brachte, der übrigen Welt aber so gut als unbekannt blieb. In diesem Dunkel wäre diese Gruppe auch wohl noch länger geblieben, wenn nicht die Sibirischen Abenteurer angefangen hätten um den Besitz dieses Landes zu streiten, und um höhere Entscheidung aus St. Petersburg zu bitten, während man hier von dem streitigen Lande nichts wusste. Ljächow nämlich hatte ein ausschliessliches Privilegium für die Ausbeutung der nach ihm benannten Inseln

erlangt. Seine Erben dehnten dieses Privilegium auch auf die Inseln Neu Sibirien, Fadejewski und Kotelnoi aus. Die hierüber in der Residenz erhobene Klage veranlasste den Grafen Rumänzow auch diesen wüsten Theil des Russischen Reichs untersuchen zu lassen. Auf seine Kosten wurde die bekannte Hedenströmsche Expedition nach *Neu-Sibirien* unternommen.

Hedenström's Berichte waren geeignet genug, das Interesse zu wecken, aber sie trugen stark den Character des Abenteurerlichen. Aus Eis, Erde und fossilen Knochen sollten ausgedehnte Inseln bestehen. Unter den fossilen Resten sollten auch Vögel sein, deren Klauen zu Bogen dienen, und deren Spuhlen Arms-Dicke haben. Als nun der Geheimerath Speranski General-Gouverneur von Sibirien war, stellte er vor, wie nothwendig es sei, diese Inselgruppe einer neuen Untersuchung zu unterwerfen, zugleich aber die alten und zum Theil erneuten Sagen von noch andern Inseln oder Ländern prüfen zu lassen, welche der Nord-Küste von Sibirien gegenüber zuweilen gesehen sein sollten.

Dieses gab Veranlassung zu der Expedition, über die wir hier zu berichten haben. Ihre Aufgabe wurde aber allmählig erweitert. Noch war von keinem Seefahrer seit der Zeit des unternehmenden Deschnew die Küste von der *Kolyma*-Mündung bis zur *Berings-Strasse* verfolgt. Cook, der von Osten, und Billings,

der von Westen (aus der *Kolyma*) diese Küste verfolgen wollten, fanden beide ihren Weg bald durch Eis versperrt. Der brittische Stolz empörte sich bei dem Gedanken, dass einem tollkühnen Kosaken gelingen sein sollte, was ihrem grossen Seemann nicht gelingen wollte; er suchte die Authenticität der Fahrt Deschnew's in Zweifel zu ziehen, behauptete mitunter einen Zusammenhang Amerikas mit Asien in der Gegend des *Schelagskoi-Noss* (Burney), und liess zuletzt die Fahrt Deschnew's aus der Geschichte der Reisen ganz aus (Stephensen). Es galt also nochmals die Trennung Asiens von Amerika zu erweisen, und die Küste vom *Schelagskoi-Noss* bis zu Cook's *Nord-Cap* kunstgemäss aufzunehmen, da sie bisher auf den Karten nach Gutdünken gezeichnet wurde, indem weder die Expeditionen unter der Kaiserin Anna, noch die unter Billings und Sarytschew sie hatten erreichen können. Es galt aber auch denjenigen Theil der Nordküste Sibiriens, der vor hundert Jahren aufgenommen war, zu rectificiren, da besonders die Längenbestimmungen nach den damaligen mangelhaften Methoden sehr unsicher sein mussten.

Wie viel nun von dieser allmählig erweiterten Aufgabe dem Herrn von Speranski angehört, wie viel der Admiralität, darüber zu urtheilen, fehlen uns die Materialien. Aber so viel leuchtet aus dem mitgetheilten Bruchstücke der Instruction hervor, dass

der Admiralität die Bestimmung gehört, die Aufnahme der Küste auf dem Eise zu unternehmen und die angeblichen Inseln, so wie die Inselgruppe von *Neu-Sibirien* und die *Ljachowschen* Inseln durch Eisfahrten aufzusuchen. Hierdurch erhielt die Expedition nicht nur einen eigenthümlichen Charakter, sondern das Gelingen einer Unternehmung, welche der Russischen Marine so viel Ehre macht, ist nur dadurch möglich geworden. Die Bestimmung der Art der Ausführung dieser allgemeinen Vorschrift überliess man den Führern der Unternehmung. Das Hauptverdienst der Admiralität aber bestand in der Wahl tüchtiger Männer zu Führern und zur Begleitung.

Es wurde nämlich die gesammte Unternehmung in zwei Expeditionen getheilt. Die eine, geführt von dem Marine-Lieutenant Wrangell, sollte ihr Standort an der Mündung der *Kolyma* haben, von hier die Küste nach Westen bis zur *Indigirka* und nach Osten wo möglich bis zur *Berings-Strasse*, und überdiess die *Bären-Inseln* aufnehmen und auf dem Eise das Land im Norden, das zuletzt ein Geodät Andrejew aus der Ferne gesehen haben sollte, aufsuchen. Zu dieser Expedition, über welche das vorliegende Werk berichtet, gehörte noch der Dr. Kyber als Arzt und Naturforscher, der Mitschmann Matjuschkin und der Steuermann Kosmin nebst einem ehemaligen Begleiter Hedenströms, dem Kosaken Tatarinow.

Die zweite Expedition, unter Leitung des Marine-Lieutenants Anjou, sollte ihr Standquartier an der Mündung des Flusses *Jana* in *Ustjansk* haben, die Küste von der *Lena* bis zur *Indigirka* aufnehmen, und ausserdem die *Ljächow-Inseln* und die Gruppe von *Neu-Sibirien* beschreiben und aufnehmen. Ueber die Arbeiten dieser Expedition ist zwar kein ausführlicher Bericht bisher veröffentlicht, doch ist die durch sie gewonnene Verzeichnung der Küste und der Inseln in Wrangell's Karte mit aufgenommen, zugleich mit den ausgedehnten Eisfahrten Anjou's.

Fragen wir nun, wie diese Aufgabe verfolgt worden ist, so können wir uns auf Zeugnisse berufen, welche nicht unpartheiischer aufgesucht und nicht günstiger ausgesprochen werden können. Seit der ersten Fahrt des Capt. Ross im Jahre 1817 bis zu der letzten der Herren Simpson und Dease, haben die Engländer mit bewundernswürdiger Ausdauer Reisen in die arktischen Gegenden von Nord-Amerika und auf dem Eise, von *Spitzbergen* nach dem Pole zu, unternommen und es ist ihnen gelungen, durch wiederholte Untersuchungen, da jede einzelne nur theilweisen Erfolg hatte, endlich die ganze Nordküste von Amerika bis auf eine sehr kleine Lücke, die vielleicht in diesem Augenblicke auch schon befahren ist, zu verzeichnen. Mit Recht blickt jeder Britte stolz auf die Geschichte dieser Reisen, als auf einen für alle Zeiten sprechenden Beweis von brittischer Ausdauer,

Aufopferung und Tüchtigkeit: denn drei Winter, welche Ross im Eise abgesperrt zubringen musste, haben nicht im Geringsten von ähnlichen Versuchen abgeschreckt, sondern nur dazu gedient, andere Ausgangspuncte und andere Mittel zu wählen. War eine Expedition ohne Erfolg geblieben, so folgerte man daraus nicht, dass die ganze Unternehmung aufzugeben sei, sondern dass man sie auf andere Weise anzugreifen habe, weil sie schlechterdings doch gehen müsse, zur Ehre der Nation. Von einem Handelsinteresse nämlich konnte schon lange nicht mehr die Rede sein, kaum noch von allgemein wichtigen wissenschaftlichen Resultaten. Es kam in der That nur darauf an, die Sache durchgesetzt zu haben.

Dieser National-Stolz in seiner erhabensten Form war nothwendig der strengste und unerbittlichste Richter über verwandte Unternehmungen, wie er denn auch nicht unterlassen hat, über eine andere weniger glückliche Expedition oft eine scharfe Rüge ergehen zu lassen. Wie hat er sich in Bezug auf die Expeditionen von Anjou und Wrangell vernehmen lassen? — Als die ersten Berichte über die mehrmals unternommenen Eisfahrten bis an das offene Meer bekannt wurden, scheute man sich in England nicht, unverhohlenen Zweifel gegen die Wahrheit derselben auszusprechen. Als aber alle Zweifel schwinden mussten, da hat der brittische Stolz, mit ächt-seemännischer Offenheit, zu einer unverhohlenen Lobpreisung,

man könnte sagen, Begeisterung für diese Expedition sich erhoben, und man hat in den Zeitschriften Englands so lebendige Ausdrücke derselben gelesen, wie schwerlich in den vaterländischen. Die deutsche Ausgabe der Reise wurde sogleich in England übersetzt, und schon ist die zweite Auflage dieser Uebersetzung eingeleitet und vielleicht in diesem Augenblicke beendet. Major Sabine, der Herausgeber dieser Uebersetzung, selbst ein Kennr des höhern Nordens, sagt in der Einleitung: „Mögen wir nun auf Wrangells Reisebeschreibung als auf eine authentische Nachricht über einen bis jetzt wenig gekannten Theil der Erde, und seine Bewohner sehen, oder als auf eine Erzählung von überwundenen Schwierigkeiten und von Entbehrungen, ertragen in einem Geiste, den England so hoch schätzt in seinen eigenen Officieren, und nicht träge ist, in andern zu schätzen; oder endlich als einen wesentlichen Theil in der Geschichte der arktischen Entdeckungen, an welchen unser eigenes Land einen so vorherrschenden Antheil genommen hat, in allen diesen Rücksichten und in jeder einzeln hat der Reisebericht ein Recht auf die Achtung und Theilnahme brittischer Leser.“ (*Pref. p. IV.*). Doch viele Stimmen der lebhaftesten Theilnahme konnten in England eben so wenig fehlen, als in andern Ländern; vorzüglich aber kam es darauf an, wie der gelehrte Secretär der Admiralität, Barrow, der als wissenschaftlicher Repräsentant der

Aufopferung und Tüchtigkeit; denn drei Winter, welche Ross im Eise abgesperrt zubringen musste, haben nicht im Geringsten von ähnlichen Versuchen abgeschreckt, sondern nur dazu gedient, andere Ausgangspuncte und andere Mittel zu wählen. War eine Expedition ohne Erfolg geblieben, so folgerte man daraus nicht, dass die ganze Unternehmung aufzugeben sei, sondern dass man sie auf andere Weise anzugreifen habe, weil sie schlechterdings doch gehen müsse, zur Ehre der Nation. Von einem Handels-Interesse nämlich konnte schon lange nicht mehr die Rede sein, kaum noch von allgemein wichtigen wissenschaftlichen Resultaten. Es kam in der That nur darauf an, die Sache durchgesetzt zu haben.

Dieser National-Stolz in seiner erhabensten Form war nothwendig der strengste und unerbittlichste Richter über verwandte Unternehmungen; wie er denn auch nicht unterlassen hat, über eine andere weniger glückliche Expedition oft eine scharfe Rüge ergehen zu lassen. Wie hat er sich in Bezug auf die Expeditionen von Anjou und Wrangell vernehmen lassen? — Als die ersten Berichte über die mehrmals unternommenen Eisfahrten bis an das offene Meer bekannt wurden, scheute man sich in England nicht, unverhohlenen Zweifel gegen die Wahrheit derselben auszusprechen. Als aber alle Zweifel schwinden mussten, da hat der brittische Stolz, mit ächt-seemännischer Offenheit, zu einer unverhohlenen Lobpreisung,

man könnte sagen, Begeisterung für diese Expedition sich erhoben, und man hat in den Zeitschriften Englands so lebendige Ausdrücke derselben gelesen, wie schwerlich in den vaterländischen. Die deutsche Ausgabe der Reise wurde sogleich in England übersetzt, und schon ist die zweite Auflage dieser Uebersetzung eingeleitet und vielleicht in diesem Augenblicke beendet. Major Sabine, der Herausgeber dieser Uebersetzung, selbst ein Kenner des höhern Nordens, sagt in der Einleitung: „Mögen wir nun auf Wrangells Reisebeschreibung als auf eine authentische Nachricht über einen bis jetzt wenig gekannten Theil der Erde, und seine Bewohner sehen, oder als auf eine Erzählung von überwundenen Schwierigkeiten und von Entbehrungen, ertragen in einem Geiste, den England so hoch schätzt in seinen eigenen Officieren, und nicht träge ist, in andern zu schätzen; oder endlich als einen wesentlichen Theil in der Geschichte der arktischen Entdeckungen, an welchen unser eigenes Land einen so vorherrschenden Antheil genommen hat, in allen diesen Rücksichten und in jeder einzeln hat der Reisebericht ein Recht auf die Achtung und Theilnahme brittischer Leser.“ (*Pref. p. IV.*). Doch viele Stimmen der lebhaftesten Theilnahme konnten in England eben so wenig fehlen, als in andern Ländern; vorzüglich aber kam es darauf an, wie der gelehrte Secretär der Admiralität, Barrow, der als wissenschaftlicher Repräsentant der

englischen Marine gelten muss, und der amtliche Hü-
ter und Mehrer ihres Ruhmes ist, sich stellen würde.
Ueberdies hat Barrow seit mehr als einem Viertel
Jahrhundert die arktischen Expeditionen der Engländer
besonders angeregt und befördert. Sein Geschäft
war es, bei Rückkehr jeder einzelnen, den Gewinn,
den sie gebracht hatte, zu erheben, und selbst bei
den völlig Missglückten das Verdienst der Führer
unangetastet zu bewahren, vor allen Dingen aber die
stete Erneuerung der Unternehmungen, bis zu voll-
ständiger Kenntniss, des Eismees als eine Sache der
National-Ehre mit hinreissender Beredsamkeit darzu-
stellen. Seinem rastlosen Streben, in den arktischen
Expeditionen seiner Flagge ein Denkmal zu errichten,
welches der Mitwelt sowohl als der Nachwelt die Ach-
tung vor brittischer Ausdauer und Tüchtigkeit abzwün-
gen soll, ist es vorzüglich wohl zuzuschreiben, dass
man so viele Jahre hindurch so bedeutende Summen
auf diesen Zweck verwendet hat. Wie nun Barrow
sich verhalten würde gegen die Russische Flagge, die
der Brittischen ein *paroli* bietet, — darauf musste
Jedermann gespannt sein, der an der Geschichte die-
ser Entdeckungsreisen einigen Antheil genommen hat.
Kam war Wrangell's Reisebericht in England be-
kannt, so erschien von Barrow (im *Quarterly Review*
1840 *Sept.*) eine ausführliche Kritik oder vielmehr eine
ausführliche Lobpreisung, welche alle frühern an Leb-
bendigkeit zu überbieten scheint, und das Feuer eben

so bewundern lässt, das der alte Mann sich bewahrt hat, wie man die Biederkeit nothwendig lieb gewinnen und ehren muss, mit der er allen National-Stolz vergisst, wo er Tüchtiges anzuerkennen findet. Er beginnt gleich so: „Wenn wir in unserm Ausspruch über Parry's Versuch den Nordpol zu erreichen, sagten, „dass dieser Versuch, obgleich erfolglos, von so kühnem und verwegnem Charakter ist, dass er für die fernste Nachwelt als Erinnerung da stehen wird von der Ausdauer, Beharrlichkeit, Energie und Unbeugsamkeit, welche brittische Seeleute in den schwierigsten, entmuthigendsten und gefährlichsten Verhältnissen zu entwickeln fähig sind, wenn sie unter dem Commando von besonnenen und einsichtsvollen Officieren stehen, zu denen sie volles Vertrauen haben,“ — „Wenn wir, sagt Barrow, in diesem Ausspruch das Wort „Russische“ statt „Brittische“ setzen, so kann er ganz auf den Baron Wrangell und sein kleines Gefolge von Seeleuten angewendet werden.“ Nach dieser unverholenen Anerkennung kann man freilich kaum so unartig sein, zu bemerken, dass Ein Unterschied doch darin liegt, dass die Wrangellsche Expedition nicht *unsuccessful* war.

So der Anfang von Barrow's Kritik! Nachdem er von den Eisfahrten gesprochen hat, die wegen aufgehäufter Eisblöcke so ausserordentlich mühselig waren, bemerkt er: „Es ist unmöglich, dieses Buch zu lesen, ohne die augenfällige Aehn-

„lichkeit der Beschwerden, Gefahren und Entbeh-
„rungen, denen Parry in seinem letzten Ver-
„suche und Wrangell in seinen vier Fahrten auf
„dem Polar-Eise ausgesetzt waren, zu verkennen.
„Man muss jedoch zugestehen, dass in jeder Ein-
„zelheit (*in every particular*) der russische Seemann
„gegen eine unendlich grössere Masse von Schwie-
„rigkeiten und Entbehrungen zu kämpfen hatte,
„dass er ihnen viel länger ausgesetzt war, dass er
„einen viel weitem Raum zurück legte, und dass er
„weit geringere Mittel zu seiner Disposition hatte.“
Er fügt hinzu, dass jeder brittische Officier diese Be-
richte nicht vergleichen könne, ohne tief die Libera-
lität der eigenen Regierung anzuerkennen, welche
dafür sorgt, dass die brittischen Expeditionen ähnli-
cher Art mit so viel *Comfort* als möglich unternom-
men werden können (l. c. p. 440). Wir müssen aber
hierbei bemerken, dass eben dieser *Comfort* doch be-
wirkt hat, dass, trotz der bewundernswürdigen Be-
harrlichkeit der englischen Seeleute, trotz der nau-
tischen Tüchtigkeit ihrer Officiere, so viele Expedi-
tionen nöthig waren, um einen kleinen Theil der
Nordküste von Amerika zu entdecken, und dass zu-
letzt die Engländer bei unsern Matrosen und Pro-
myschlenniks aus der Zeit der Kaiserinn Anna in
die Schule gehen mussten. Fragt man sich nämlich,
wie es komme, dass vor hundert Jahren, während
der zweiten Beringschen Expedition im Verlaufe von

7 Jahren die ganze lange Nordküste der alten Welt mit Ausnahme der Strecke östlich von *Schelagskoi-Noss* hat aufgenommen werden können, während zur Entdeckung der weniger ausgedehnten Nordküste der neuen Welt fünf und zwanzig Jahr hindurch mit der grössten Energie wiederholte Unternehmungen nicht genügt haben, so springt in die Augen, dass ausser dem Vortheil, den die vielen grossen Flüsse Sibiriens gewährten, gegen welche Nord-Amerika nur einen sehr grossen hat, auch die Eigenthümlichkeit des Russischen Nationalcharakters, mit kleinen Mitteln sich zu behelfen, allein das Gelingen möglich gemacht hat. Bering und die gesammte russische Admiralität damaliger Zeit hatten keine Kenntniss von der Beschaffenheit des Eismeeers, und konnten sie gar nicht haben. Aber man wusste, dass Kosaken und andere Abenteurer das Eismeer hie und da befahren hatten, und so befahl man den Marine-Officieren die grossen Flüsse hinab zu fahren und какъ ни будь aus einer Fluss-Mündung in die andere vorzudringen. Gelang der Versuch einer Mannschaft nicht, oder wurde sie mehr oder weniger aufgerieben, so zerbrach man sich nicht den Kopf mit weisen Maasregeln, sondern man half sich mit dem wirksamen: давай другихъ! Die brittische Marine wollte lange Zeit das Eismeer mit ihrer nautischen Kunst und wohlgeschützten Schiffen bezwingen, aber es hielt sich tapferer als *St. Jean d'Acre* und die *Bocca Tigris* und liess von den com-

fortablen Schiffen nur die der ersten Parryschen Expedition tief in seine Geheimnisse schauen, rief aber zweimal demselben muthigen Parry, zweimal dem Capitain Ross, einmal dem Capt. Beechey und ein anderes Mal dem Capt. Back sein kaltes *Stop!* entgegen, und setzte den brittischen Muth und die brittische Nautik nur in eine comfortable Gefangenschaft. Da sahen sich die Britten um nach der Weise, wie die Russischen Abenteurer vom vorigen Jahrhundert es gemacht hatten, was ihnen wahrlich zu nicht geringer Ehre gereicht — und siehe! vor den offenen Böten, wo der Mensch *à la merci* der Witterung gestellt war, öffneten sich die Nordküsten von Amerika. Wir haben es uns nicht versagen können unsern Duldern vom vorigen Jahrhundert dieses kleine Zeichen der Erinnerung zu widmen, und kehren zurück zu unserm Gegenstande.

Doch erlaube man uns noch vorher zu bemerken, dass der liebenswürdige und in seiner Ausdauer bewundernswürdige Barrow am Schlusse seines Berichtes über Wrangells Reise wieder auf sein *Ceterum censeo, Carthaginem esse delendam* d. h. auf den Satz zurück kommt: Die Ehre der englischen Flagge fordert, dass das ganze Eismeer über Amerika beschriftet werde! Er stellt seinem Volke den Baron Wrangell als einen Mann dar, der wohl geeignet sein könnte, den Engländern die letzte Ehre zu rauben, und schliesst mit einem energischen Anruf an den britti-

„schen Stolz, von dem wir nur das Ende hersetzen.
„Wir können nicht glauben, dass jetzt, nachdem die
„Thore weit geöffnet sind, der Triumph, endlich über
„die Schwelle einzutreten, nach Allem was wir ge-
„than haben, um den Weg zu ebenen, einer fremden
„Flagge überlassen werden wird. Davor bewahre uns,
„rufen wir, das Ehrgefühl des Volkes! Davor bewahre
„uns der National-Stolz! Wird das erlaubt, so muss
„England sein Haupt beugen!“

Während der Sekretär der brittischen Admiralität so ungeheuchelte Bewunderung der Ausdauer und dem Unternehmungsgeiste des Herrn von Wrangell zollt und zuletzt seinen Landsleuten zuruft: Hannibal ist vor den Thoren! ist der Bericht des letztern so schlicht und einfach, dass man glauben sollte, es verstünde sich alles von selbst. Von der Reise von St. Petersburg nach *Irkutsk*, in der Telega bei Frühlingswegen zurückgelegt, wird eben nur gesagt, dass sie so rasch als möglich, in 56 Tagen, zurückgelegt wurde. Die Reise von *Irkutsk* nach *Jakutsk* auf der *Lena* ist eine genussreiche Erholung. Ueber den Ritt von *Jakutsk* bis *Nishne-Kolymsk*, mehr als 2000 Werst weit, im Winter ausgeführt, über steile Gebirge und wochenlang ohne Obdach, längere Zeit bei einer Kälte von 24° und zuletzt bei einem Froste von 32° R. wird nur so viel von den Unbequemlichkeiten gesagt, als nöthig ist, um zu zeigen, wie man hier reist, — dagegen wird überall auf die Gränze der Baumvege-

tation, Beschaffenheit der Gebirge und des übrigen Terrains ausführlich berichtet. So kommen wir schon im zweiten Kapitel nach *Nishne-Kolymsk*. Umständlicher ist die Erzählung der Eisfahrten, weil nur dadurch die Beschaffenheit des Meer-Eises in dieser Gegend gezeigt werden kann. Aber diese Verachtung der Mühseligkeiten ist es lange nicht allein, welche das Gelingen herbei führte, sondern der unbeugsame Wille, alle Hindernisse zu überwinden und die geistige Spannkraft, welche bei allen deprimirenden Einflüssen den Muth aufrecht erhielt. Es ist nicht schwer, bei aufregender Umgebung, und kräftigem Wohlbefinden, aus Ehrgeiz allenfalls sich dem Tode preis zu geben; — aber abgeschnitten von aller Welt, an der Küste des Eismeers, wo der behaglichste Aufenthalt der im Hauptquartier zu *Nishne-Kolymsk* war, welcher dem Führer 4 Quadrat-Faden und der Mannschaft eben so viel Raum gab, wo ein Eisblock die Stelle des Fensters vertrat, und nur gedämpftes Licht einfallen liess, wenn nämlich die Sonne nicht unter dem Horizonte war, wo zuweilen die Pelze in der Stube nicht abgelegt werden konnten, in diesem engen Raume und dieser langen Zeit, die sich in vielen Tausend Minuten langsam abspinnen musste, nicht in einer einzigen unglücklichen Minute zu finden, dass Gründe genug da waren, um umzukehren, — das ist es, was unsere Bewunderung uns abzwingt. Denn das dürfen wir nicht übersehen, dass Herr von

Wrangell, sowohl auf den Fahrten selbst, als im Quartier zu *N. Kolymsk* in jeder Minute die Möglichkeit hatte, umzukehren. An dieser moralischen Klippe sind mehr Expeditionen gescheitert, als an dem gefährlichsten Felsenriffe der Welt. Wir brauchen nicht an das beispiellose Beispiel des unglücklichen Bering auf der zweiten Fahrt zu erinnern, der mit musterhafter Ausdauer alle Schwierigkeiten überwunden hatte, um von *St. Petersburg* bis an die Küste *Amerikas* zu gelangen, dann aber mit gebeugtem Muthe und murrender Mannschaft nur acht Stunden an dieser Küste verweilte, um frisches Wasser einzunehmen, nachdem man acht Jahre gebraucht hatte, um dahin zu gelangen, und so mit dem über-eilten: zurück! allen bisherigen Bemühungen die Krone abbrach. Der Vergleich liegt uns viel näher. Hier in *Nishne-Kolymsk* selbst sollte Billings 30 Jahr vor Wrangell auf Befehl der Admiralität zu Schiffe gehn, um dieselbe Küste aufzunehmen, die später Wrangell aufgenommen hat. Das Polar-Meer setzte auch ihm sein eisiges „Stop“ entgegen, das kein Kiel überwinden kann; allein man sagte ihm, im Winter könne man auf dem Eise mit Hunden die Küste entlang fahren. Billings war hierzu entschlossen, dagegen setzten ihm Andere die Gefährlichkeit und Unausführbarkeit des Unternehmens aus einander, und Billings hatte das Unglück, seinen Entschluss aufzugeben.

In dem engen Raum des Hauptquartiers zu *Nishne-Kolymsk* „schwelgte“ unser Reisender, nach eigenem Ausdrucke, wenn er von seinen Eisfahrten zurück kehrte. Was es mit diesen auf sich hatte, möge man daraus ersehen, dass auf der ersten 1122 Werst in 22 Tagen, auf der zweiten 1210 Werst in 36 Tagen, auf der dritten 1355 Werst in 57 Tagen und auf der vierten 2300 Werst in 78 Tagen zurückgelegt wurden. Ueberhaupt hat also Wrangell 173 Tage, d. h. ungefähr ein halbes Jahr auf dem Eise zugebracht, und ist in dieser Zeit 6077 Werst, d. h. weiter als von hier nach Irkutsk gefahren. Zuweilen fehlte es Tagelang an Nahrung, denn die Vorräthe waren von Thieren ausgeplündert, noch öfter an Feuerung. Zuweilen brach das Eis unter den Reisenden und man sieht sie auf sturmbewegtem Meere auf abgelösten Eisschollen. Auch diese zertrümmern zuweilen unter ihnen.

Man darf aber nicht glauben, dass unser Reisender, ausser dem Klima, kein anderes Hinderniss zu überwinden gehabt hätte. Von diesen fanden sich hier, wie auf allen ähnlichen Reisen, ganz unvorhergesehene, weshalb die schon gefassten Pläne mehrfach umgeändert werden mussten. Gleich bei der Ankunft in *Sredne-Kolymsk* zeigte es sich, dass der dortige *Ispravnik* alle schon ein Jahr vorher durch den General Gouverneur ihm befohlenen Vorkehrungen vollständig unterlassen hatte. Nichts war also von der

Special-Behörde für die Bedürfnisse der Expedition gethan. Man hatte weder für einen Vorrath von Fischen zum Futtern der Hunde gesorgt, noch auch einen einzigen Baum zum Bau eines Observatoriums angeführt, und eben so wenig der Anordnung gemäss Anstalt getroffen, an dem *Baranow*-Felsen eine Art Winterlager zu erbauen, was doch als Ruhepunkt für die Eisfahrt unentbehrlich war. Der *Ispraunik* wusste keine andere Entschuldigung vorzubringen, als: er habe nicht geglaubt, dass die Reisenden in diesem Jahre wirklich schon eintreffen würden. Der Baron Wrangell giebt nun Herrn von Matjuschkin das Verdienst, dass er, der früher angekommen war, durch seine rastlose Bemühung das Versäumte einigermaßen gut zu machen bestrebt gewesen sei. In der That hatte dieser mitten im Winter, das heisst im hiesigen Winter, einen Thurm mit vier Fenstern auf ein Häuschen setzen lassen, wobei die Beile der Arbeiter wie Glas zersprangen, und bald nach Wrangell's Ankunft, war diese Arbeit schon vollendet. Herr von Wrangell versammelte nun, verlassen von der einzigen Ortsbehörde, die wohlhabenden Russischen Einwohner des kleinen Ortes und die Stammältesten der am *Omolon* und *Anjui* wohnenden *Jakuten*, *Jukahiren* und *Tschuwanzen*, um durch Versprechungen sie zu bewegen, so schnell als möglich alle noch fehlenden Bedürfnisse der Expedition herbeizuschaffen, was eben nicht leicht war, da z. B. die

trocknen Fische 800 Werst weit herbei geschafft werden mussten, und bei den Bewohnern der ganzen Gegend ein gewisses Misstrauen in Betreff der richtigen Bezahlung für die gelieferten Gegenstände, bei dem *Isprawnik* aber durchaus Mangel an gutem Willen, der Expedition behülflich zu sein, sich zu erkennen gab. Indessen gelang es, das Vertrauen der Eingebornen durch Offenheit zu gewinnen. Nun aber trat der *Isprawnik* mit Gegen-Machinationen auf. Er gab sich alle ersinnliche Mühe, die Reisenden durch übertriebene Schilderung der Armuth der Einwohner zur Verminderung der Forderungen zu bewegen, und sie durch grundlose Erzählungen von den bevorstehenden Gefahren zu schrecken. Unter andern behauptete er, die dortigen Hunde seien schwach, und nicht im Stande weite Reisen auszuhalten, die Führer aber durchaus unerfahren und nicht zuverlässig. Vornehmlich aber liess er sich ganz besonders angelegen sein, eine Menge der fürchterlichsten Beispiele von der Rohheit und Wildheit der *Tschuktschen* vorzubringen, die er als die gefährlichsten und grausamsten Menschen beschrieb. Als das auch nicht fruchtete, unternahm er eine Reise, angeblich in Dienstgeschäften, und kam, trotz des Versprechens, bald zurück zu sein, nicht wieder. Er war besiegt.

Im folgenden Winter aber brach ein ganz anderes Unglück ein, als die Widerspenstigkeit eines *Isprawniks*, der wahrscheinlich nicht beaufsichtigt sein

wollte, — ein Unglück, das in andern Gegenden kaum bemerkt sein würde, in *Nisene-Kolymsk* aber zu einer Lebensfrage wurde. Der Sommer-Fischfang war sehr unergiebig ausgefallen, es brach also Hungersnoth aus und in Folge derselben eine Seuche unter den Hunden, welche $\frac{1}{4}$ der Hunde des Kolymsker-Kreises dahin raffte. Es waren also die unmittelbarsten Bedürfnisse der Expedition grösstentheils vernichtet. Wie nun dennoch aus grosser Entfernung eine Anzahl von 300 Hunden zusammengebracht, diese von der Seuche bewahrt, am Ende aber nur 60 tauglich befunden wurden, und mit diesen eine neue Expedition auf dem Eise, nach verändertem Plane, unternommen wurde, ausführlich zu erzählen, würde uns zu weit führen. Wir haben es uns nur nicht versagen können, die Akademie in einem Zeitpunkte, wo sie selbst eine ähnliche Expedition eingeleitet hat, zu erinnern, wie viel darauf ankommt, dass der Führer derselben die Fähigkeit habe, zur rechten Zeit den rechten Entschluss zu fassen, und dass er darin durch die erhaltene Instruction nicht gehindert sein müsse.

Wir haben überhaupt in unserm Bericht die Tüchtigkeit der Führer und seiner Begleiter nur deshalb in's Auge gefasst, damit der Expedition im Vaterlande, bei dieser sich darbietenden Gelegenheit, die Anerkennung nicht fehle, welche ihr in England, in Deutschland und in Frankreich in so vollem Maasse zu Theil geworden ist. Wir haben keinen Augenblick

verkannt, dass diese Rücksichten mehr einem andern Forum angehören und dass für Bewerbung um den Demidowschen Preis wir nicht nach den Personen, sondern nur nach den Bereicherungen zu fragen haben, welche das Buch dem Gesamtgebiete der Wissenschaften überhaupt, oder der Kenntniss des Vaterlandes insbesondere bringt. Hier verlieren wir leider den Herrn von Anjou ganz aus dem Auge, der durch nicht mindere Ausdauer zur glücklichen Ausführung der Gesamt-Expedition so wesentlich beigetragen hat. Ein unglücklicher Brand hat ihn, dem Vernehmen nach, um den Besitz seiner Original-Notirungen gebracht, und mag ihm die Lust benommen haben, auf die Herausgabe der officiellen Berichte zu dringen, nachdem, durch Karten und vorläufige Berichte, die wesentlichsten geographischen Resultate bekannt geworden sind. Die Gerechtigkeit fordert aber, dass wir, indem wir uns anschicken summarisch über die wichtigeren wissenschaftlichen Ergebnisse zu berichten, gleich von vorn erklären, dass auch den Begleitern des Admirals Wrangell, dem Midschipman Matjuschkin, dem Doctor Kyber, der als Arzt und Naturforscher beigegeben war, und dem Steuermann Kosmin ein sehr ehrenwerther Antheil an dem Gewinn gebührt, den die Wissenschaft durch dieses Buch erhält. Manche Neben-Expeditionen wurden nur von diesen Herren ausgeführt, und beigetragen hat Jeder nach seinem Vermögen. Aus dem Journale des

Dr. Kyber, das wir vor uns haben, ist gar Manches nicht nur früher in Russischen Zeitschriften bekannt geworden, sondern auch in diesen allgemeinen Bericht übergegangen.

Auch in Bezug auf den wissenschaftlichen Gewinn könnten wir uns auf manche recht volltönende Anerkennung des Auslandes berufen. Wir begnügen uns auf die Vorrede Ritters zur deutschen Ausgabe zu verweisen, und aus dem Munde des ersten Geographen aller Zeiten nur die Worte hervorzuheben: „dass „das Verborgengeblieben so erfolgreicher Anstrengungen mannigfacher Art, als eine unersetzliche Lücke „in der Geschichte des geographischen Wissens anzusehen sein würde.“ — Es scheint uns aber mehr Pflicht gegen die Akademie, den Gewinn im Einzelnen nachzuweisen, den die Wissenschaft durch das zu beurtheilende Buch erlangt hat, als es durch allgemeine Lobpreisungen zu erheben. Bemerken müssen wir aber, dass es eben so unmöglich fällt, als unnöthig ist, die kleinen Nebengewinne hervorzuheben, wie sie jede Reisebeschreibung abwirft. Eine dem Berichte über die eigene Reise vorangeschickte Geschichte aller Reisen an die Nordküste von Sibirien, aus den Quellen geschöpft, dürfen wir aber nicht unerwähnt lassen, da diese Zugabe für die vaterländische Geschichte der Reisen sehr erwünscht ist.

Gewonnen ist nun, vor allen Dingen, eine Küsten-Aufnahme, und zwar eine vaterländische, von 65

Längengraden, basirt auf mehr als 200 astronomische Ortsbestimmungen *), so wie die Aufnahme der *Bären-Inseln*, der *Ljächowschen Inseln* und der Gruppe von *Neu-Sibirien*. Die westliche Hälfte dieser Aufnahme gehört Herrn von Anjou.

Gewonnen sind ferner drei Karten von einem grossen Theile von Nordost-Sibirien, so viel nach den mehrfachen Reiserouten und Erkundigungen und vielen astronomischen Bestimmungen möglich war. Es ergibt sich daraus, dass die Gebirgszüge auf den bisherigen Karten ziemlich willkürlich nach der Laune der Kartenzeichner in Form von langen Raupen oder Skolopendern zwischen den Flussgebieten hingezeichnet waren, während es gerade im Charakter dieser Gegenden zu liegen scheint, dass die Flüsse sich nur am Fusse von Höhenzügen finden. Um zu beweisen, dass unsere Vergleichung nicht eine oberflächliche gewesen, ergreifen wir begierig die Gelegenheit, einen Tadel auszusprechen. Das Städtchen *Saschiversk*, über welches die Reise ging, liegt sowohl auf der deutschen als auf der russischen Karte von der Reise-Route um einen ganzen Grad entfernt. Offenbar ist in dieser Gegend die Route unrichtig eingetragen.

*) Die Anjousche Expedition mitgezählt, auf welche die Karte mit basirt ist 115 Punkte der Meeresküste wurden auf der Wrangellschen Expedition bestimmt.

Gewonnen ist die geographische Schilderung des nordöstlichsten Theils von Sibirien; das heisst grade desjenigen Theiles unsers Vaterlandes, der von den akademischen Expeditionen unter der Kaiserin Katharina nicht berührt worden ist, und von dem wir nur durch die nicht unwichtige Reisebeschreibung Sarytschew's etwas wussten, wenn man nicht einige Berichte von Kosaken, die Pallas hat drucken lassen, mitzählen will, die aber wenig mehr lehren als hie und da einen Völkernamen. Herr von Wrangell hat lange genug unter diesen Völkern gelebt, um uns eine lebendige Schilderung von ihrem Haushalt zu geben. Wir erfahren dabei, dass von zwei Völkern, den *Omoken* und den *Schelagen*, das eine ausgestorben war, das andere im Begriffe war auszustorben, als Herr von Wrangell sich dort aufhielt. Doch werden noch Sprachproben der *Omoken* mitgetheilt, die wohl die einzigen bleiben werden. Mit der ethnographischen Schilderung ist die Schilderung des Terrains und des Klimas, der Subsistenzmittel, also der Jagd u. s. w. verbunden. Dadurch gewinnt dieses geographische Gemälde auch für die Zoologie und vorzüglich für die Kenntniss der geographischen Verbreitung der Thiere und des Pelzhandels Interesse.

Besonders aber müssen wir es hervorheben, dass Herr von Wrangell auf das Vorkommen der Bäume überall sehr aufmerksam gewesen ist, und die will-

kommenste Auskunft giebt. Die Vorstellung von der Gränze des Baumwuchses wird dadurch wesentlich verändert. Bisher war man geneigt, den 67° n. Br. als diese Gränze in Sibiren zu betrachten, auf Sujew's Beobachtungen am *Ob* gestützt, welche man verallgemeinert hat. Herr von Wrangell weist nach, dass man an den grössern Flussbetten gradstämmigen Baumwuchs bis zum 71° n. Br. findet, und dass überhaupt nicht sowohl die Kälte an sich, als die Nähe des Eismeers die Baum-Gränze bestimmt. Diese Gränze ist auf Wrangell's Karte von Ost-Sibirien eingetragen, und es springt in die Augen, dass sie sich nach der Gestalt der Küste richtet. Es war also nur eine Wirkung des Obischen Meerbusens, dass Sujew jenseit des 67. Grades keinen Wald mehr fand. Auf diese Weise kennt man noch kein Maass von Kälte, welche, ohne Einfluss der Seewinde, in der Ebene Bäume nicht gedeihen lässt. Die Expedition an die *Chatanga* wird vielleicht lehren, ob es überhaupt ein solches Maass giebt. Auch über die Gränzen des Getreide-Baues auf dem zurückgelegten Wege würde man hier neue Nachrichten erhalten, wenn uns diese Erman nicht schon früher gegeben hätte.

Gewonnen ist ferner eine vorläufige Kenntniss von den Gebirgs-Formationen Nordost-Sibiriens, besonders aber an den Flüssen *Kolyma* und den beiden *Anjui*.

Gewonnen sind eine Menge einzelner Notizen über

den gefrorenen Boden Sibiriens, über Eislagen an Seen, über Quellen, welche verschwinden oder neu hervorbrechen, Notizen, welche nicht hinreichen, um eine bestimmte zusammenhängende Vorstellung über das Boden-Eis zu erlangen, aber doch einst als Beiträge nützlich sein werden.

Ein vollständiges meteorologisches Tagebuch, in *Nisne-Kolymsk* vom November 1820 bis zum März 1823, nur mit Ausschluss der Monate Juli und August, vier Mal täglich notirt, ist für die wissenschaftliche Meteorologie von grosser Wichtigkeit, da wir aus dieser Gegend bisher gar keine bestimmten Angaben in Zahlen hätten. Die mittleren jährlichen und monatlichen Temperaturen von *Nis-Kolymsk* und *Ustjan* waren schon längst in Folge freundlicher Mittheilungen bekannt geworden und haben wesentlich dazu beigetragen, von der Vertheilung der Wärme in Sibirien deutlichere Vorstellungen zu gewinnen. Ueber die Richtung des Windes und seine Stärke, über das Fallen meteorischer Wasser, so wie über einzelne Meteore erhalten wir erst durch diese Reisebeschreibung Nachricht.

Eine Reihe magnetischer Beobachtungen in Bezug auf Inclination und Declination, von *Irkutsk* und *Jakutsk* an bis zur *Koljutschin-Insel* in der Nähe der *Berings-Strasse*, kann, bei dem jetzigen Interesse für Beobachtungen dieser Art, auch nicht umhin willkommen zu sein, und um so mehr, da die meisten

aus Gegenden kommen, welche Hansteen und Erman nicht besucht haben, und zum Theil auf dem Eise des Meeres angestellt sind, wo wahrscheinlich nicht so bald neue folgen werden.

Ein sehr reiches Verzeichniss von beobachteten Nordlichtern mannigfacher Form, jetzt begleitet von Abbildungen der auffallendsten Verschiedenheiten, haben unsern Collegen Parrot aufgefordert, eine Theorie des Nordlichts auf sie zu erbauen.

Wir kommen hierdurch nothwendig auf die wichtigsten Früchte dieser Reise, die gewonnene Kenntniss vom Eismeere in diesen Gegenden, und von der Bildung des Meer-Eises überhaupt, welche derselbe berühmte Physiker schon vor einer Reihe von Jahren, gleichzeitig mit seiner Theorie der Nordlichter, der Welt mitgetheilt hat, was uns aber nicht bestimmen darf, jetzt wo der Beobachter selbst spricht, davon wegzusehen.

Verloren ist freilich durch die Wrangellschen Untersuchungen das grosse Land, welches der Nordküste Sibiriens gegenüber liegen soll. Es konnte durch vier Eisfahrten, die Wrangell unternahm, eben so wenig erreicht werden, als durch die Eisfahrten Anjou's. Wrangell weist aber auch durch Zusammenstellung aller darüber aufbewahrten Nachrichten nach, dass diese entweder nur auf die jetzt völlig bekannten Inseln sich beziehen, oder auf Missverständnissen beruhen. Besonders war dem Reisenden aufgetragen,

die Angaben des Kosaken-Sotniks Andrejew zu prüfen, welcher von der *Vierpfeiler-Insel*, einer der *Bären-Inseln*, ein ausgedehntes Land gesehen haben wollte, das zu betreten er aber nicht den Muth hatte, weil er 20 Werst von der Küste eine Menge Spuren von Rennthier-Schlitten fand. Dieses Land war auf mehreren Karten eingetragen und namentlich durch *Burney*. Nun weist aber *Wrangell* aus den Berichten Andrejew's nach, dass dieser auf der *Vierpfeiler-Insel* stand, als er das Land zu sehen glaubte, und dass er, mit dem Gesichte nach Süden gekehrt das Land links gehabt zu haben aussagt. In die Augen springend ist *Wrangell's* Vermuthung, dass Andrejew eine vorspringende Spitze des Festlandes von Asien selbst gesehen haben müsse, z. B. das *Schelagskoi-Nosi*, wenn seiner Angabe nicht ein Irrthum oder Betrug zum Grunde liegt. Wenigstens ist *Wrangell* auf zweien seiner Eisfahrten östlich von den *Bären-Inseln*, also zur linken Hand Andrejew's (bei dessen Stellung mit dem Gesichte nach Süden) so weit nach Norden gekommen, dass er dem Andrejew in dieser Stellung fast im Rücken gewesen wäre. *Wrangell* läugnet also entschieden die Richtigkeit der Angaben Andrejew's. Dennoch findet sich in der Deutschen Ausgabe der Reise ein Schlusssatz, den wir missbilligen müssen, von dem wir aber nicht wissen, ob er dem Verfasser selbst angehört, oder dem Bearbeiter, denn wir können diese Stelle

*

in der Russischen Ausgabe nicht finden. Es heisst dort; „Dennoch will ich keinesweges behaupten, es „könne in jener Region des Eismeers kein bisher un- „entdecktes Land sich befinden.“ Baron Wrangell erinnert nämlich, dass dem Vorgebirge *Jakan* gegenüber die *Tschuktschen* zuweilen Berge gesehen zu haben glauben, deren muthmassliche Stelle auch auf der Karte angegeben ist. Allein diese Berge, wenn sie existiren, können nur auf beschränkten Inseln liegen, wie wir aus der Zusammenstellung von Wrangell's eigenen Beobachtungen sogleich zu zeigen versuchen werden. Jener Ausdruck aber: „ein noch unbekanntes Land“ vielleicht durch zu grosse Bescheidenheit oder die Besorgniss, nicht zu absprechend zu sein, eingegeben, hat Herrn Berghaus veranlasst, in seinem physikalischen Atlas nochmals ein „wahrscheinliches Polarland“ nördlich von Ost-Sibirien zu verzeichnen, das noch zu entdecken bleibt — und zuletzt wieder eine neue Exploration veranlassen könnte. Im Grunde war ja des Herrn v. Speranski's Interesse für das Polarland besonders dadurch aufgeregt, dass er es auf Karten verzeichnet fand. Auf die Karten war es durch Burney gekommen, der auf Andrejew's sich selbst widersprechende, oder wenigstens ganz verwirrte Angaben nur Gewicht legte, um Deschnew die Ehre nicht zu gönnen, zuerst die Trennung Asiens von Amerika nachgewiesen zu haben. Nun lässt sich voraussetzen, dass die Karte von Berg-

haus ihre Nachahmer finden wird; und wir zweifeln keinen Augenblick, dass solchen fremden Karten wieder bei uns gefolgt werden wird, obgleich die Materialien für die Chartographie dieser Gegenden durchaus nur russische sind. Haben wir doch lange die Form von *Nowaja-Semlja* nach ausländischen Karten auf den unsrigen modulirt, und erst durch die viermaligen Reisen des Admiralen Lütke erfahren, dass unsre eigenen Karten die richtigern waren. Die neuen russischen Karten waren den ausländischen gefolgt, obgleich es bekannt genug ist, dass seit etwa 200 Jahren kein ausländisches Schiff *Nowaja-Semlja* besucht hat.

Das wichtigste unmittelbare Ergebniss von Wrangell's Beobachtungen in Verbindung mit den Beobachtungen von Anjou und ihrem kühnen Vorgänger Hedenström ist wohl die bestimmte Nachweisung, dass die zusammenhängende Eisdecke nur einen Saum um das Festland bildet, einen Saum, der da breiter wird, wo das Meer seichter ist, und zerstreute Inseln der Eisdecke Haltpunkte geben. So ist dieser zusammenhängende Eisrand der *Jana-Mündung* gegenüber ungefähr über 600 Werst breit, geht aber über die Gruppe von *Neu-Sibirien* kaum 25 Werst hinaus. Je weiter nach Osten desto schmaler wird der Eis-Saum; theils weil das Meer weiter nach Osten nicht so flach ist, theils weil eine geringere Zahl von Inseln und zwar nur kleine und weniger vorgeschobene sich

zeigen. Der Insel *Schalaurov's* gegenüber fand man schon 100 Werst von der Küste offenes Meer und beim Cap *Jakov* war der Eis-Saum noch viel schmäler. Hieraus folgt aber, dass dem Cap *Jakov* gegenüber kein ausgedehntes Land sich befindet, wenigstens ganz gewiss nicht in solcher Nähe, dass es von dem genannten Cap gesehen werden könnte. Denn dieses Land müsste ja auch seinen Eissaum haben, und beide Eissäume müssten sich doch im Winter erreichen, wie ja Asien und Amerika im Winter ungeachtet der Tiefe der *Bering's-Strasse*, durch eine Eis-Brücke vereinigt sind. Bestände aber auch nur zuweilen eine Eis-Brücke zwischen Sibirien und jenem Lande; so wäre es gewiss schon von den *Tschuktschen* oder den Russischen *Promyschleniks* besucht worden, die doch *Neu-Sibirien* erreicht haben, das über jede mögliche Sichtbarkeit weit hinaus ragt. Wir finden also keinen Grund, an das von *Berghaus* benannte „*Wrangell's Land*“ zu glauben. Sollten die *Tschuktschen* nicht durch Nebel getäuscht sein, die oft auch die erfahrensten Seeleute getäuscht haben, so können nur isolirte Felsenriffe angenommen werden. Dass aber in dieser Gegend auch in größter Ferne kein Polarland liege, lässt sich aus *Wrangell's* meteorologischen Beobachtungen schließen. In den allgemeinen Bemerkungen über die Winde in *Nischne-Kolymsk* (*Прибавления* ст. 49) heisst es bestimmt: *сверьхъ въ лѣтніе мѣсяцы бывають ясныя пашелы въ*

zinnig. Nun ist aber durch die rechnende Meteorologie erwiesen, dass der Wind — wenigstens an der Erdoberfläche, (denn in grossen Höhen ist es umgekehrt) häufiger aus der kältern Gegend in die wärmere weht, als umgekehrt. Wenn nun in *Nishne-Kolymisk* der Nordwind seltener im Winter weht, als im Sommer, so folgt daraus, dass im Winter die Luft südlich von *Nishne-Kolymisk* kälter ist als nördlich von diesem Orte, wovon der Grund nicht füglich ein anderer sein kann, als dass die Luft im Norden über einem weiten Wasserbecken steht, das sich im Winter weniger abkühlt als das feste Land. Aus den folgenden Worten Wrangell's geht aber dieses Verhältniss noch viel bestimmter hervor: зимою (съверху) приносить туманъ и тепло, при немъ термометръ рѣдко показываетъ ниже 23°; лѣтомъ бываетъ холоднѣе. Ein Wind der im Winter in dieser Breite Nebel und Wärme bringt, kann nicht aus einem benachbartem noch nördlichem Lande wehen, sondern muss nothwendig von einer offenen weiten Wasserfläche kommen. Im Sommer aber, wo das feste Land sich erwärmt, ist der Seewind kalt.

Man kann also aus Wrangell's Beobachtungen unmittelbar folgern, dass im Norden von *Nishne-Kolymisk* kein ausgedehntes Land in der Nähe sein könne, obgleich er selbst diese Folgerung nicht zieht.

Das erhöht eben so sehr die physikalischen Beobachtungen Wrangell's, dass sie nicht mitgetheilt

werden; um irgend eine allgemeine Lehre, weder ein physikalisches Gesetz, noch ein geographisches Grössenverhältnis damit zu erweisen. Nur was er unmittelbar erreichen kann, beobachtet er, und prüft er mit möglichster Sorgsamkeit und theilt die Beobachtung mit der schönsten Anspruchslosigkeit mit. Wie sehr aber diese Beobachtungen gegenseitig sich unterstützen, lehrt das eben Gesagte. Auf drei Eisfahrten, bis an den Rand des festen Eises, sah Wrangell mehrmals das offene Meer; aus den Witterungsbeobachtungen in *Nisłne-Kolymsk* folgt dasselbe Resultat. Darum wirken diese Beobachtungen auf jeden Leser so, dass er fast gewaltsam hingerissen wird, Schlüsse oder ganze Theorien darauf zu bauen, wie wir bereits gesehen haben und vielleicht noch zeigen werden. Oft fehlt in der That nur noch, dass man aus den Beobachtungen das allgemeine Resultat zieht, Wrangell aber verschmäht zuweilen dieses hinzuschreiben. Darin unterscheidet er sich wesentlich von seinem Vorgänger, Herrn Hedenström, der viel weniger bedacht war, specielle Beobachtungen zu sammeln.

Herr Hedenström hat sich öffentlich in russischen Journalen beschwert, dass Wrangell ihm sein wissenschaftliches Verdienst geschmälert habe. Man begreift nicht wie das habe geschehen können, da Wrangell einen Auszug aus Hedenström's Reisen so vollständig mittheilt, als sein Buch es irgend er-

laubte. Der wahre Grund der Beschwerde ist wohl ein anderer. Allerdings hat Herr Hedenström gar Manches auch als Resultat seiner Reise gesagt, was jetzt als richtig allgemein anerkannt ist. Herrn Hedenström's Reisebericht hat nicht hinlänglich überzeugt. Das Detail der Beobachtungen, das schon durch die erste Veröffentlichung durch Parrot bekannt wurde, ist es, was Herrn Wrangell das entschiedene Uebergewicht gegeben hat. Dass das Meer nur an der Küste längere Zeit hindurch mit Eis bedeckt bleibt, die Art und Weise wie sich das Meer-Eis an der Nordostküste von Sibirien bildet, wie es sich spaltet, an den Spalten (*Polynjen*) gebrochen wird, wie aus diesen Bruchstücken grosse Haufen der mannigfaltigsten Form und ganze Gebirgs-Züge (*Torussen*) auf dem Eise sich bilden und viele Jahre bestehen, — das alles ist erst durch Wrangell's Beschreibungen und Zeichnungen zur allgemeinen Kenntniss gekommen, obgleich in der That in Hedenström's Reisebericht Vieles davon sich auch findet. Allein wie wenig darauf ankommt, wer zuerst etwas gesehen oder gesagt hat, sondern nur darauf, wer es zuerst zu einer allgemeinen Ueberzeugung gebracht, lässt sich daraus erkennen, dass dieselbe Bildung von *Polynjen* und *Torussen* jährlich im finnischen und bottenischen Meere vorkommt, mit dem Unterschiede nur, dass hier die *Torussen* oder Haufen von aufgeschichtetem Eise in jedem Sommer völlig verschwinden. Sie sind

hier nicht nur allen Anwohnern bekannt, sondern auch von Reisenden beschrieben worden — waren aber doch nicht zur allgemeinen Kenntniss gekommen.

Das wichtigste allgemeine Resultat der neueren russischen Eisfahrten ist, wie wir bereits bemerkten, die bestimmte Nachweisung, dass auch im Winter das feste Eis nur einen Saum um das Land bilde. An dieser Nachweisung hat offenbar Herr Hedenström so gut als Herr Anjou und Herr von Wrangell einen wesentlichen Antheil, da alle drei den Muth hatten, so weit nach Norden zu fahren bis das Eis ganz dünn ward und sie an mehreren Stellen das unbedeckte Meer mit darin schwimmenden Eismassen sahen. Wie wichtig aber dieses Resultat ist, und wie wenig es darauf ankommt, eine solche Ansicht aufgestellt zu haben, wenn man sie nicht durch mehrfache, unmittelbare Beobachtungen zur allgemeinen Ueberzeugung bringen kann, wird Jedermann finden, der auf die Geschichte der Fahrten in den höhern Norden auch nur einen flüchtigen Blick wirft. Die Zahl der bekannt gewordenen beläuft sich seit der Zeit der Normanaen, auch wenn man die gewöhnlichen Fahrten auf den Wallfischfang nicht mitzählt, auf weit mehr als 200. Sehr viele dieser Expeditionen, vielleicht die Hälfte derselben, brachten die Ueberzeugung mit, dass das feste Eis nur einen Rand bilde, die andern aber hatten die entgegengesetzte Meinung.

Zu der letztern gehörte Scoresby, der Mann, welcher die meisten Reisen in das Eismeer gemacht hatte, und seine Ueberzeugung aus der Kenntniss des Meeres um Spitzbergen und aus dem Studium aller Berichte über nordische Reisen geschöpft hatte. Er war so fest überzeugt, das ganze grosse Becken des Eismees sei wenigstens im Winter mit einer zusammenhängenden Eisdecke belegt, dass er, als die neuern englischen Reisen nach dem höhern Norden begannen, öffentlich den Vorschlag machte, eine Expedition auf dem Eise von Spitzbergen grade nach Norden gehen zu lassen, weil man nur dadurch hoffen könne, dem Pole nahe genug zu kommen, um zu erfahren, ob dort Land oder Meer sei. Hierin liegt wohl ein schlagender Beweis dafür, dass die Meinung: nur an den Küsten bilde sich das Eis, nichts weniger als consequent bewiesen werden konnte. Die Admiralität Englands nahm Scoresby's Vorschlag nicht an, und folgte hierin vielleicht ihrem Secretär Barrow, der nicht nur ein offenes Wasserbecken, sondern auch Beschiffbarkeit desselben mit Wärme vertheidigte. Nachdem aber so viele Versuche in dieses Wasserbecken einzudringen vergeblich gemacht waren, und nur die erste Reise von Parry glänzenden Erfolg gehabt hatte, da gewann Scoresby's Meinung immer mehr Anhänger, und selbst unter den Seemännern, welche diese Reisen unternommen hatten: Capt. Franklin, der zwar keine Expedition in das

offene Meer, sondern an die Nordküste von Amerika geleitet hatte, reichte der Admiralität einen solchen Plan zu einer Reise auf dem Eise nach dem Pole im Jahr 1825 ein, und erbot sich zur Ausführung desselben, Béchey und Buchan sollen diesem Plane beigestimmt haben. (Parry's *Narrative of an attempt to reach the North-Pole. Introduction* p. XI.). Er wurde nicht angenommen. Ohne hiervon zu wissen gab Parry, der schon drei Reisen in den Norden gemacht hatte, im Jahr 1826 ein ähnliches Project der *Royal Society* ein. Es wurde eine Sommerreise auf dem Eise vorgeschlagen, doch so, dass man mit Bötten versehen war, um über schmale Meeres-Arme zwischen dem Eise fahren zu können. Dieses Project wurde angenommen — und im Jahre 1827 zur Ausführung gebracht. Man weiss aber, dass, während die Mannschaft rüstig vorwärts schritt, und wie sie glaubte, auf festem Eise, der Polarstern sich zu senken begann und man also den Beweis erhielt, dass das Eis nach Süden schwamm. Wahrscheinlich hätte man diese Vorschläge nicht gemacht, wenn man die Hedenström's, Anjou-Wrangell'schen Beobachtungen vom Offensein des Eismeer-Beckens gekannt, oder im Falle man sie bereits kannte, was 1826 sehr möglich war, wenn man ihnen geglaubt hätte.

Hier wollen wir aber zu bemerken nicht unterlassen, dass wir unserm Verfasser nicht vollständig bestimmen können, wenn er sagt: около 25 (всера

къ северу отъ острововъ Котельнаго и Новой Сибиря; море зимою вовсе не замерзаетъ. (Прибавл. стр. 10). Ungefähr eben so heisst es in der deutschen Ausgabe: dass 25 Werst nördlich von den Inseln Kotelnoi und Neu-Sibirien das Meer selbst im stärksten Winter nicht gefriert.“ Wir glauben, der Verfasser hat sagen wollen, dass das Meer hier nicht geföhren bleibt. Es müsste ja ein wahres Wunder sein, wenn das Meer während einer Windstille nicht geföhre. Ueber die Zeit sind wir doch längst hinaus, in der behauptet wurde, das Meerwasser könne wegen seines Salzgehaltes nicht gefrieren und Herrn von Wrangell gegenüber dürfen wir an diese Zeit nicht erinnern. Nun ist aber das offene Meer jenseit des Eisrandes nach Wrangell's eigenen Angaben angefüllt mit Eismassen, welche von den Wellen geschaukelt werden. Jeder dieser grössern oder kleinern Eisblöcke muss wirken, wie eine Insel oder ein Theil des festen Landes, und muss bei stillem Wetter seinen Eisrand bekommen. Nach Scoresby's sehr bestimmten Beobachtungen bildet sich sogar ohne feste Anhaltspunkte auf offenem Meere bei stillem Wetter Eis in Form von runden Scheiben. Die weit ausgedehnten ebenen Eisfelder, die nördlich von Spitzbergen so gewöhnlich sich zeigen, sind nach Scoresby im offenen Meere gebildet, das Eis, welches durch „Hummocks“ oder Törossen uneben ist, nennt dieser Seemann Küsteneis. Auf diese Beobachtung gründete

sich auch ohne Zweifel seine Ueberzeugung, dass das Meer sich ganz mit Eis überdecke. Er hatte nur die Frage nicht beantwortet, ob diese Decke bleibend sein könne. Das stille Wetter hält nicht lange an im Eismeerbecken, und starke Winde müssen die Eiskecke zerbrechen. Wäre es auch glaublich dass über dem gesammten Eismeere eine solche Stille herrscht, dass eine zusammenhängende Eiskecke sich bildete, so würde doch schon bei dem nächsten Sturme der Wellenschlag diese Decke an dem weiten Ausgange des Eismeers, zwischen *Spitzbergen* und *Nowaja-Semlja*, brechen und schnell würde der Bruch fortschreiten. Aber schon durch fortgehende Kälte muss die Eiskecke nothwendig Spalten bekommen und dem Winde den Weg zu weitem Zerstörungen öffnen; die Strömungen werden ihrerseits die Spalten hier erweitern und dort zusammenschieben. Selbst von dem festen Eissaume wird der äussere Rand wahrscheinlich öfter abgebrochen und wieder neu gebildet.

Allein diese Ansicht von dem Zustande des Eismeers in einiger Entfernung von der Küste ist ohne Zweifel die unsers Verfassers selbst, denn sie geht aus seinen Beobachtungen unmittelbar hervor, und jener Ausdruck ist nur ein nicht bestimmt genug gewählter: Wir glauben viel mehr — und mit dieser Bemerkung wollen wir unsre Kritik schliessen, — dass die Beobachtungen des Baron Wrangell, verbunden mit denen der Engländer, uns jetzt definitiv

über den Zustand des Eismeers belehren. Die Frage, ob dieses Meer beschiffbar ist, welche mehrere Jahrhunderte hindurch gar manchen Seefahrer und manchen Stubensitzer beschäftigt hat, kann man jetzt wohl als entschieden betrachten. Der Streit hätte gar nicht so lange geführt werden können, wenn man nicht, wie es gewöhnlich geschieht, lange nur die Gegensätze angegriffen und vertheidigt hätte. In seinem Innern, weder von zusammenhängender Eisdecke überzogen, noch völlig eisfrei, aber mit schwimmendem Eise reichlich versehen, lässt es, bei der wechselnden Lage dieses letztern, zuweilen wohl weit vordringen, aber nie auf eine längere Fahrt rechnen, obgleich es nur ganz vorübergehend mit Eis bedeckt sein kann. Deswegen lässt sich auch keine Möglichkeit absehen, den Pol zu erreichen. Von der Nordküste Spitzbergens bis zum Pole sind nur 10° oder 1050 Werst. Hin und zurück hätte man also 2100 Werst zurückzulegen. Wrangell hat auf seiner letzten Eisfahrt 2300 Werst in 78 Tagen gemacht. Das Eis jenseit Spitzbergens ist sehr viel ebener, man würde die Fahrt nach dem Pole und zurück wohl in 50 Tagen machen können. Auf so lange Zeit können aber die Hunde das Futter nicht mitschleppen. Man müsste also Vorrathsmagazine anlegen. Diese aber würde man nie wiederfinden, da das Eis oft bricht und sich bewegt. Nun frieren ohne Zweifel die Eisfelder im Winter gewiss sehr bald wieder zusammen. Es würde

sich auch ohne Zweifel seine Ueberzeugung, dass das Meer sich ganz mit Eis überdecke. Er hatte nur die Frage nicht beantwortet, ob diese Decke bleibend sein könne. Das stille Wetter hält nicht lange an im Eismeerbecken, und starke Winde müssen die Eiskecke zerbrechen. Wäre es auch glaublich dass über dem gesammten Eismeere eine solche Stille herrscht, dass eine zusammenhängende Eiskecke sich bildete, so würde doch schon bei dem nächsten Stürme der Wellenschlag diese Decke an dem weiten Ausgange des Eismeers, zwischen *Spitzbergen* und *Nowaja-Semlja*, brechen und schnell würde der Bruch fortschreiten. Aber schon durch fortgehende Kälte muss die Eiskecke nothwendig Spalten bekommen und dem Winde den Weg zu weitem Zerstörungen öffnen; die Strömungen werden ihrerseits die Spalten hier erweitern und dort zusammenschieben. Selbst von dem festen Eissaume wird der äussere Rand wahrscheinlich öfter abgebrochen und wieder neu gebildet.

Allein diese Ansicht von dem Zustande des Eismeers in einiger Entfernung von der Küste ist ohne Zweifel die unsers Verfassers selbst, denn sie geht aus seinen Beobachtungen unmittelbar hervor, und jener Ausdruck ist nur ein nicht bestimmt genug gewählter: Wir glauben viel mehr — und mit dieser Bemerkung wollen wir unsre Kritik schliessen, — dass die Beobachtungen des Baron Wrangell, verbunden mit denen der Engländer, uns jetzt definitiv

über den Zustand des Eismeers belehren. Die Frage, ob dieses Meer beschiffbar ist, welche mehrere Jahrhunderte hindurch gar manchen Seefahrer und manchen Stubensitzer beschäftigt hat, kann man jetzt wohl als entschieden betrachten. Der Streit hätte gar nicht so lange geführt werden können, wenn man nicht, wie es gewöhnlich geschieht, lange nur die Gegensätze angegriffen und vertheidigt hätte. In seinem Innern, weder von zusammenhängender Eisdecke überzogen, noch völlig eisfrei, aber mit schwimmendem Eis reichlich versehen, lässt es, bei der wechselnden Lage dieses letztern, zuweilen wohl weit vordringen, aber nie auf eine längere Fahrt rechnen, obgleich es nur ganz vorübergehend mit Eis bedeckt sein kann. Deswegen lässt sich auch keine Möglichkeit absehen, den Pol zu erreichen. Von der Nordküste Spitzbergens bis zum Pole sind nur 10° oder 1050 Werst. Hin und zurück hätte man also 2100 Werst zurückzulegen. Wrangell hat auf seiner letzten Eisfahrt 2300 Werst in 78 Tagen gemacht. Das Eis jenseit Spitzbergens ist sehr viel ebener, man würde die Fahrt nach dem Pole und zurück wohl in 50 Tagen machen können. Auf so lange Zeit können aber die Hunde das Futter nicht mitschleppen. Man müsste also Vorrathsmagazine anlegen. Diese aber würde man nie wiederfinden, da das Eis oft bricht und sich bewegt. Nun frieren ohne Zweifel die Eisfelder im Winter gewiss sehr bald wieder zusammen. Es würde

also an sich wohl nicht unmöglich sein, dass ein tollkühner Reisender im Winter den Pol erreichte und wiederkehrte, wie auch Wrangell eine Nacht hindurch auf einer schwimmenden Eisscholle war, die sich später an eine andere anlegte, wenn man nur sicher wäre, die Vorräthe wieder zu finden.

Dass von Wrangell's Beobachtungen gar Manches schon früher und namentlich in einem besondern Buche durch unsern Collegen Parrot bekannt geworden ist, war nur Folge des an ihnen genommenen Interesses und kann die eigene Bekanntmachung von dem Demidowschen Concourse nicht ausschliessen. Dass eine deutsche Uebersetzung der Reise bereits im Jahre 1839 in Berlin, eine englische im Jahr 1840 in London erschienen, die Herausgabe des Originals aber durch die Anfertigung des Atlases von 3 Karten und 10 lithographirten Tafeln und andere Hemmnisse bis zum Jahre 1841 sich verzögert hat, kann dieses eben so wenig vom Concourse dieses Jahrs ausschliessen, da man ja erst aus dem Original ersieht, was der Verfasser als seine Meinung angesehen wissen will. Ohnehin ist das russische Original durch den Atlas und einige Artikel der *Прибавления*, welche beide auf Kosten der Demidowschen Stiftung gedruckt sind, vollständiger, als die deutsche und englische Ausgabe.

Sollen wir den Grad des Demidowschen Preises bestimmen? Parry erhielt mit seiner Mannschaft für

seine erste Reise eine National-Belohnung von 10000 Pfd. Strl. durch eine Parlaments-Acte. Wir bedauern, dass ein voller Demidowscher Preis nur den fünfzigsten Theil dieser Summe beträgt.

Baer. E. Lenz.

М Н Ъ Н І Е

Г. ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА

ГОФМАНА,

**О ГЕНЕРАЛЬНОЙ КАРТѢ ГОРНЫХЪ ФОРМАЦІЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ,**

СОСТАВЛЕННОЙ

**КОРПУСА ГОРНЫХЪ ИНЖЕНЕРОВЪ ПОДПОЛКОВНИКОМЪ
ГЕЛЬМЕРСЕНОМЪ.**

**Генеральная карта горныхъ формаций Европейской
Россіи, составленная Гр. Гельмерсеномъ.**

(Съ подробными примѣчаніями).

Während im westlichen Europa, durch das stets wachsende Interesse an geognostischen Untersuchungen, die meisten Länder in den Stand gesetzt waren, durch die genauere Kenntniss ihrer Felsbeschaffenheit, nicht nur der Wissenschaft, sondern fast mehr noch sich selbst, in technischer und merkantilischer Hinsicht, die wichtigsten Dienste zu leisten, schien Russland in dieser Hinsicht zurückzubleiben. Die zahlreichen, oft sorgfältigen Beobachtungen, deren Resultate im Bergjournal niedergelegt sind, waren, schon der Sprache wegen, dem Auslande wenig zugänglich, und es erschienen deshalb nur sehr sparsam Auszüge aus ihnen in fremden Zeitschriften. Die Beobachtun-

gen fremder und solcher einheimischen Reisenden, die sich einer bekannteren Sprache bedienten, so werthvoll sie an und für sich sind, verschwanden gegen die ungeheure Ausdehnung des Reichs, und so blieb Russland, geognostisch, ein Meer, in welchem nur sehr zerstreut einige Inseln entdeckt waren.

Zieht man in Betracht, welches Licht auf die früheren Zustände unseres Planeten geworfen worden schon durch die genaue Vergleichung gleichzeitiger Formationen in den verschiedenen Ländern des westlichen Europa, so ist es begreiflich, dass die Erwartung aller Geognosten auf Russland gerichtet ist, in dessen weiten Flächen die Schichten, wenig den Wirkungen späterer Revolutionen ausgesetzt, in fast ungestörter horizontaler Lagerung über ungeheure Strecken sich durch die verschiedensten Klimate ausbreiten. Jede an der Gränze Asiens wiedererkannte Formation des westlichen Europa ist an und für sich ein wichtiger Beitrag für die Entwicklung geologischer Kenntniss, und je genauer die Beschreibung der Schichten, und besonders ihrer organischen Einflüsse, desto fruchtbringender wird diese Entdeckung. Um aber in Russland solche genauere Untersuchungen einzuleiten, musste erst ein Fundament errichtet werden, auf welches weiter gebaut werden konnte; es mussten die in diesem Reiche erkannten Formationen mit ihren ungefähren Gränzen angegeben, und dadurch die Stellen angezeigt werden, an welchen

sich die besten Resultate erwarten lassen, sei es in rein wissenschaftlichem, sei es in technischem Interesse.

Es fehlte aber bis jetzt ein Werk, welches alle vorhandenen Data, mit Kritik gesichtet, dem gelehrten Publicum des In- und Auslandes in einer Allen zugänglichen Form vor Augen brachte. Diesem tief gefühlten Mangel hilft die in der Ueberschrift bezeichnete Arbeit des Hrn. v. Helmersen auf eine ausgezeichnete Weise ab. Spätere detaillirte Untersuchungen werden diese Carte gewiss sehr verändern, aber immer wird sie der Grund bleiben, auf dem sich die späteren Arbeiten basiren werden, und sie ist von den in unserem Vaterlande erschienenen Arbeiten gewiss diejenige, welche das Meiste zur Entwicklung der Geognosie Russlands beitragen wird, nicht nur weil sie dadurch, dass sie zeigt was geschehen, bemerklich macht was noch zu thun übrig bleibt, sondern auch weil sie wie jede positiv ausgesprochene Meinung zu Widersprüchen und Untersuchungen anregen wird, die der Sache nur förderlich sein können.

Da die Arbeit hauptsächlich für das Bedürfniss Russlands berechnet war, so erschienen die Erläuterungen zu der Carte in russischer Sprache, doch ist, da das gelehrte Publicum aller Länder gleiche Ansprüche an den Nutzen und die Belehrung hat, die aus einem solchen Unternehmen hervorgehen, von dieser ächt vaterländischen Arbeit eine Uebersetzung

ins Deutsche von dem Verfasser selbst besorgt werden, und sind auf der Carte selbst die Namen mit lateinischen Buchstaben geschrieben, die Erklärungen der Farben aber ausser in russischer auch in deutscher Sprache angegeben.

Obgleich der Titel nur die Uebersicht der Formationen des europäischen Russlands verspricht, so bemerkt man doch mit Freuden, dass die Kenntniss der Felsbeschaffenheit in der transuralischen Steppe und an dem Ostufer des kaspischen Meeres russischen Naturforschern bekannt geworden.

In den der Carte hinzugefügten Erläuterungen giebt der Verfasser die Gründe an, die ihn bei der Begränzung der Formationen geleitet, sie stützen sich auf, an Ort und Stelle gefundene, Petrefacten, welche keinem Zweifel über die richtige Bestimmung der Formationen selbst Raum lassen.

Ausser den Arbeiten anderer Forscher, die theils in besonderen Werken, theils in verschiedenen Zeitschriften, unter denen vorzüglich das Bergjournal zu erwähnen ist, bekannt gemacht worden sind, befähigten den Verfasser zu dieser Arbeit hauptsächlich eigene ausgedehnte Untersuchungen, die er auf mehreren wissenschaftlichen Reisen, während einer Reihe von Jahren, angestellt hat. Keinen geringen Nutzen zog er ferner für diese Arbeit, wie für die Wissenschaft überhaupt, aus seiner amtlichen Stellung, die ihm die freie Benutzung der reichhaltigen geo-

gnostischen Sammlungen des Kaiserlichen Bergkorps gewährte, welche reich an Petrefacten sind, die in den verschiedensten Theilen des Reichs gesammelt worden.

Bei der Betrachtung der einzelnen Formationen findet sich vielfache Gelegenheit zu zeigen, wie bedeutend des Verfassers eigene Beobachtungen dazu beigetragen haben, dass eine Arbeit der gelehrten Welt vorgelegt werden konnte, welche man nach dem, was zur allgemeineren Kenntniss gelangt war, erst nach Jahren zu erwarten berechtigt war. Wir betrachten die verschiedenen Formationen in derselben Reihenfolge wie der Verfasser.

Crystallinische Gesteine.

Unter diesem Namen fasst Hr. v. Helmersen alle nicht versteinierungshaltige Felsarten zusammen, mögen sie massig oder geschichtet sein (vulcanische, plutonische und metamorphische, wie sie nach Lyell in neuerer Zeit oft genannt werden). Bei ihrer Mannigfaltigkeit in den auf der Carte bezeichneten 4 Revieren (Finnland, Ural, SW.- und S.-Russland) und bei dem beschränkten Raum der Carte, mussten sie alle mit Einer Farbe bezeichnet werden; doch thut dies dem Zwecke der Carte keinen Abbruch, da diese nur eine Uebersicht der verschiedenen Formationen geben will. Die Bezeichnung der Verhältnisse dieser Felsarten zu einander gehört Specialkarten.

Der erste Blick auf die Carte lehrt uns, dass alle sedimentairen Gebilde Russlands in einem gewaltigen Becken abgesetzt sind, das von drei Seiten von crystallinischen Felsarten eingefasst wird, zwischen welche hindurch es wie durch 2 Thore, einerseits mit Europa, andererseits mit Asien zusammenhängt. Man sieht deutlich, dass die Meere, welche jetzt das europäische Russland einfassen, Eine zusammenhängende Wasserfläche bildeten. Es fragt sich nun: sind die crystallinischen Felsarten vielleicht das Ufer dieses grossen Meeres gewesen? existirten sie also schon vor dem Absatz secundärer Schichten? die Erläuterungen zur Carte beantworten uns diese Fragen. Die Felsarten Finnlands und die Granite des SW. Russlands, westl. vom Dnepr, sind entschieden älter als die ältesten sedimentairen Felsarten, da die Schichten des silurischen Systems in Esthland und in Podolien in ungestörter horizontaler Lage angetroffen werden. Finnland war zur Zeit des Absatzes dieser Schichten schon über das Meer erhoben, denn nirgend sind auf dem Granit und Gneis dieses Landes bis jetzt sedimentaire Schichten angetroffen worden. Anders ist es mit den Graniten des SW. Russlands. Hier sind es nicht Granitdurchbrüche durch neptunische Felsarten, wie das auf der Carte bezeichnete inselartige Auftreten ersterer Felsart zu glauben geneigt machen könnte, sondern Referent ist durch eigene Anschauung darauf geführt worden, dass es die Spitzen einer zu-

sammenhängenden Granitmasse sind, die nur dort zum Vorschein kommen, wo Einschnitte die mächtigen horizontalen tertiären und jüngeren Schichten durchschneiden. Diese Granitmasse war also während der Bildung der neptunischen Schichten von den Wassern des grossen Meeres bedeckt, dessen Ufer also mehr südlich zu suchen wären. Ebenfalls von dem Meere bedeckt war die grosse Granitmasse bei Alexandrowak, welche nach Olivieri's, Blöde's und Anderer Beobachtungen auf die Schichten des Bergkalks, also einer Formation, die im Alter den silurischen Schichten nachsteht, hebeud gewirkt hat, also späterer Entstehung ist. Hiedurch wird dieser Granit von dem podolischen geologisch geschieden. Er ist vielleicht gleichzeitiger Entstehung mit den crystallinischen Gesteinen der Krimm und des Caucasus, wofür auch seine Längenerstreckung spricht, die genau mit der Erhebungsaxe dieser Gebirge zusammenfällt. Hier weist die Carte ein hübsches Feld zu Untersuchungen an, die ausser ihrem eigenen geologischen Interesse noch ein besonderes technisches Interesse haben, weil sie im Zusammenhang mit dem Vorkommen von Steinkohlen stehen.

Bei der Bezeichnung der crystallinischen Felsarten der Krimm sei eine kleine Bemerkung erlaubt. Nach der Bezeichnung auf der Carte hat es das Ansehen, als wenn die ganze südliche Küste aus crystallinischen Gesteinen bestehe, während sie in der That aus den

Schichten des Lias besteht, in welchem inselartig die Diorite etc. an der Küste selbst und im Gebirge auftreten. Solche Punkte sind zwar sehr häufig, aber ihr sichtbarer Zusammenhang ist doch unterbrochen.

Was endlich den Ural betrifft, so ist über seine Felsbeschaffenheit der Verfasser selbst die beste Quelle. Zu vier verschiedenen Malen hat er dies Gebirge besucht, das von Bogoslawsk bis Orsk in seiner Allgemeinheit gewiss keinem Geognosten so genau bekannt ist, wie ihm. Durch seine Beobachtungen wissen wir, dass der Ural, im Osten, dem Meere keine Grenzen entgegen setzen konnte, da seine Erhebung jedenfalls nach dem Absatze der Juraschichten erfolgte, welche am Fuss des Gebirges steil einfallen, und seine Erhebung über das Wasser in einer noch späteren Periode, da auf dem Kamm des Gebirges, NW von Orsk, vom Verfasser ein kleines Becken mit Kreideschichten aufgefunden worden. In den Erläuterungen giebt der Verfasser nur ein ganz kurzes Verzeichniss der uralischen crystallinischen Felsarten, die er an andern Orten genauer beschrieben.

Silurische Schichten.

Sie treten am Rande des grossen Beckens immer in unmittelbarer Nähe von crystallinischen Gesteinen auf. Nach dieser Stellung möchte man vermuthen, dass sie von diesen bei ihrer Erhebung mit an die Oberfläche gebracht wären, aber sowohl am baltischen

Meere, wo sie schon seit längerer Zeit ein Gegenstand genauerer Untersuchungen, besonders Panders, gewesen sind, als auch am Dniestr, wo Eichwald sie beschrieben, liegen sie, wie wir schon bemerkten, in horizontaler Lage ohne sichtbare Einwirkung genannter Steine auf sie. Anzunehmen, dass das Land sich gleich nach ihrem Niederschlag über das Wasser erhoben, und sie deshalb nicht von den späteren Schichten bedeckt werden konnten, dafür scheint kein Grund vorhanden. Das Auffinden solcher Schichten durch Murchison und Graf Kaiserling bei Schawel, ausser Zusammenhang mit den esthländischen, eine Thatsache, die erst nach dem Erscheinen der Carte bekannt geworden, macht diese Annahme noch unwahrscheinlicher. Diese Schichten sind offenbar durch Entblössung zu Tage gekommen. Im Süden zeigt das Vorkommen am Dniestr die Ursache der Entblössung an; von denen, die in Esthland gewirkt haben, werden wir später sprechen.

Am Ural sind die silurischen Schichten in der langen Erstreckung von der untern Sakmara bis zur oberen Belaja, und in dem isolirten Vorkommen bei Troizk, durch die eigenen Beobachtungen des Verfassers bekannt geworden. Aus diesen Beobachtungen geht hervor, dass die Uralkette sie bei ihrer Erhebung mit zu Tage gebracht, und dass die Porphyre bei Troizk verändernd auf diese Schichten gewirkt haben. Ich führe nur ein, vom Verfasser mitgebracht-

tes Belegstück an, welches von ihm im Dorpater Museum niedergelegt worden, an welchem in einem vom Diorit nicht zu unterscheidenden Gestein sich ein Muschelabdruck findet.

Alter rother Sandstein.

Bis vor Kurzem konnten die Verhältnisse dieser Formation hauptsächlich nur in England studirt werden, wo sie selbständig und in mächtiger Entwicklung vorkömmt, während sich in andern Gegenden ihre Aequivalente nur schwach entwickelt und untergeordnet fanden. Den Untersuchungen des Verfassers am Waldaiplateau verdankt man es einzig, dass das Vorhandensein dieser Formation auch in Russland erkannt wurde. Die Sandsteine und Letten dieser Formation in Livland waren lange Zeit ein Gegenstand der Untersuchung der Dorpater Geognosten, von denen sie bald dem Keuper bald dem bunten Sandstein zugeschrieben wurden. Alle diese Unbestimmtheiten wurden beseitigt, und diesen Schichten eine bestimmte Stelle angewiesen, nachdem der Verfasser sie auf dem Waldaiplateau von Bergkalk überlagert angetroffen hatte. Spätere Untersuchungen haben gezeigt, dass diese Schichten von der Düna bis zur Dwina an vielen Stellen zu Tage kommen, und mithin in Russland einen Flächenraum einnehmen, grösser als ganz England.

Auf diesem weiten Raum hat man, wie die Carte

zeigt, nur an Einer Stelle, an der äussersten Westgränze bei Popiluni, auf dieser Formation Schichten des Jura gefunden, ein Beweis, dass die Entblössungsursachen, welche die esthländischen silurischen Schichten trafen, auch hier noch fortwirkten, wenn auch nicht so tief einschneidend, wie an den Küsten des baltischen Meeres.

Genauere Bekanntschaft mit den organischen Resten dieser Formation, die sich in so entfernten Gegenden, unter so verschiedenen Breiten gleichzubleiben scheinen, kann nicht anders als ein helleres Licht verbreiten über die zur Zeit ihrer Bildung herrschenden Verhältnisse.

Kohlengebirge.

So gross das Terrain ist, welches dieser Formation die Carte nachweist, so scheinen, wie wir aus den Erläuterungen lernen, doch nur an ein Paar Stellen wahre *coul measures* vorzukommen, und zwar nur dort, wo *crystallinische* Felsarten die ältern Schichten mit herauf brachten, wie am Donez, und dann nahe an der äussersten Gränze des grossen Gürtels, der den alten rothen Sandstein umgiebt, an der Upa, wo die Entblössung nicht so tief eingegriffen hat. An den übrigen Stellen dieses grossen Gürtels treten die unmittelbar unter den *coul measures* liegenden Schichten, der Bergkalk, in mächtiger Entwicklung zu Tage, hin und wieder schwache Koh-

lenflötze einschliessend. Reichere Kohlenniederlagen dürften dort zu erwarten sein, wo der Bergkalk sich unter jüngern Formationen verbirgt, die Entblössung also nicht so tief eingriff. Hier giebt die Carte also auch in technischer Hinsicht wichtige Fingerzeige. Nur an Einer Stelle dieses Gürtels, bei Moscau, sieht man Juraschichten auf dem Bergkalk, und ausserdem, ebenfalls bei Moskau, und an der Ostgränze des Gürtels, nach Archangelsk zu, tertiäre Schichten.

Ausser an den erwähnten Stellen zeigt die Carte weit im Osten an beiden Abhängen des Ural, besonders an dessen westlichem Fusse, an vielen Stellen wieder die untern Schichten dieser Formation, welche die crystallinischen Gesteine dieses Gebirges zu Tage gebracht haben. Ihre Bekanntschaft an diesen Stellen verdankt man hauptsächlich dem Verfasser, der sie durch eigene Beobachtungen an Ort und Stelle, und geleitet durch die Sammlungen von Petrefacten im Museum des Bergcorps, nachgewiesen hat.

Newred.

Unter diesem Namen werden die Schichten aller Formationen vom Rothliegenden bis zum Keuper inclusive, mit Ausnahme des Muschelkalksteins, der in Russland nur an Einer Stelle, am Bogdo, aufgefunden wurde, zusammengefasst.

Die Gränzen der verschiedenen Formationen des Newred im Einzelnen nachzuweisen, dazu liegen

noch zu wenig Data vor. Er zieht sich von Orenburg nördlich bis Ufa, zwischen welchen beiden Orten er durch die eigenen Beobachtungen des Verfassers bekannt geworden, und dann bedeckt er die ganze Gegend zwischen den crystallinischen Gesteinen des Urals einerseits und dem grossen Bergkalkgürtel andererseits. An vier Stellen weist die Carte auf ihm Ablagerungen von Juraschichten nach. Weitere Beobachtungen werden die Zahl solcher Punkte gewiss noch vermehren.

Juraformation.

Ausser an den inselartig zerstreuten Punkten, deren schon Erwähnung geschehen ist, finden sich Schichten dieser Formation erst südlich der Parallele von Moskau, dem Laufe der Wolga folgend von Nishnij-Nowgorod bis Sarepta, dann südlich von Orenburg zwischen Ural und Ileck, und am östlichen Fusse des Uralgebirges, an welchem letztern Orte sie durch des Verfassers eigene Beobachtungen bekannt geworden. Besonders interessant wird diese Localität noch dadurch, dass hier, wenn anders die Petrefacten von Hrn. Ulprecht richtig bestimmt sind, *Terebratula lacunosa* und *Gryphaea arcuata* vorkommen, von welchen, nach L. v. Buch, erstere eine Leitmuschel für den obern deutschen Jura (coralray), die andere aber für die unteren Schichten des Lias charakteristisch ist, während, nach dem Ausspruch eben dieses berühmten Geognosten, sich im übrigen Russland

nur die Schichten des mittleren Jura (Oxford clay) finden, von welchem Ausspruch freilich die Krimm mit ihren Liasschichten eine Ausnahme macht.

Nachdem wir von dem Vorkommen der Juraschichten gesprochen, ist es Zeit zu einer Bemerkung, die sich, wie Referenten, wohl Jedem aufdrängt, der die Carte mit einiger Aufmerksamkeit ansieht. Die Juraschichten ziehen sich vor Finnland zurück, treten anfänglich isolirt an Orten auf, die in einem weiten Bogen um dieses Land liegen, und erst in weiterer Entfernung erscheinen sie in grösserer Entwicklung. Auf dem Wege von Kiew nach St. Petersburg trifft man bei Tschetschensk auf die ersten finnländischen Gerölle; sie stellen sich am nördlichen Abhange einer Hügelreihe ein, welche die Strasse wie ein Damm von O — W durchschneidet. Nicht so scharf begränzt ist ihr südlichstes Vorkommen auf der Strasse von Kiew nach Wilna; dort traf ich sie zuerst an der Beresina, südl. von Bobruisk, ungefähr auch in der Breite von Tschetschensk. Dieselben Fluthen, welche diese Findlinge so weit zerstreuten, zerstörten auch die jüngern, weniger festen Formationen der Länder, über welche sie sich verbreiteten. Die Ufer des baltischen Meeres, welche den ersten Anprall aushalten mussten, wurden bis auf die festen silurischen Schichten entblösst. Mit der Entfernung von Finnland nahm die Stärke der fortführenden Strömung ab, und immer jüngere Formationen blie-

ben verschont, zuerst der alte rothe Sandstein, dann die Kohlenformation, auf welcher sich bei günstiger Localität schon jüngere Schichten erhalten haben, die in noch weiterer Entfernung von dem Ausgangspunkt dieser nordischen Diluvialströmung der verminderten Gewalt derselben glücklich widerstehen, und über ungeheure Erstreckungen ihre Herrschaft behaupten konnten.

Kreide.

Sie findet sich in Russland nur im südlichen Theile, und überschreitet nie die Breite von Moskau, wie der Verfasser in den Erläuterungen erinnert. Der östlichste Punkt ist das durch seine, des Verfassers, Beobachtungen bekannt gewordene kleine Becken auf der Höhe des Ural bei Orsk, dann erscheint sie bei Simbirsk schon am linken Ufer der Wolga, bedeckt die weite Ebene zwischen diesem Strom und dem Dnepr, stellt sich, nach längerer Unterbrechung, wieder bei Grodno ein, und findet sich auf einer nach W. verlängerten Linie auf der Insel Rügen wieder. Ferner finden wir sie noch verzeichnet bei Achalzik, in der Krimm und in den SW. Gouvernements.

Dieses auf das südliche Russland beschränkte Vorkommen der Kreide bestimmt Hrn. Murchison und Graf Kaiserling anzunehmen, dass das grosse Meer, welches ganz Russland bedeckte, zur Zeit dieser Nie-

derschläge durch erhobenes Land schon in ein südliches und nördliches getrennt war, und nur in dem südlichen sich diese Niederschläge absetzten. War dies der Fall, so muss eine spätere Vereinigung beider Meere wieder Statt gefunden haben, denn die finnländischen Findlinge greifen weit in das Kreidemeer hinein. Graf Kaiserling hat sie noch bei Woronesh, Kalinitschenko bei Charkow, und Baron Meyendorff sie bei Nishnij-Nowgrod und Wiätka gefunden; diese Punkte waren also von einer zusammenhängenden Wassermasse bedeckt.

Sollten die klimatischen Verhältnisse zur Kreideperiode sich nicht schon so fest gestellt haben, dass höhere Breiten der Entstehung dieser Formation hemmend entgegen traten? Die nördlichste Kreidegegend ist das südliche Schweden, welches durch seine westliche Lage auch jetzt begünstigter ist als das mittlere Russland.

Tertiäre Gebilde.

Die Carte zeigt im nördlichen Russland ihre Niederschläge aus abgesonderten Bassins, und im südlichen Russland über eine ungeheure zusammenhängende Fläche. Da hier nur die Altersbeziehungen der Schichten von Podolien und Wolhynien durch die genaueren Arbeiten Dubois und Eichwald's mit Bestimmtheit erkannt worden, über die der andern Localitäten aber sich aus den vorhandenen Daten keine

Schlüsse ableiten lassen, so sind auf der Carte alle Tertiärgebilde mit gleicher Farbe bezeichnet, aber in den Erläuterungen verwahrt der Verfasser sich ausdrücklich gegen die Ansicht, dass sie alle gleichen Alters wären. Die tiefsten Schichten bei Kiew dürften vielleicht der Eocenperiode angehören. Dieser Ausspruch stützt sich auf das Vorkommen von *Ostrea callifera*, die in diesen Schichten zuweilen gefunden wird; da aber Versteinerungen hier überhaupt selten, und dann noch meist in sehr zerstörtem Zustande vorkommen, so ist auch dieser Ausspruch immer noch vielem Zweifel unterworfen. Wie wünschenswerth auch eine genauere Bestimmung des Alters der tertiären Schichten im südlichen Russland wäre, so wird diese, da sie nur allein von den organischen Ueberresten abhängt, durch den Mangel derselben sehr erschwert werden.

Bilden wir nach dieser kurzen Inhaltsanzeige, und nach dem früher Gesagten, ein Endurtheil, so sehen wir, wie der Verfasser durch sehr zahlreiche, eigene Beobachtungen, die sich über die verschiedenartigsten Gegenden und Formationen erstrecken, und durch die besonnenne Benutzung fremder Untersuchungen ein Werk zu Stande gebracht hat, welches die Geognosten aller Länder zum Dank gegen ihn verpflichtet, für die vaterländischen Geognosten aber insbesondere vom höchsten Werth ist, weil sie dadurch eine feste Basis bekommen haben, auf welcher fussend, sie

ihre Untersuchungen weiter fortführen können, die jetzt, mögen sie auch an den verschiedensten Puncten angestellt werden, durch diese Arbeit ihren innern Zusammenhang bekommen.

Referent spricht also nur seine innigste Ueberzeugung aus, wenn er diese Arbeit, durch welche Russland der Ruhm bewahrt worden, dass es seine erste geognostische Carte nicht den Bemühungen des Auslandes verdankt, des Demidow'schen Preises im vollsten Sinne würdig erklärt.

РАЗБОРЪ

Сочиненія Академика Саломона,

подъ заглавіемъ:

РУКОВОДСТВО КЪ ОПЕРАТИВНОЙ ХИРУРГИИ,

составленный

**Ординарнымъ Профессоромъ
ИНОЗЕМЦОВЫМЪ.**

Сочиненіе подѣ заглавіемъ: Руководство къ Оперативной Хирургіи, Академика Христіана Саломона, состоитъ изъ двухъ частей, въ 8-ю долю листа; издано на Русскомъ языкѣ въ С. Петербургѣ, 1840 года. Первая часть этого сочиненія напечатанная на 208 страницахъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. *Краткое предисловіе*, гдѣ авторъ объявляетъ, что онъ изложилъ всѣ предметы, входящіе въ Оперативную Хирургію не сборно, но съ собственною оцѣнкою, руководствуясь практикою лучшихъ хирурговъ и въ особенности собственною своею.

Авторъ дѣйствительно въ продолженіи всего своего сочиненія вездѣ высказываетъ свое убѣжденіе, и какъ доцентъ старается передать своимъ слушателямъ вкратцѣ, но ясно, излагаемый имъ лучшій спо-

собъ лѣченія; прочіе же способы операций, считая ихъ меньшей практической важности, или только упоминаетъ, или даже и вовсе проходитъ молчаніемъ. Мы будемъ слѣдовательно смотрѣть на это сочиненіе не какъ на сочиненіе всеобъемлющее предметъ, но какъ на твореніе передающее намъ убѣжденіе автора, столь извѣстнаго какъ учеными своими трудами, такъ и практическою его дѣятельностію. При всемъ этомъ нельзя не отдать должной справедливости благородному и вмѣстѣ полезному стремленію автора, желающему быть полезнымъ какъ слушателямъ своимъ, такъ и на полъ дальнѣйшаго усовершенствованія науки. При послѣдующемъ разборѣ этого сочиненія мы увидимъ — выполнилъ ли авторъ свое прекрасное и рѣдкое желаніе, которое онъ въ предисловіи высказалъ слѣдующими словами: «*служить, говорить авторъ, примѣромъ для учащихъ, совершенствовать науку и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать къ излеченію больныхъ — вотъ цѣль изданія въ свѣтъ моего сочиненія.*»

II. *Введеніе въ Оперативную Хирургію* (Chirurgia operatoria), заключаетъ въ себѣ: *опредѣленіе Оперативной Хирургіи*. Авторъ принимаетъ, какъ и многіе другіе ученые это сдѣлали, что собраніе извѣстныхъ правилъ и способовъ, по которымъ производятся механическія перемѣны въ живомъ организмѣ для излеченія болѣзней, составляетъ предметъ Оперативной Хирургіи и потому раздѣляетъ всю Хирургію Опе-

ративную на двѣ главныя части: на Мехапургію и Аккіургію.

Что для излѣченія болѣзни нужна бываетъ иногда операція — это справедливо; но сдѣланная самымъ искуснымъ образомъ операція, безъ надлежащаго веденія жизненности частей, сформированныхъ операціею, еще недостаточна для излѣченія болѣзни. Нужно, чтобы съ знаніемъ дѣлать операцію, было соединено тѣсно знаніе лѣчить; — это совершенно справедливо и никѣмъ оспорится не можетъ. На этомъ то основаніи въ новѣйшее время *Вельпо* далъ Оперативной Хирургіи другое обширнѣйшее значеніе, имѣющее названіе *Оперативная Медицина* (*Médecine opératoire*); ту же часть, которая занимается только механическою частію — правилами и способами производства — называютъ нынѣ техническою частью оперативной медицины, въ собственномъ смыслѣ Оперативная Хирургія. То и другое совершенно справедливо, ибо сдѣлать операцію не значитъ еще излѣчить; а сдѣлать операцію и вести ее, употреблять ее какъ средствомъ къ излѣченію, значитъ действительно излѣчивать болѣзнь.

Авторъ, опредѣляя Оперативную Хирургію, хотя и не раздѣляетъ нашего убѣжденія въ самомъ опредѣленіи, но въ продолженіи сочиненія своего вездѣ пополняетъ недостатокъ своего опредѣленія излюженіемъ веденія операціи и самаго лѣченія послѣ оной. Совмѣстность сихъ послѣднихъ условій можетъ толь-

ко служить къ излѣченію болѣзни и составляетъ Хирургическую Оперативную Терапію.

Если авторъ считаетъ операцію за средство къ излѣченію болѣзни, такъ какъ и всякое другое фармацевтическое средство, то съ опредѣленіемъ автора мы совершенно согласны; но если авторъ думаетъ, что операція составляетъ самое лѣченіе болѣзни, то мы съ нимъ какъ въ понятіи, такъ и въ названіи расходимся. По его опредѣленію Оперативная Хирургія есть Хирургическая Фармакологія, а по мнѣнію *Вельпо* она должна быть самая Хирургическая Терапія и потому называется *Médecine opératoire*.

Такъ какъ авторъ придержался существующаго въ наукѣ опредѣленія, то мы противъ этого сказать ничего не можемъ. Очень бы желательно, чтобы слушатель изучилъ анатомически и технически операцію, и зная ея терапевтическое достоинство могъ вѣрнѣе управлять операціею, какъ средствомъ къ излѣченію.

Опредѣленіе Хирургической операціи авторъ дѣлаетъ сообразное съ своимъ опредѣленіемъ Оперативной Хирургіи, говоря: «что Хирургическая операція есть механическое дѣйствіе, производимое по правиламъ искусства, для удаленія болѣзненнаго состоянія организма» — но не для излѣченія, для чего потребно еще что-то, кромѣ операціи и что не входило въ его опредѣленіе Оперативной Хирургіи.

За симъ слѣдуетъ: *раздѣленіе операцій на про-*

стыя и сложныя; раздѣленіе таковое произвольное, какъ и другихъ авторовъ, но имѣющее большое достоинство простоты и удобовѣстности въ этомъ раздѣленіи всѣхъ операций. Порядокъ же изложенія принимаетъ авторъ анатомическій, какъ то: операций головы, шеи, туловища и конечностей. Ни первое раздѣленіе, ни порядокъ принятый для частнаго изложенія въ точности невыполнимы и потому авторъ отъ оныхъ иногда по необходимости уклоняется.

Цѣль операции можетъ быть многоразлична; авторъ принимаетъ съ Шрегеромъ слѣдующія цѣли: 1) *Synthesis*, 2) *Diaeresis*, 3) *Echacresis*, 4) *Anaeresis*, 5) *Taxis*, 6) *Prothesis*, 7) *Emphysis*. Авторъ, какъ опытный и извѣстный доцентъ не соглашается однакожь принять это дѣленіе операций по цѣли, находя его сбивчивымъ при изложеніи. Это совершенно справедливо, ибо подъ одинъ и тотъ же отдѣлъ вошли бы многія разнородныя по производству и важности операции и чрезъ то затруднилось бы для слушателя изученіе Оперативной Медицины значительно.

Авторъ почти вездѣ пополняетъ свое изложеніе тѣмъ, что знакомитъ читателя кратко, безъ критики, съ лучшими общими сочиненіями по части Оперативной Хирургіи; въ частности же — передъ изложеніемъ важнѣйшихъ операций, — предпосылаетъ лучшую новѣйшую литературу излагаемой операции. Авторъ, говоря о значеніи операции вообще, относитъ кровавую операцию къ болѣзненно-поражающимъ организмъ нашъ

вліяніямъ; — вѣроятно предполагая въ каждомъ операторѣ возможность оцѣнивать операцію въ каждомъ индивидуальномъ ея приложеніи и со стороны достиженія предполагаемой ею цѣли, и со стороны важности, трудности или легкости производства и т. д. Авторъ не разбираетъ операцію болѣе въ терапевтическомъ ея достоинствѣ.

За симъ-же въ слѣдъ излагаетъ физическія и моральныя достоинства оператора и передаетъ ихъ словами Цельса. Между прочимъ авторъ требуетъ отъ оператора **Анатомико-Патологическихъ свѣденій**, изъ **Физиологической Анатоміи** преимущественно рекомендуетъ **Анатомію прикладную — Хирургическую** и для изученія ея неусыпное занятіе на трупахъ. Этотъ советъ заключаетъ изложеніемъ лучшихъ сочиненій по части Хирургической или прикладной Анатоміи. — Нашимъ соотечественникамъ будетъ очень пріятно и наставительно цѣнить въ этомъ советѣ всю глубокую ученость автора и его превосходное стремленіе ознакомить cadaго читающаго съ источниками, столь необходимыми для вѣрнаго изученія **Оперативной Медицины** и для справедливаго пріобрѣтенія, при подобномъ изученіи, истиннаго титла Хирурга.

Въ сціентифическомъ образованіи хирурга, авторъ предполагаетъ, кромѣ общаго образованія еще *полное медицинское образованіе*. Это справедливо и доказано опытомъ: лучшие хирурги были всегда и лучшие терапевты; — жаль, что рѣдко случается на оборотъ —

лучшіе терапевты совѣтъ не хирурги. Только полное соединеніе медицинскаго знанія можетъ образоватъ хорошаго хирурга; а потому механическая ловкость оператора неизлѣчиваетъ болѣзни, а нужно еще и медицинское-терапевтическое знаніе. Изъ вышесказаннаго ясно вытекаетъ, что въ Оперативной Медицинѣ, а не въ Хирургіи излагаются вѣрныя правила и способы, а равно и надлежащее употребленіе оныхъ, для излѣченія болѣзни.

Далѣе авторъ, подробно и со всѣми практикою освоенными замѣчаніями, говоритъ о приготовленіи больнаго къ операціи, исчисляетъ вообще потребности для операціи, какъ то: аппаратъ, оживляющій способъ и т. д.; назначаетъ время и осторожности при самомъ производствѣ операціи; разбираетъ качество и мѣсто оператора; упоминаетъ о числѣ и должности помощниковъ; разбираетъ положеніе больнаго во время операціи; очень наставительно говоритъ о лѣченіи послѣ операціи и подробно занимается вторичнымъ кровотеченіемъ, воспаленіемъ и таковою же лихорадкою, лихорадкою перемежающеюся-травматическою, нервными припадками и наконецъ перевязкою раны. Вездѣ при изложеніи вышесказаннаго видны большія собственныя практическія свѣденія автора, руководствуясь которыми, онъ кратко, ясно и очень, для учащихся, наставительно высказываетъ правила и средства: какъ должно поступать при вышеназложенныхъ обстоятельствахъ.

Авторъ заключаетъ наконецъ свое введеніе изложеніемъ инструментовъ хирургическаго карманнаго набора. Это чрезвычайно полезное описаніе, къ сожалѣнію, во всѣхъ оперативныхъ хирургіяхъ не находится; авторы считаютъ своихъ читателей столько уже образованными, что не находятъ нужнымъ говорить объ этомъ. Нашъ же авторъ, имѣя при изданіи своего сочиненія преимущественно своихъ слушателей, закончитъ ихъ съ карманнымъ наборомъ уже напередъ, какъ аппаратомъ весьма употребительнымъ. Вообще все введеніе автора заключаетъ общія, очень полезныя разсужденія, хорошо приготавлиющія читателя къ дальнѣйшему свободному чтенію оперативной хирургіи въ частности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Занимается общими операціями, т. е. такими, которыя производятся на разныхъ частяхъ тѣла. Кровопусканіе изъ вены и артерій, припущеніе пиявокъ, приставленіе банокъ, дѣланіе насѣчекъ, вскрытіе нарывовъ, образованіе фонтанели, приставленіе моксы, прикладываніе раскаленнаго желѣза, проведеніе заволокни, прививаніе коровьей оспы, впрыскиваніе лекарствъ въ вены, переливаніе крови, иглоукалываніе и наложеніе кроваваго шва, расширеніе ранъ чрезъ разрѣзъ, извлеченіе инородныхъ тѣлъ изъ различныхъ частей и полостей нашего тѣла, вырѣзываніе мышеч-

тихъ и жерныхъ овулоей, операція желваковъ надъ сухими жилами встрѣчающихся, (ganglia), вырѣзываніе хрящевыхъ тѣлъ въ составахъ. При изложеніи каждой изъ сихъ операцій авторъ назначаетъ случаи: гдѣ и когда должна производиться операція. Этотъ самый труднѣйшій предметъ т. е. показаніе, авторъ нашимъ обработанъ со всевозможнымъ стараніемъ и осмотрительностію опытнаго врача. Противоположенія, явственно вытекающія изъ самыхъ показаній, въ случаяхъ сомнительныхъ и труднѣйшихъ для опредѣленія, авторъ еще разъ обозначаетъ особеннымъ и точнѣйшимъ разборомъ всѣхъ возможныхъ случаевъ. Все нужное къ самой операціи, какъ то: приготовленіе больного, положеніе его такъ какъ и самаго оператора во время операціи, наконецъ аппаратъ для производства и перевязки больного послѣ операціи, излагаются при каждой операціи ясно и кратко. Всѣ существующіе способы излагаемой операціи, а равно и значительные варианты оной, авторъ тщательно вкратцѣ исчисляетъ; важнѣйшія же и съ его убѣжденіемъ соответствующія, профессоръ Саломовъ излагаетъ ясно, удобопонятно и со всѣми нужными приѣмами. Много встрѣчаемъ очень полезныхъ практическихъ замѣчаній автора при изложеніи производства операцій, которыя онъ, какъ упоминаетъ, производилъ надъ живыми самъ неоднократно съ успѣхомъ. Перевязываніе больныхъ послѣ операціи и послѣдовательное лѣченіе авторъ старался какъ мож-

но болѣе упростить и чрезъ то сдѣлать болѣе полезными. Для нѣкоторыхъ операцій (не знаю почему не для всѣхъ), а равно и для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментовъ операцій, авторъ предлагаетъ литературу; сочиненія или выбираемыя или указываемыя, статьи журналовъ, дѣйствительно лучшія въ наукѣ. Желающій учиться далѣе, — кому полезно краткое изложеніе предмета, сдѣланное авторомъ въ разбираемомъ нами сочиненіи, — можетъ повторить всѣ нужныя дальнѣйшія свѣденія для своего усовершенствованія въ наукѣ.

Проходя всѣ вышешложенные описанія малыхъ операцій, не встрѣчаемъ одной изъ самыхъ первыхъ элементарныхъ операцій, а именно: *дѣланіе разреза*, или изложеніе правилъ держанія ножа и дѣйствія имъ при различныхъ случаяхъ. Операція эта, намъ казалось, должна бы предшествовать всѣмъ прочимъ: какъ потому, что всякая почти операція состоитъ изъ частныхъ разрезовъ, (слѣдовательно всѣ частности разреза должны быть показаны напередъ), такъ и потому, что при каждой операціи требуется вездѣ почти особенный приѣмъ дѣйствія инструмента. Вельпо, начиная свою Оперативную Медицину изложеніемъ правилъ держанія ножа при различныхъ операціяхъ, и показавъ различныя измѣненія разреза, избѣгаетъ чрезъ то ненужныхъ повтореній при дальнѣйшемъ изложеніи, и вводитъ учащагося въ лаби-

рентъ оперативный, гдѣ онъ ходитъ съ большою увѣренностію.

Операторъ образованный долженъ держать ножъ при производствѣ дѣла по самымъ точнымъ правиламъ, которыя составлены многолѣтнею опытностію и признаны лучшими. Чѣмъ болѣе осторожности при производствѣ операціи, тѣмъ лучше и вѣрнѣе достигается предположенная операціею цѣль, — въ этомъ никто не сомнѣвается. Отъ неправильности держанія инструмента во время производства операціи, не только можетъ затрудняться и замедляться производство, но даже могутъ случиться такія поврежденія, которыхъ самый опытнѣйшій и искуснѣйшій хирургъ избѣжать не можетъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ самая жизнь больнаго можетъ подвергаться иногда значительной опасности. Мнѣ кажется, что полное собраніе всѣхъ, опытомъ за лучшіе признанныхъ приѣмовъ и точное выполненіе оныхъ при производствѣ операцій, составляетъ именно то, что въ Оперативной Медицинѣ считается искусствомъ, и потому искусье тотъ, кто ихъ знаетъ и выполняетъ точно. Начинаящій учиться технической части Оперативной Медицины долженъ быть непременно ознакомленъ съ этими вѣрными и точными правилами и изучить ихъ, какъ неизмѣнныя правила. Начинаящій учиться читать сначала выучиваетъ литеры, потомъ склады и наконецъ уже начинаетъ читать; такъ точно и начинающій учиться дѣлать операціи долженъ сначала изучить,

*

какъ должно лучше и безопаснѣе держать рѣзущій инструментъ, по крайней мѣрѣ употребительнѣйшій изъ оныхъ *напр.* ножъ; потомъ выучиться дѣлать простые и сложные разрѣзы и потомъ уже перейти къ изученію производства различныхъ сложныхъ операций. Примѣромъ всему вышесказанному можетъ служить слѣдующее: при постепенномъ, и безъ поврежденія, обнаженіи, въ глубинѣ лежащихъ частей, какъ *напр.* при операціи аневризмъ, ножъ во время обнаженія долженъ быть непремѣнно держимъ какъ смычекъ, безъ чего очень удобно повредить можно безвуждно, подлежащія части и даже самую артерію; при вскрытіи общаго влагалища артерій или грыжеваго мѣшка и. т. п. ножъ держится плашмя. Худо бы поступилъ операторъ, если бы онъ при своемъ производствѣ взялъ ножъ какъ пищее перо (Рялицкій) или въ кулакъ; — дѣйствуя такимъ образомъ ножемъ, при всей опытности врача могутъ встрѣтиться случаи, гдѣ самая обнаженная часть поранится и чрезъ то не только цѣль операціи не достигается, но даже жизнь больного въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергается опасности. При изложеніи технической части Оперативной Медицины на трупахъ, мнѣ очень часто удается видѣть, что учащійся отъ несоблюденія точныхъ правилъ дѣйствія ножемъ или портитъ дѣло или же значительно его замедляетъ. Быстрота дѣйствія хирурга, гдѣ она возможна, должна быть допущена, но она не иначе приобрѣтается какъ чрезъ упражне-

не на трупахъ съ знаніемъ элементарныхъ правилъ дѣйствія инструментомъ. Безъ предпосланныхъ общихъ правилъ держанія ножа, всѣ дѣйствія учащагося будутъ сбивчивы и результаты его дѣйствія для него непонятны.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія не изложилъ въ началѣ правилъ держанія ножа при дѣланіи различныхъ разрѣзовъ, но за то при изложеніи каждой операціи въ частности обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе; его совѣты брать и держать инструменты во время производства каждой операціи, доказываютъ большую его практическую опытность.

Операція, какъ средство къ излѣченію болѣзни, передается авторомъ точно и ясно; но слушатель кромѣ того хочетъ и долженъ знать, что предпринимаемая имъ операція или ея вариантъ, есть ли вѣрное средство къ излѣченію болѣзни или нѣтъ? такъ точно какъ мы это знаемъ при употребленіи фармацевтическихъ средствъ; напр. мы знаемъ, что Бѣлена утоляетъ боли, но не такъ вѣрно какъ Опій или въ-которые его препараты. Такъ и въ Оперативной Медицинѣ нужно знать, что избранный способъ вѣрно ли приводитъ насъ къ цѣли, или нѣтъ ли другого способа, который лучше его? Это можно знать изъ разсмотрѣванія и сравненія способовъ и приложенія ихъ къ данному индивидуальному случаю. Потомъ оператору желательно знать также напередъ степень

пораженія операціею организма; онъ долженъ также подумать обо всѣхъ трудностяхъ производства операціи; не худо знать всѣ непріятныя приключенія и ихъ слѣдствія во время и послѣ операціи; — однимъ словомъ врачъ долженъ оцѣнить операцію, какъ средство, съ разныхъ сторонъ. По этому не дурно нѣкоторые дѣлаютъ, какъ напр. Влзійусъ, что передъ изложеніемъ производства каждой операціи, въ особенности говорится о ея терапевтическомъ достоинствѣ. Черезъ подобное разсматриваніе со всѣхъ сторонъ операціи, какъ средства къ излѣченію болѣзни, операторъ владѣетъ ею съ большею увѣренностію и черезъ то выходитъ изъ ряда механиковъ.

Академикъ Саломонъ въ своемъ сочиненіи не разбираетъ съ этой точки зрѣнія излагаемая имъ операція въ отдѣльности, но предпославъ въ общемъ разборѣ краткое замѣчаніе о вліяніи операціи на организмъ, прочее высказываетъ уже мимоходомъ при самомъ изложеніи операціи. Этотъ способъ также хорошъ, но затруднителенъ для учащагося, ибо онъ всѣ вышеизложенныя моменты долженъ, такъ сказать, изъ описанія выбирать.

Разрѣзываніе сухихъ жилъ (Tenotomia) — предметъ совершенно новый въ Оперативной Медицинѣ, помѣщенъ также авторомъ въ его сочиненіи. Это новое обогащеніе науки, приносящее теперь столь большую пользу страждущему искривленіями челоуѣчеству, находится печатно, какъ мнѣ извѣстно, только

въ трехъ отечественныхъ сочиненіяхъ, а именно: 1) въ превосходномъ, классическомъ сочиненіи по этому предмету соотечественника нашего профессора Пирогова: Ueber die Durchschneidung der Achillessehne, als operativ-orthopädisches Heilmittel; 2) въ разбираемомъ сочиненіи Академика Саломона и 3) въ недавно появившемся сочиненіи Рклицкаго. По малости сочиненій по сему предмету, изложеніе Тенотоміи авторомъ, хотя и краткое, но чрезвычайно ясное, должно быть сочтено за обогащеніе этою полезною новизною нашей врачебной литературы.

Сколько позволяло мѣсто сочиненія, авторъ излагаетъ сначала понятіе Тенотоміи и упоминаетъ нѣкоторые патологическіе случаи, которые, хотя не всѣ, лѣчатся собственно Тенотоміею; потомъ вкратцѣ передаетъ исторію ея произхожденія, приписывая ея возобновленіе совершенно справедливо Дельпешу; потомъ излагаетъ для успѣшнѣйшаго произведенія общія замѣчанія; вкратцѣ передаетъ процессъ сращенія раздѣленныхъ концевъ сухожилія и наконецъ переходитъ къ частному изложенію Тенотоміи; говорить о разрѣзѣ Ахиллесовой связки и описываетъ производство, слѣдуя способу Бувье, т. е., дѣйствуя съ наружи ножемъ внутрь, а не такъ какъ поступаютъ Геренъ, Дюфенбахъ, Пироговъ и многіе другіе, дѣйствуя при разрѣзѣ ножемъ съ внутри къ наружи. Щастливое окончаніе лѣченія возможно тѣмъ и другимъ путемъ, какъ это доказываетъ опытъ; по мног-

да, что впрочемъ очень рѣдко, способъ раздѣленія первый сопровождается несращеніемъ раздѣленныхъ концовъ. Опыты надъ животными, чрезвычайно интересные, вѣрные и наставительные профессора Пирогова, показали ясно причину этого несращенія; а именно послѣ разрѣза сухой жилы съ внутри къ наружи обыкновенно изливается въ промежутокъ между концами въ большомъ количествѣ кровь, изъ которой въ послѣдствіи органически образуется гораздо лучшее и плотнѣйшее вещество соединенія; при разрѣзѣ же сухожилія съ наружи внутрь, крови изливается очень немного въ пространство между раздѣленными концами сухожилія, и отъ того произшедшее въ послѣдствіи соединяющее вещество бываетъ очень несовершенно, или даже и совершенно никакого. Въ слѣдствіе этого недостаточнаго образованія соединяющаго вещества не происходитъ соединенія концевъ сухожилія и отправление части болѣе или менѣе нарушается. Благодаря трудамъ неуслышно трудящагося для науки профессора Пирогова, мы теперь должны принять исключительный способъ разрѣзыванія съ внутри къ наружи, какъ лучший и вѣрнѣйшимъ сращеніемъ сопровождаемый оперативный способъ. Профессоръ Пироговъ, показавшій фактически существенную разницу между результатами обоихъ способовъ дѣйствія ножомъ при Тенотоміи, издалъ свое сочиненіе о Тенотоміи въ томъ же 1840 году, и потому очень немудрено, что авторъ разбираемаго

ими сочиненія не успѣлъ воспользоваться при изданіи единственными и фактически вѣрными наблюденіями Пирогова, и потому при разрѣзываніи описываетъ то и другое изъ вышеупомянутыхъ дѣйствій рѣжущимъ инструментомъ, какъ однозначущіе, — что не должно быть такъ, какъ увѣряютъ насъ группо-разсѣченія и опыты.

Далѣе авторъ описываетъ разрѣзъ грудо-сосковой мышцы и вкратцѣ только упоминаетъ о разрѣзахъ двуглавой мышцы плечевой; *musculorum semitendinosi, bicipitis femoris, semitendinosi*, также разсѣченіе мускуловъ для уничтоженія сведенія пальцевъ. Такъ какъ производство операціи почти вездѣ одинаково, то авторъ, вѣроятно предполагая въ читателѣ точныя анатомическія свѣденія, дозволяетъ себѣ эту краткость изложенія, будучи увѣренъ, что при должныхъ общихъ свѣденіяхъ медицины, операціи на вышеупомянутыхъ мѣстахъ ничего особеннаго не представляютъ.

Разрѣзываніе нервовъ. Операція употребляемая преимущественно въ нервныхъ болѣзняхъ, включаетъ въ себѣ перерѣзываніе: а) нерва побочнаго, б) нерва лобнаго, с) нерва ниже-челюстнаго, d) нерва личнаго, е) нервовъ височныхъ, f) нервовъ прибавочныхъ Виллизія и наконецъ g) перерѣзываніе нервовъ Берцоуныхъ. Изложеніе всего этого точно и ясно.

Остановленіе кровотеченія. Сначала излагаетъ авторъ 1) остановленіе кровотеченія натурою, придер-

живаясь описанія этого процесса, передаваемаго намъ превосходно Jones'омъ; 2) въ искусственомъ способѣ останавливать кровотеченіе излагаютъ дѣйствіе турникетовъ и вообще давленія; исчисляются всѣ фармацевтическія кровоостанавливающія средства; дѣйствіе на кровоточащій сосудъ раскаленнаго желѣза; совершенный перерѣзь артерій; дѣйствіе лигатуры. Скручиваніе артерій и венъ заключаетъ этотъ отдѣлъ.

Вообще этотъ отдѣлъ разобранъ очень подробно и чрезвычайно наставительно изложенъ. Вездѣ встрѣчающаяся литература предмета пополняетъ краткость предмета; что показываетъ благородное желаніе автора научить читающаго, какъ вкратцѣ, такъ и изъ самыхъ источниковъ подробностямъ разбираемаго имъ предмета.

Операция аневризмы. Авторъ при началіи изложенія напоминаетъ читающему о лучшихъ сочиненіяхъ по этому предмету; между именами Скарпы, Годсона очень пріятно встрѣтить имя отечественнаго нашего ученаго Буяльскаго; Авторъ, не желая вѣроятно обременять слушателей излишествомъ твореній, соотвѣтственно не упоминаетъ о лучшемъ современномъ, въ оперативномъ отношеніи, сочиненіи Пирогова по сему предмету, которое вѣроятно по странному своему названію не вошло въ литературу разбираемаго авторомъ предмета въ этомъ отдѣлѣ. Пирогова сочиненіе называется *Anatomia chirurgica truncorum arteriarum nec non fasciarum fibrosarum*. Это сочиненіе премь-

существенно разбираетъ вопросъ: *какъ и на какомъ мѣстѣ нашего тѣла должно производить операцію аневризмы?* По этому-то Пироговъ изложивъ анатомію артерій и ихъ окружающихъ частей, говоритъ о самомъ производствѣ операціи варатцѣ; что и должно быть дѣйствительно такъ, когда вытекаетъ изъ точнаго анатомическаго разбора того мѣста, гдѣ операція должна быть производима. Зная хорошо физиологическое и патологическое строеніе частей на мѣстѣ, гдѣ хотимъ обнажить артерію, главное въ этой операціи, т. е. обнаженіе артерій, выполняется вѣрно и точно; а какой формы и направленія разрѣзомъ должно совершиться это обнаженіе, ясно покажется самымъ анатомическимъ разборомъ частей на оперируемомъ мѣстѣ. Какъ для начинающаго учиться, такъ и для начитаннаго врача нужно знать — какъ должно, а не какъ можно дѣлать операцію, — это короче объясняетъ дѣло и научаетъ предмету основательнѣе того способа, гдѣ описываются всѣ существующіе способы и разрѣзы, безъ прямаго указанія на то, почему такъ, а не иначе разрѣзъ *долженъ* быть сдѣланъ. Пироговъ по этому то и излагаетъ напередъ Анатомію, и потомъ уже съ этимъ факеломъ отправляется въ путь дѣйствія; отчего и происходитъ, что описаніе его производства коротко, но за то ясно и чрезвычайно наставительно. Кажется по преимуществу важности Анатоміи передъ производствомъ операціи, Пироговъ далъ названіе своему сочиненію *анатомическое*,

а не оперативное. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы при слѣдующемъ изданіи Хирургіи Академика Саломона, сочиненіе Пирогова заняло бы одно изъ первыхъ мѣстъ между твореніями, предлагаемыми авторомъ для руководства; болѣе потому желаемъ этого, что сочиненіе Академика Саломона, исполненное столь многими, изъ его собственной практики, наблюденіями при лѣченіи важнѣйшихъ аневризмъ, послужить нѣкоторымъ образомъ поводомъ, что Русская медицинская публика узнаетъ о сочиненіи проф. Пирогова, которое къ сожалѣнію написано не на Русскомъ языкѣ и отъ того вѣроятно не достигло еще той извѣстности между нашими соотечественниками, каковую оно, по своему превосходному и чисто фактическому качеству достойно.

Операция аневризмы, какъ вообще, такъ и въ частности въ сочиненіи Академика Саломона изложена превосходно и обогащена многими очень важными собственными его наблюденіями. Слѣдуя автору операция эта состоитъ въ пресѣченіи кругообращенія крови чрезъ аневризматическую опухоль, причемъ полость артерій, на этомъ мѣстѣ, уничтожается. Это выполняется въ оперативной медицинѣ: 1) сжиманіемъ и 2) наложеніемъ лигатуры на артерію имѣющую съ аневризматическою опухолью непосредственную связь. За сими слѣдуетъ изложеніе производства того и другаго способа; для послѣдняго, какъ важнѣйшаго предпосылается краткая исторія, гдѣ авторъ съ свой-

ствяною ему правотою, удерживаетъ первенство изобрѣтенія за Анлемъ, честь же распространенія приписываетъ знаменитому Гунтеру. Это неоскоримо и совершенно точно съ ходомъ открытiя и усовершенствованiя наложенiя лигатуры для излѣченiя аневризмы.

Наложению перевязыванiя каждой артерiи въ особенности, предшествуетъ изложенiе показанiй; это вездѣ обсуждено и строго со всею практическою опытностью оцѣнены случаи, гдѣ артерiя должна перевязываться. Производство каждой перевязки и все нужное для этого, изложено по способамъ лучшихъ и опытнѣйшихъ хирурговъ. Для избѣжанiя частыхъ повторенiй покажемъ въ подробности достоинство изложенiя одной изъ важнѣйшихъ перевязокъ, а именно: перевязыванiе *Arteriae Pliacae communis*, которую авторъ къ чести Русской хирургiи самъ имѣлъ случай перевязать съ шастливымъ успѣхомъ.

Горизонтальное положенiе и укрѣпленiе больного въ ономъ; разрѣзъ Обернетевскiй на лѣвой сторонѣ; самое точное, по всѣмъ правиламъ хирургiи произведенное обнаженiе и отдѣленiе брюшины, произвелъ авторъ и артерiя обнажилась. Авторъ совѣтуетъ осторожное и постепенное разрѣзыванiе слоевъ, покрывающихъ брюшину и въ особенности обращаетъ вниманiе на отдѣльное вскрытiе *fasciae propriae*, вѣроятно выпущенной имъ *fasciae transversalis*; безъ предварительнаго вскрытiя сей послѣдней дѣйстви-

дурно было, если-бы актъ отдѣленія артерій былъ положенъ не много по подробности. Авторъ не долженъ забывать, что онъ издавая свое сочиненіе хочетъ насъ научить дѣлать операцію вѣрно, т. е. безъ вреда для больного. Учащійся хочетъ знать непременно почему онъ долженъ слѣдовать совѣту автора, напр. при отдѣленіи и перевязываніи art. *Піасae communis*, подводить подъ лѣвую подвздошную артерію съ внутренней, а не съ наружной стороны. Высказавъ напередъ, какъ неизмѣнное положеніе: что игла должна подводиться подъ артерію всегда со стороны вены, дабы не повредить сей послѣдней концемъ иглы, что случается, если дѣйствуютъ противно этому положенію, — то всякой ясно будетъ видѣть причину такого дѣйствія и научится гораздо вѣрнѣе производить актъ отдѣленія на разныхъ артеріяхъ. Зная это положеніе важнымъ и необходимымъ, учащемуся стоитъ только занаестися анатомическими точными свѣденіями, тогда онъ произведетъ вездѣ подведеніе иглы правильно; изложеніе же правилъ подведенія иглы подъ каждую артерію, соединено съ повтореніемъ и при слабой памяти учащагося, особливо для того, который полагаетъ всю важность въ техникѣ операций, даже не возможно.

Исслѣдованіе артерій на подведенной лигатурѣ, операторъ производилъ чрезъ притягиваніе концовъ къ себѣ; причемъ артерія сдавливалась, біеніе въ оной прекращалось. Этимъ образомъ авторъ нашъ удосто-

вѣрнѣе, что артерія обхвачена лигатурою, но захвачена ли она одна или съ веною, — этого опредѣлить изъ сказаннаго маневра было невозможно. Нѣкоторые совѣтуютъ сперва изслѣдовать артерію на иглѣ аневризматической, придавливая артерію къ иглѣ пальцемъ, — думаютъ, что это вѣрнѣе и деликатнѣе, нежели изслѣдованіе артерій чрезъ притягиваніе концовъ лигатуры къ себѣ; причемъ непременно артерія сильно выводится изъ своего положенія и даже могутъ произойти отрывы маленькихъ вѣтвей, выходящихъ изъ артерій и подать поводъ къ сильному и опасному иногда кровотеченію.

Увѣрившись, что артерія захвачена, операторъ произвелъ образованіе узла слѣдующимъ образомъ: заставя помощника оттянуть брюшину и мочеточникъ, операторъ образовалъ узелъ внѣ раны и указательными пальцами догнавъ его до самой артерій, гдѣ его и завязалъ, не встрѣтя ни малѣйшаго затрудненія при подобномъ образованіи узла. Обѣ лигатуры были помѣщены въ углѣ раны (почему не одна?) и рана перевязана ленточками липкаго пластыря, компрессомъ и укрѣплена теобразною повязкою. За сямъ авторъ говоритъ о положеніи больнаго послѣ операци и даетъ нѣсколько очень наставительныхъ для молодого врача замѣчаній, относительно перевязыванія подвздошной внутренней артерій. Саломонъ полулунный разрѣзъ отвергаетъ, предпочитая ему по всей справедливости Абернетевскій.

Съ подобною же ясностію и точностію изложены всѣ извѣстныя перевязки артерій. Отдѣлъ перевязыванія артерій заключаетъ авторъ нашъ краткіиъ разборомъ Браздоровскаго способа и думаетъ, что этотъ способъ требуетъ еще дальнѣйшаго подтвержденія.

Льченіе аневризмъ венъ описано очень понятно и вычислены вкратцѣ почти всѣ существующіе способы. Способъ Брешета или сдавливаніе венъ до умерщвленія ихъ и облитераціи; способъ Рикорда или обведеніе вокругъ растянутыхъ венъ и постепенное ихъ сдавливаніе, посредствомъ особеннаго жома или Грэфовской лигатурной палочки не упомянуты авторомъ. Эти хорошіе способы, особливо послѣдній, упоминаются въ частности при растяженіи венъ семеннаго канатика, какъ нынѣ одни изъ употребительнѣйшихъ способовъ.

Операція надъ расширенными волосными сосудами, операція полиповъ, операціи пластическія, какъ то: ринопластика носа цѣлаго и частей его, образованіе вѣкъ, закрытіе отверстія въ слезномъ мѣшечкѣ, искусственное органическое образованіе губъ, щекъ, уха, органическое закрытіе противоположнаго отверстія дыхательнаго горла, фистулозныхъ отверстій мочеваго канала и перенесенія здоровой кожи для закрытія большихъ язвъ на нижнихъ конечностяхъ — эти статьи заключаютъ первую часть руководства *Оперативной Хирургіи Академика Саломона*. Сколько изъ вышешлаго видно, то авторъ старался неупу-

стить ничего новаго и предметы большей важности излагаетъ подробно; предметовъ же второстепенныхъ по своей важности и употребительности касается слегка, но за то во всѣхъ почти тѣхъ разахъ, гдѣ онъ кратко въ изложеніи, старается дополнить краткость своего изложенія, указаніемъ лучшихъ монографій разбрашаго имъ предмета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вторая часть заключаетъ на 488 печатныхъ страницахъ, слѣдующія статьи:

А. ОПЕРАЦІИ ПРОИЗВОДИМЫЯ НА ГОЛОВѢ:

Сверленіе черепа, прободеніе черепа (trepanatio) съ чрезвычайною практическою оцѣнкою всего входящаго въ этотъ отдѣлъ. Авторъ, исчисливъ патологическіе случаи, занимается рѣшеніемъ вопроса — когда именно должно предприниматься сверленіе черепа? гдѣ, послѣ очень подробнаго разбора случаевъ, говорить: *Въ сомнительныхъ случаяхъ сверленіе черепа лучше производить, нежели отлагать его или оставлять.* Это мнѣніе есть дѣло чистаго убѣжденія; многіе другіе врачи поступаютъ иначе; во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, больной подвергается сильному мѣдиологическому лѣченію и трепанация не предпринимается; другіе же, считая трепанацию за операцію незначительную для организма, какъ по пора-

*

женію, такъ и по слѣдствіямъ, (что впрочемъ не всегда справедливо), — не раздѣляютъ мнѣнія автора. — Я по моему убѣжденію, при явной неопредѣленности случая, раздѣляю совершенно мнѣніе автора, почитаю его гораздо полезнѣйшимъ и болѣе практическимъ, нежели мнѣніе стороны противной. Назначеніе мѣста операціи, самое производство, (для чего авторъ предпочитаетъ трифенинъ), операція и худыя послѣдствія, изложенныя со всею точностію, заключаютъ этотъ отдѣлъ. Операція гриба твердой мозговой оболочки и проколъ при водяной головной болѣзни, операціи грыжи мозга, какъ операціи очень рѣдко производимыя, упоминаются вкратцѣ.

Изложенію глазныхъ операцій предпослана лучшая и довольно полная литература по сему предмету.

Операціи производимыя надъ вспомогательными частями глаза, какъ то: сращеніе между собою и приращеніе къ глазу вѣкъ, сѣченіе выворота вѣкъ, операція заворота, уничтоженіе заворота рѣсницъ внутрь, сѣченія надъ опавшимъ вѣкомъ, сѣченія ращепленнаго вѣка, образованіе искусственныхъ вѣкъ, операція мѣшечныхъ и другихъ опухолей около глазнаго яблока, вырѣзываніе глазнаго мягншка, вскрытіе слезнаго мѣшка, возстановленіе засорившагося суженнаго или заросшаго носоваго прохода, уничтоженіе слезнаго мѣшка, возстановленіе затворившихся слезныхъ канальцевъ, прободеніе ногтеобразной косточки, — всѣ сии статьи изложены съ величайшею аккуратностію, выт-

щаютъ все новое по сему предмету, особливо же достоинство изложенія есть то, что авторъ преимущественно передаетъ тѣ способы, которые оправданы, какъ его собственною, такъ и другихъ знаменитыхъ окулистовъ, практикою.

Изложеніе операций, производимыхъ на самомъ маломъ яблокѣ начинается операциею катаракты. Авторъ, предпославъ лучшія сочиненія по сему предмету, даетъ опредѣленіе катаракты, рассуждаетъ о показаніяхъ и противопоказаніяхъ и потомъ переходитъ къ исчисленію нынѣ существующихъ способовъ уничтоженія катаракты. Потомъ говоритъ о нужныхъ предосторожностяхъ для успѣшнаго произведенія операции, о лѣченіи послѣ операции; наконецъ излагаетъ нужный аппаратъ для операции и общія правила производства удаленія катаракты. Вездѣ сочинитель ясенъ, точенъ и наполненъ практическаго достоинства въ своемъ изложеніи.

За симъ слѣдуетъ частное изложеніе:

- 1) *Извлеченіе катаракты* (Extractio) чрезъ разрѣзъ роговой оболочки вверхъ и внизъ. Назначенія и изложеніе операции по всемъ ея моментамъ изложено превосходно.
- 2) *Низдавленіе катаракты* — операция игольная:
 - а) Низдавленіе чрезъ непрозрачную роговую оболочку (Sceleroticonyx).
 - б) Низдавленіе чрезъ прозрачную роговую оболочку (Keratonyxis).

3) *Разсѣченіе или раздробленіе камералки* (*Discimio*), рассматривается тоже авторомъ двояко:

- а) Разсѣченіе чрезъ прозрачную роговую оболочку и
- б) Разсѣченіе чрезъ непрозрачную роговую оболочку.

Для каждаго изъ этихъ способовъ авторъ дѣлаетъ назначенія, указываетъ лучшія инструменты и приемы, а равно оцѣниваетъ и самые производства.

Низдавленіе и разсѣченіе (*Reclinatio et depressio*) предложенная Геттингенскимъ окулистомъ Гимли не рассматривается въ особенности, вѣроятно потому, что это измѣненіе почти всегда имѣетъ мѣсто во всякомъ низдавленіи. Какъ это и описано авторомъ: чечевичка сдвигается, отдавливается внизъ, потомъ поворачивается.

Какъ въ производствѣ всѣхъ сихъ операций, такъ и въ выборѣ ихъ для приличныхъ случаевъ, а равно и въ лѣченіи послѣ операций видна большая практическая опытность автора, которая будетъ служить учащемуся вѣрнымъ путеводителемъ.

Образованіе искусственнаго зрачка (*formatio pupillae artificialis, comorphosis*). Предпославъ довольно обширную литературу предмета, авторъ определяетъ понятіе образованія искусственнаго зрачка, потомъ исчисляетъ случаи, гдѣ эта операція назначается и говоритъ о противопоказаніяхъ. — Изъ четырехъ способовъ: а) прорѣза радужной оболочки, б) вырѣзыванія куска ея, с) отдѣленія радуги отъ рѣсничной

связи и сдвинутіе зеницы, авторъ стѣдуетъ лучшимъ и болѣе употребительнѣйшимъ вырѣзываніе (*Corectomia*). Это справедливо, но съ ограниченіемъ, а именно, если потемнѣніе роговой прозрачной оболочки занимаетъ болѣе внутреннюю ея часть; въ случаяхъ же гдѣ потемнѣніе роговой оболочки лежитъ болѣе къ наружи, предпочитается *Corigyalisis*. Какъ патологическое состояніе роговой оболочки, такъ и удобность самаго производства неоспоримо оправдываютъ это различіе. Произвольное же употребленіе *Corectomiae*, какъ способа лучшаго и удобнѣйшаго по производству, когда она дѣлается въ наружной части радуги, было бы не такъ удобно въ практическомъ приложеніи и не всегда приводило бы вѣрно къ предполагаемой цѣли.

Прорѣзъ или разщепливаніе радужной оболочки (*Corectomia v. incisio iridis*). Авторъ думаетъ, что этотъ способъ забытъ въ Германіи и возобновленъ только Английскими хирургами. Германскіе окулисты понимая въ строгомъ смыслѣ *Corectomiam* только за разрѣзъ радужной оболочки, дали ему прямое и правильное мѣсто въ оперативной окулистикѣ; Адамсъ же извѣдъ этотъ способъ и соединилъ его съ извлеченіемъ катаракты, который справедливо назваться долженъ *Extractio cataractae cum corectomia*, который способъ авторомъ и описывается. — Какъ назначеніе *ad corectomiam*, такъ и самое производство прорѣза радужной оболочки должны быть приняты въ науку

въ томъ направленіи видѣ, какой ему дали Германскіе окулисты (Jüncker, Jäger, Beer); способъ же Адамса, производимый и астеромъ называть, долженъ составить особенный пятый способъ образованія искусственнаго зрачка потому, что онъ отличается и по сущности и по производству.

Германскіе окулисты подъ именемъ прорѣза радужной оболочки подразумѣваютъ чистый расколъ, — разрѣзъ радужной оболочки безъ современнаго удаленія чечевички. Назначенія для этого способа, слѣдующаго Юнгкену бывають въ единственномъ патологическомъ состояніи радужной оболочки, а именно: *съ сращеніи только зрачка радужной оболочки, безъ обращенія сей послѣдней къ влагалнику чечевички и безъ совершеннаго потемнѣнія чечевички.* Это сращеніе зрачка (*atresia pupillae*) по большей части бываетъ врожденное (*vitium conformationis*) и очень рѣдко приобретенное. Весьма рѣдко сращеніе зрачка приобретенное встрѣчается безъ современнаго сращенія ягодичной оболочки съ сумочкою хрусталика, — отъ чего въ приобретенномъ сращеніи зрачка, прорѣзомъ или расколомъ образованная *pupilla*, большею частію неудается. Такъ какъ по большей части встрѣчается врожденное сращеніе, безъ измѣненія чечевички, то расколъ или прорѣзъ дѣйствительно бываетъ достаточно и зрачекъ дѣйствіемъ собственнымъ волокомъ расширяется достаточно. Знаменитый Берлинскій окулистъ Юнгкенъ ограничивая употребленіе прорѣза ра-

дужной оболочки только на тотъ случай, когда мембрана pupillaris не уничтожилась и дѣтя родилась съ сросшимся такимъ образомъ зрачкомъ, производить операцію прорѣза просто катарактальною иглою, раздвигая или разрывая только одну его оболочку; будетъ ли это сдѣлано съзади къ переду, т. е. *per scleroticam*, или спереди радуги къ заду, т. е. *per corneam* (последнее онъ предпочитаетъ), только во всякомъ разѣ операція должна производиться безъ поврежденія хрусталика. Понятіе же прорѣза радуги Англискихъ окулистовъ несправедливо, отъ чего и дѣйствія ихъ, при производствѣ этой операціи, такъ значительно уклоняются отъ понятія о дѣйствіи въ этой операціи окулистовъ Германскихъ. Венцель былъ первый, который произвелъ, въ описанномъ нашимъ авторомъ назначенномъ случаѣ, *Extractionem cataractae cum corectomia*; Чезельдеу же, какъ кажется, произвелъ дѣйствительно только прорѣзъ радужной оболочки, ибо онъ дѣлалъ операцію эту на слѣнорожденномъ, гдѣ вѣроятно была только *atresia pupillae membranacea*, безъ совершеннаго потемнѣнія хрусталика. Мнѣ кажется Адамъ и Гутри не поняли слово прорѣзъ радужной оболочки; возобновя Венцелевскую операцію, производятъ извлеченіе катаракты съ *вырѣзываніемъ* радужной оболочки. (*Extractio cataractae cum corectomia v. iridectomia*).

И такъ, принимая съ Германскими окулистами значеніе прорѣза такъ, какъ это было мною выше-

упомянуто, должно бы было его и описать такъ-же, какъ сдѣлалъ это Юнгкенъ. Способъ же описываемый нашимъ авторомъ нѣкоторымъ образомъ прорѣза несомнѣнно и долженъ составлять новый нѣтъ-же способъ образованія искусственнаго зрачка, сложный съ извлеченіемъ катаракты; каковымъ онъ у нашего автора отчетливо и прекрасно описанъ.

Способъ образованія искусственнаго зрачка ширфываніемъ радужной оболочки (*coecostomia*), отдѣленіемъ ея отъ рѣсничной связи (*coedialysis*) и сдвинутіемъ зѣницы (*iridoparelysis*) изложены такъ подробно, что для желающаго научиться дѣлать эти операціи, ничего болѣе желать не остается. При изложеніи акта отрыванія или оттягиванія радужки, авторъ предлагаетъ, какъ лучшіе инструменты для этого простой крючекъ Беера или двойной Рейзингера; объ измѣненіяхъ же послѣдняго Лангенбекомъ и Грессе, извѣстныхъ подъ названіемъ Коріонціонъ, вовсе не упоминаетъ. Дѣйствительно эти измѣненія двойнаго крючка Рейзингера, въ практическомъ ихъ употребленіи особеннаго вниманія не заслуживаютъ и большая часть опытнѣйшихъ окулистовъ Коріонціонъ почти вовсе оставили. Такъ какъ авторъ нами разбираемаго сочиненія, уже въ предисловіи своемъ предъупреждаетъ насъ, что онъ издаетъ не сборное сочиненіе, но все что онъ ни говоритъ въ немъ есть дѣло его убѣжденія и повѣрено съ величайшею осмотрительностію имъ самимъ на практикѣ; то мы, не считая

выносившее проходение молчаиёмъ Корюндюна, за упущение, могли бы желать, чтобы этотъ инструментъ былъ упомянутъ, какъ орудіе, если несовершенно необходимо-нужное, то во крайней мѣрѣ употребляемое только нѣкоторыми хирургами, какъ бы по привязанности къ своему собственному изобрѣтенію; какъ это дѣлалъ *напр.* знаменитый Берлинскій хирургъ Грее.

Образованіе искусственнаго зрачка чрезъ непрозрачную роговою оболочку и органическое возстановленіе (*transplantatio*) прозрачной роговой оболочки, какъ операцию оставленную по неуспѣшному своему на практикѣ приложенію, авторъ нашъ выпустилъ изъ своего сочиненія совершенно. Это опять подтверждаетъ благонамѣренное и строго обсужденное убѣжденіе автора: передать соотечественникамъ своимъ все практически полезное и не завлекать читающаго тѣмъ, что требуетъ еще дальѣйшихъ розысканій и подтвержденій на практикѣ.

Срѣзываніе крыловидной кожицы (*operat. Pterygii*), срѣзываніе стафиллома, прободеніе глаза или роговой оболочки и вырѣзываніе глазнаго яблока заключаютъ отчетливо изложенный отдѣлъ глазныхъ операцій, вмѣщая въ своемъ изложеніи все нужное вкратцѣ для практическаго употребленія.

Операциа косоглазія, изобрѣтенная знаменитымъ Дюфенбахомъ, потому кажется не вошла въ число излагаемыхъ авторомъ операцій, что она явилась поч-

ти въ то же время, когда твореніе Саломона печатолось.

Отдѣль ушныхъ операций заключаетъ въ себя описаніе тѣхъ только операций, которыя сколько нибудь заслуживаютъ практическое одобреніе и были и есть, болѣе или менѣе, съ пользою употреблены въ приложеніи. Сюда относятся: Вскрытіе сросшагося наружнаго слуховаго прохода, прободеніе барабанной перепонки, прободеніе сосцевиднаго отростка, катетеризмъ и вспрыскиваніе въ Эвстахіеву трубу. Краткое и удобопонятное изложеніе вышеупомянутыхъ операций, показываетъ стремленіе автора сдѣлать свое сочиненіе сколько возможно полезнымъ и современнымъ. Дѣйствительно операции катетеризма и вспрыскиваній въ Эвстахіеву трубу возстановлены въ новое время, (если вѣрить Итарду и Крамеру), съ величайшею пользою для страждущихъ глухотою такъ, что очень часто глухіе, оставшіеся многіе годы глухими, выигрываютъ свой слухъ чрезъ одну эту простую и легкую операцию. Авторъ, передавая отчетливо и легко правила, какъ производить вспрыскиваніе, доставляетъ этимъ средство соотечественникамъ нашимъ цѣнить и эту операцию, которая до его сочиненія нигдѣ, кажется, на Русскомъ языкѣ не напечатана. Очень жаль, что авторъ для желающихъ посвятить себя особенно изученію лѣченія ушныхъ болѣзней, не привелъ никакихъ руководствъ по этому предмету. Творенія Итарда и Берлинскаго ученаго Крамера

могли бы быть очень наставительными въ этомъ отноше-
шеніи.

*Операции производимыя на носу, на губахъ, ще-
кахъ и въ полости рта; операции производимыя на
шеи, груди, на разныхъ мѣстахъ брюха, излагаются
съ такою же отчетливостію, какъ и предшествовавшія.
Большой отдѣлъ послѣднихъ составляетъ изложеніе
грыжъ. Предпослана изложенію этой операции полная
литература; потомъ излагаетъ авторъ физиологичес-
кую и патологическую анатомію частей, какъ уча-
ствующихъ въ образованіи паховыхъ и пахомошоч-
ныхъ грыжъ, такъ и частей самыя грыжи составляю-
щихъ; руководствуясь анатоміею, излагаетъ наконецъ
всѣ правила дѣйствія рѣзущими инструментами при
грыжесъченіи.*

Сначала описываетъ авторъ строеніе путей, кото-
рыя проходятъ паховыя грыжи; потомъ излагаетъ ана-
томическое строеніе паховой наружной и внутренней
грыжи. Такому порядку слѣдуетъ и при изложеніи бед-
реннаго грыжеваго канала и самой грыжи, чрезъ оную
проходящей. Эти два грыжесъченія излагаются со всею
подробностію; грыжесъченія же ущемленныхъ грыжъ
луточной, животныхъ, овальнаго отверстія, срѣзнопро-
ходной промежности, грыжи сѣдалищной и маточнаго
рукава и губъ излагается только часть техническая.

Описывая строеніе паховаго канала, авторъ сперва
излагаетъ его наружное отверстіе, потомъ внутрен-
нее и наконецъ самый каналъ. Далѣе говоритъ о ча-

стяхъ, проходящихъ и окружающихъ его отверстія; къ первымъ относить семянный канатикъ, а ко вторымъ надчревную боевую жилу и вѣроятно таковыя же вены. О частяхъ покрывающихъ, какъ наружное, такъ и внутреннее отверстія, авторъ ничего не упоминаетъ. Такому же порядку слѣдуетъ и при изложеніи бедреннаго канала. Изложеніе Физиологической Анатоміи этихъ двухъ грыжевыхъ путей, авторъ старался выполнить, и дѣйствительно выполнилъ, съ большою отчетливостію, сколько это позволяло ему мѣсто въ его сочиненіи. Вездѣ въ изложеніи царствуетъ большая ясность, краткость и чрезвычайная отчетливость. Впрочемъ замѣтны пропуски, значительные по своей важности и вліянію на Патологію и лѣченіе грыжъ; такъ напр. при бедренномъ наружномъ отверстіи, авторъ описываетъ *procezzum falciformem scarpianum fasciae latae*, ничего не говоритъ, что это отверстіе лежитъ въ наружной, верхней пластинкѣ *fasciae latae*, которая прикрѣпляется къ наружной поверхности до половины, считая снизу вверхъ къ Жимбернатовой связкѣ, (Скарпа). Это прикрѣпленіе *laminae superficialis fasciae latae* чрезвычайной есть важности при объясненіи, почему при бедренномъ грыжеобразованіи, въ ущемленіи участвуетъ преимущественно внутреннее отверстіе и именно Жимбернатова связка, а слѣдовательно тѣмъ не объясняется причина, почему, при расширеніи внутренняго отверстія, нужно бываетъ подрѣзывать только одинъ край Жимбернатовой

связки, а не все внутреннее отверстие или какой нибудь другой бокъ сего отверстия. Далѣе, въ изложеніи изхожденія яичка, встрѣчаемъ вѣроятно ошибку слѣдующаго рода; авторъ говоритъ: «составъ яичка одѣвается внутри брюха брюшиною, которая (т. е. брюшина) и составляетъ бѣлочную онаго оболочку (*tunica albuginea*). Это вѣроятно ошибка перепищика, просмотрѣнная авторомъ при печатаніи. Бѣлочная оболочка яичка есть его собственная оболочка и натура ея чисто фиброзная; брюшина одѣваетъ въ полости живота не прямо составъ яичка, а его бѣлочную оболочку, и срастаясь съ нею чрезвычайно плотно, представляетъ удвоеніе фиброзной ткани яичка серозною. И такъ брюшина только удваляетъ оболочку собственную или бѣлочную яичка, но ее не составляетъ, — какъ это выражено у автора. Мы обращаемъ вниманіе автора на подобнаго рода описки, никакъ не сомнѣваясь, что при слѣдующемъ изданіи своего руководства къ Оперативной Хирургіи, онъ не упуститъ случая изгнать изъ него подобнаго рода недостатки.

Впрочемъ съ величайшимъ удовольствіемъ должно сознаться, что авторъ, хотя ограниченный объемомъ своего сочиненія, изложилъ однакожь превосходно, коротко и удобопонятно такой труднѣйшій предметъ, каково грыжеобразеніе въ анатомическомъ и хирургическомъ отношеніи.

Говоря о коренномъ лѣченіи неущемленныхъ грыжъ, авторъ вѣрный своему обѣщанію, передаетъ

намъ только полезнѣйшее и опытомъ оправданное; не описываетъ радикальнаго лѣченія грыжъ, какъ операціи еще неутвержденной совершенно опытомъ. Дѣйствительно какъ древніе, такъ и новыя и даже самый новѣйшій способъ радикальнаго лѣченія грыжъ — *invaginatio scroti* — и грыжеваго мѣшка въ паховой каналъ, предложенный профессоромъ Жерди и такъ сильно теперь распространенный по своей безвредности, а не по радикальности, оказывается еще и до сихъ поръ неуспѣшнымъ. Нѣкоторые способы, гдѣ вскрывается грыжевой мѣшокъ и въ полость шейки грыжеваго мѣшка вживляется инородное тѣло *napr.* рыбій пузырь (*belmes*) или кусокъ кожи, какъ это сдѣлалъ съ успѣхомъ Физинъ, тоже не всегда достаточны для предотвращенія новаго выпаденія грыжи, и нередко стоили жизни больному. Главная же недействительность всѣхъ сихъ средствъ и способовъ состоитъ въ томъ, что все оперативное дѣйствіе ограничивается большею частію шейкою грыжеваго мѣшка, а самый каналъ, который прежде всего долженъ быть уничтоженъ для предотвращенія выпаденія внутренностей, всѣми до сихъ поръ испытанными и предложенными оперативными способами почти вовсе въ своемъ строеніи неперемѣняется. По этой же причинѣ, авторъ нащъ, по всей справедливости проходитъ радикальное лѣченіе неущемленныхъ грыжъ почти совершеннымъ молчаніемъ.

Отдѣлъ грыжеушеченія авторъ заключаетъ изложе-

нѣтъ операции, употребляемой къ излѣченію вѣстеч-
 ственнаго каловаго прохода и свища каловаго. Пред-
 посылаются краткія анатомико-патологическія замѣ-
 чанія каловаго прохода и свища и потомъ подробно
 излагается лучший способъ лѣченія сей болѣзни, пред-
 ложенный Дюпюитренемъ; за симъ слѣдуетъ малель-
 кая литература предмета.

Операции производимыя надъ прямою кишкою,
 описаны слѣдующія: operatio contra stricturam intes-
 tini recti, разрѣзываніе сращенія прямой кишки (ope-
 ratio atresiae ani, v. proctotomia), удаленіе геморрои-
 дальныхъ шишекъ, операція выпаденія прямой кишки,
 вырѣзываніе прямой кишки и наконецъ операція свища
 заднепроходной кишки.

Все новое, полезное находится въ изложеніи этихъ
 изчисленныхъ операций. Оно сдѣлано съ тою чрезвы-
 чайною ясностію и точностію, каковою авторъ отли-
 чается во всемъ своемъ сочиненіи.

Операции производимыя надъ мочевыми путями.
 Здѣсь авторъ излагаетъ операцію введенія катетера,
 принявъ два рода введенія катетера у мужчины: или
 способъ обыкновенный (method. vulgaris), или же съ
 поворотомъ, называя его methodus magistralis. Авторъ
 говоритъ о показаніяхъ и противупоказаніяхъ; изла-
 гаетъ нужный аппаратъ при катетеризмѣ; описываетъ
 катетеры; описываетъ производство самой операціи и
 излагаетъ препятствія могущія встрѣтиться во время

операциа. Поосреду въ изложеніи видно практическое достоинство.

Пробоеніа мочевого пузыря показано чрезъ три главных мѣста, а именно: а) проколъ мочевого пузыря *per regionem pubialem*, б) чрезъ прямую кишку — у мужчинъ и *per vagina* — у женщинъ и наконецъ с) прободеніе чрезъ заднепроходную промежность. Авторъ предпочитаетъ всѣмъ прочимъ способамъ первый или проколъ выше соединенія лобковыхъ костей производимый. Показанія и производство операциа изложены со всѣми практическими предосторожностями.

Операциа удаленія камня изъ мочевого пузыря, заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе Литотоміа и Литотритіа. Изложеніе какъ первой, такъ и второй операциа начинается довольно полною литературою. Для изученія этой операциа, авторъ нашъ считаетъ необходимымъ познакомить своихъ читателей съ топографическою анатоміею частей заднепроходной промежности. Очень бы не дурило, если бъ въ изложеніи Анатоміа, авторъ не поскупился и прибавилъ еще кое что изъ анатомическихъ свѣденій, т. е. не дурило бы знать не только строеніе заднепроходной промежности, какъ нижней стѣнки ящика, (разсматривая чловѣка въ стоячемъ положеніи) въ которомъ лежитъ мочевой пузырь, но также стѣнку переднюю (*regio pubialis*), стѣнку заднюю (*reg. sacralis*) и наконецъ стѣнку этого пространства верхнюю или перитоніальную; равно и самый мочевой пузырь и мочевый каналъ,

как органы, съ которыми мы будем во время опера-
 ции иметь дело. Авторъ говоритъ, что точное
 описание ампутаци и здѣсь также, какъ и въ гры-
 жевечии и при аневризмахъ — очень важно и при-
 надлежитъ къ важнымъ открытіямъ послѣдняго вре-
 мени. Неоспоримо, усовершенствованіе Анатоміи есть
 первая и лучшая поправка, сдѣланная въ новѣйшее
 время; но очень жаль, что до сихъ поръ еще очень
 урядныхъ писателей, исключая Французовъ, и то не
 многихъ, изъ этихъ анатомическихъ знаній сдѣлано
 болѣе полное приложеніе въ самому делу; — т. е. я
 хочу сказать, — что еще не многіе хирурги (хотя
 большая часть пишутъ объ Анатоміи) сдѣлали изъ-
 ложіе предмета, основываясь на Анатоміи. Литотомія,
 какъ операція произшедшая во время чистаго эмпи-
 ризма, до сихъ поръ осталась эмпирическою въ ру-
 кахъ большей части хирурговъ. Способъ брата Якова,
 произшедшій безъ всякаго анатомическаго знанія изъ-
 брата, требуетъ для производства своего болѣе
 юности, нежели глубокихъ знаній Анатоміи. Дѣй-
 ствительно мы видимъ почти ежедневно, что вели-
 коуды, урфисли большого, разрывали ретинаемъ по на-
 вѣстнымъ правиламъ, переданнымъ намъ техникою
 хирургіи, — вскрыли мочевою каналъ, потомъ ввели
 по извѣстнымъ правиламъ щипцы и вытянули камень.
 Вотъ все, что по большей части нужно знать для про-
 изведешя Литотоміи по способу Якова и вотъ все то,
 что большая часть хирурговъ знаетъ. Въ маломъ ап-

нравить Наваса и способъ брата Якова, (который прежде едвали не-счастливо производился исчисломъ иагъ, отъ того, что менѣе увлекались умотованіями, какъ Рава въ Амстердамѣ, Гальдсбрадтѣ, Венедиктовѣ изъ Москвѣ), никакихъ почти тонкихъ свидѣній анатомическихъ не требуется, а нужно знать, какъ производили древніе и такъ дѣлать операцію теперь. Анатомія можетъ объяснять только производства древнія Латоміи; если же она должна изъяснить производство древнихъ, и хирургія должна произвести улучшение, основываясь на изслѣдованномъ точномъ расположеніи частей, то тогда должно шостронть совершенно новыя правила для назначенія мѣста разрѣзовъ, ихъ направленія, ихъ протяженій и т. д. Словомъ, если Анатомія должна составлять основаніе производства операцій, то всѣ дѣйствія и разрѣзы должны производиться такъ, а не иначе, какъ это позволяетъ анатомическое расположеніе частей. Со времени Чезальдина, отыскавъ на трунѣ способъ брата Якова, (который остался послѣ смерти Рава затеряннымъ), оказалось, что можно проникать въ пузырь различными путями, и въ наше время прохождение въ мочевой пузырь рѣжущими инструментами совершается гораздо безопаснѣе, нежели это было въ способахъ древнихъ. Мнѣ кажется должно принять два главныхъ способа Латоміи, относительно времени ихъ происхожденія и достоинства, а именно: 1) *Способъ эмпирический* (способъ брата Якова, Цельсовскій и многихъ другихъ) для

образования котораго преимущественно нужна была не Анатомія, а чистая ловкость, навыкъ; гдѣ Анатоміи следовательно можно указать лишь нѣсколько умѣ, что мы разряжигъ при производствѣ операций; 2) *Второй способъ Литотоміи чисто анатомическій* есть тотъ, гдѣ анатомическое знаніе указываетъ намъ дорогу для произведенія безопаснаго напрям. наружнаго разрыва и изучаетъ, что онъ долженъ имѣть то, а не другое направление, такую то величину, а не другую и т. д.

Изъ вышесказаннаго видно, что ошибившая Эмпирическую Литотомію, напр. способъ брата Якова, должно главное вниманіе обращать на точность изложенія приемовъ; анатомическія же свѣденія употреблять только для назначенія мѣста операций и для объясненія производимаго способа. При изложеніи же Анатомической Литотоміи необходимо должно показать, почему этотъ разрывъ такъ, а не иначе долженъ дѣлаться. По этому въ первомъ случаѣ, т. е. излагая Эмпирической способъ Литотоміи въ учебной книгѣ, авторъ можетъ излагать Анатомію или опустить ее, но описывать точно само производство и при изложеніи самаго способа и всѣхъ его приемовъ говорить подробно: какъ и на какомъ мѣстѣ должно производить наемный актъ операціи, ибо способы и приемы предложены и сдѣланы изобрѣтателемъ болѣею частью безъ всякаго предварительнаго знанія Анатоміи; примѣрною этому можетъ служить способъ Целза или малый аппаратъ, способъ брата Якова и т. д. Во второмъ же:

случаѣ, т. е. если авторъ намѣренъ достигнуть чисто анатомическаго способа Литотоміи, изложеніе Анатоміи частей ранимыхъ при операциі, должно быть непременно предпослано описанію производства самой операциі съ тѣмъ, чтобы, руководствуясь анатомическимъ расположеніемъ частей, можно было назначить неизмѣнныя и вѣрныя правила для произведенія каждаго разреза, составляющаго части или акты описываемой операциі. При изученіи эмпирическаго способа Литотоміи, учащійся узнаеть, что такой то актъ техника предписываетъ дѣлать такъ, какъ предписываетъ это дѣлать изобрѣтатель способа операциі; при изученіи же способа анатомическаго Литотоміи, учащійся узнаеть ясное и точное причину, почему онъ долженъ для вѣрнѣйшаго достиженія предполагаемой операциіею цѣли и безопасно для жизни больного производить каждый актъ Литотоміи непременно такъ, а не иначе, т. е. будетъ дѣйствовать съ большею увѣренностію рѣзущими инструментами и именно такъ, какъ назначаетъ это ему самое анатомическое строеніе и расположеніе частей на мѣстѣ операциі встречающагося. Следовательно въ первомъ случаѣ, если и нужны анатомическія сужденія, то только для объясненія производства, во второмъ же они суть истинная причина, — существенный воого производящаго во время операциі; здѣсь каждому движенію ножа и всякаго инструмента лежитъ за основаніе точное анатомическое знаніе оператора, безъ чего операциа можетъ сдѣлаться неуспѣшной.

винною по своему результату и даже опасною для жизни больного.

Какъ первый способъ или строгое и точное изложение принятыхъ уже правилъ и приемовъ операций, такъ и второй или передаваніе различныхъ дѣйствій при операцияхъ, возможно-объяснимыхъ Анатоміею, научаютъ операциямъ съ тою только разницею, что второй способъ изученія будетъ и наставительнѣе для учащагося и полезнѣе для больного. Исторія многихъ операций и въ особенности Литотоміи оправдываетъ совершенно мною сказанное. Братъ Яковъ, изучившій операцию отъ прубаго Эмпирика, не имѣя притомъ самъ никакого анатомическаго и медицинскаго свѣдѣнія, производилъ счастливо операцию камнеизсѣченія, держась строго всѣхъ только приемовъ, перенятыхъ имъ отъ своего учителя; даже когда братъ Яковъ выслушалъ курсъ Анатоміи, впрочемъ очень для Литотоміи несовершенной, то и тогда отъ не перемѣнилъ почти ничемъ своего производства операций. Братъ Яковъ и его последователи были счастливы въ ихъ исцѣленіи, производя чистую lithotomiam. Со времени Чезельдена, разыскавшаго потерянный способъ брата Якова, до нашихъ временъ, объяснилась вся важность операций, и нынѣ явились лучшіе способы, для изученія коихъ требуются гораздо точнѣйшія анатомическія знанія, которыя будучи приложены не вполне, искажаютъ только, по моему убѣжденію, производство древнихъ и дѣйствительно дѣлаютъ опера-

цію въ большей части случаевъ неуспѣшною. Почему миѣ и кажется, что должно дѣлать Литотомию или совершенно такъ, какъ дѣлалъ ее братъ Яковъ, (т. е. Уретротомію), не претендуя ни мало при этомъ на званіе Анатоміи; или если же должно дѣлать Литотомию по правиламъ Анатоміи, то должно производить ее по лучшимъ, донынѣ извѣстнымъ въ семъ родѣ, и изысканіями доказаннымъ способамъ, какъ напр. дѣлали Скарпа, Дюпюитрень и другіе Французскіе и Итальянскіе хирурги. Авторъ нашъ предпринимая изложеніе Анатоміи, обѣщается слѣдовательно дать намъ изложеніе операціи, построенной на натуральномъ расположеніи частей, ранимыхъ при Литотоміи. Отъ точности и правильности анатомическаго изложенія, будетъ слѣдовательно зависѣть точность и правильность самаго изложенія производства операціи.

Форма региаеі будетъ различная, смотря потому будетъ ли она напряжена разведеніемъ и согнутіемъ къ животу ногъ, или же ноги остаются неразведенными при изслѣдованіи этого мѣста. Въ первомъ случаѣ региаеит, рассматриваемая отдѣльно отъ регионе апі, дѣйствительно представляется, — говоритъ авторъ, треугольною, границы которой обозначаются довольно ясно боковыми возвышеніямъ, сходящимся надъ угломъ соединенія лобковыхъ костей, расходящимся къ низу къ сѣдалищнымъ бугоркамъ и соединяемья мысленною линіею, проводимою отъ одного сѣдалищнаго бугорка къ другому; на срединѣ этого треугольника

раздѣляется на двѣ треугольныя части продолговатымъ возвышеніемъ, идущимъ отъ верхушки треугольника къ основанію. Это среднее возвышеніе, составленное мочевымъ каналомъ, лежащимъ подъ кожей, обозначается швомъ (Raphe). Perinaeum же въ положеніи стоячемъ или лежащемъ чловѣка, съ болѣе или менѣе сближенными ногами, представляетъ форму треугольнаго, продолговатаго углубленія, верхушка котораго обращена ad Raphe, а основаніе внизъ, рассматривая чловѣка стоячимъ.

Для Литотоміи нужна напряженная perinaeum, которой границы авторъ нашъ точно и обозначаетъ.

Далѣе авторъ излагаетъ общіе покровы perinaei и говоритъ *de fascia perinaei superficiali s. externa*, проиходя ея отъ *tunica dartos*; исключаетъ однакожь подъ нею лежащія части и именно тѣ, которыя, какъ известно, лежатъ *sub aroneurosi perinaei inferiori s. externa* и проиходятъ отъ *dartos*. Если авторъ нашъ рассматриваетъ *fasciam superficialem* и *aroneurosım perinaei externam* вмѣстѣ, не отдѣляя одну отъ другой, то и *fasciam superficialem* и положеніе исключенныхъ частей подъ оною, допустить еще можно, но тогда проихожденіе ея à *dartos* принять нельзя; ибо изслѣдывая на трунѣ, авторъ убѣдится, что *fasciam superficialem*, которая дѣйствительно есть продолженіе *tunicae dartos* и есть чисто клетчатой цатуры, мы открываемъ еще одну ткань, чисто фиброзную, плотную, которая ничего общаго еимъ *dartos*.

не имѣетъ ни по натурѣ строенія, ни по мѣстоположенію, ни по ея происхожденію. Эта фиброзная ткань, сливающаяся къ сторонамъ *cum fascia lata* съдалища, къ верху теряется *in scroto*, внизу же доходя *ad anum* загибается ввутьрь и сливается съ частями надъ проходомъ лежащими и *cum aroneurosi perinaei media*. Отдѣливъ эту апоневротическую ткань съ верху и боковъ, мы увидимъ, что она представляетъ книзу карманнообразное прикрѣпленіе, въ которое можетъ заливаться моча, и потому то и должно оканчивать наружный разръзъ *inter tuberositates Ischii et anum*, чтобы разръзать это карманнообразное прикрѣпленіе и тѣмъ предотвратить въ послѣдствіи затеки жидкостей.

Авторъ употребилъ неправильное названіе *fascia superficialis* для описываемаго имъ апоневротическаго растяженія и производя его отъ *dartos*, смѣшалъ ее съ дѣйствительно существующею по всему тѣлу *fascia superficiali*. Эта послѣдняя происходитъ дѣйствительно отъ *dartos* и есть клетчатой природы. (Очень бы желательно, чтобы авторъ замѣнилъ слово *fascia*, словомъ *aroneurosis* и измѣнилъ происхожденіе послѣдняго отъ *dartos*). Подъ словомъ общіе покровы Хирурги-анатомики подразумѣваютъ: кожу, жирный слой и *fasciam superficialem externam* (для отличія отъ *fascia superficiali interna s. propria*). Мы думаемъ, что авторъ поверхностную ткань *fasciae superficialis* относитъ туда же, а то что онъ описываетъ подѣ

названіемъ *fasciae superficialis* должно быть *aponeurosis*, но тогда она не можетъ проходить отъ *dartos*. Часть описываемая *sub aponeurosi inferiori* лежащая, заключаютъ между собою *arteriam superficialem perinaei cum ramo transverso*. Что *arter. superficialis* лежитъ здѣсь, — это правда, но *ramus transversus* никогда не встрѣчается подъ нижнею апоневротическою тканью. Если авторъ подъ названіемъ *ramus transversus* подразумѣваетъ *arteriam transversam perinaei*, то эта последняя если можетъ быть вѣтвью *arteriae superficialis* (что впрочемъ тоже никогда почти не случается), то *arteria transversa* всегда проходитъ между пластинками *aponeurosis perinaei media* и никогда не была замѣчена такъ поверхностно, какъ предполагаетъ это авторъ.

За этииъ авторъ описываетъ очень подробно и ясно среднее апоневротическое растяженіе и части подъ нимъ лежащія. Здѣсь говорить онъ опять *de arteria transversa perinaei* и описывая ее какъ вѣтвь *arteriae perinaei superficialis*, говорить о произхожденіи ея на 12 — 15 линій надъ краемъ *ani* и принимаетъ раздѣленіе этой артеріи *in glandula prostata (?)* и *in bulbo*. Это отлично отъ мнѣнія Вельпо, который описывая раздѣленіе этой артеріи, говорить, что она дѣлится на три вѣтви и что самая большая вѣтвь верхняя изливается *in bulbum* съ каждой стороны; средняя ея вѣтвь раздѣляется надъ перепончатою частью и анастомозируетъ съ такими же вѣточками дру-

гой стороны, а нижняя раздѣляется въ жерѣ воистъ отверстія задняго прохода; раздѣляется ли же она in prostata, этого упомянутый точный Хирургъ-Анатомикъ не упоминаетъ.

За сямъ слѣдуетъ описаніе верхней аноэвротической тваи, ея расположеніе между частями и связь сии glandula prostata. Мы знаемъ, что эта связь состоитъ изъ особеннаго отростка propeugosis superiorgis удвояющаго влагалнице glandulae prostatae. Авторъ нашъ, согласно съ прочими Хирургами - анатомиками, обращаетъ особенное вниманіе читающаго на это удвоеніе propeugosis superiorgis влагалница glandulae prostatae и совѣтуетъ во время разширенія partis prostaticae не раздѣлять этого удвоенія рѣзущими инструментами, дабы избѣжать чрезъ то затековъ въ клетчатую плесу подъ брюшину. Замѣчаніе это есть чрезвычайной важности для всякаго, желающаго изучить операцію камнеизсѣченія. Это замѣчаніе, равно какъ и все положеніе анатоміи частей perinaeи, встрѣчается въ первомъ сочиненіи, издѣтанномъ на Русскомъ языкѣ и потому для Русской литературы есть новизна драгоцѣнная, за которую нельзя не благодарить автора, старающагося такъ хорошо пополнить недостатки нашихъ учебныхъ пособій. Далѣе авторъ говоритъ о различномъ положеніи и отношеніи мочевого пузыря къ частямъ perinaeи составляющимъ, *capr. de spatio bulbo-rectali* и т. д.

Разсматривая *regionem analeи* (или какъ онъ на

зываетъ: regio posterior v. recto intestinalis), авторъ описываетъ мочевой пузырь и мочевой каналъ со всеми нужными подробностями для операціи. Изложеніе regionis rubialis и прикрѣпленіе брюшины къ мочевому пузырю, — какъ стѣнки пространства между сложными, проходитъ здѣсь молчаніемъ, оставляя описаніе оныхъ до изложенія sectionis altae.

Засимъ излагаетъ авторъ производство самой операціи камневысѣченія. Опредѣливъ случаи производства операціи, авторъ говоритъ о признакахъ и признакахъ присутствія камня въ мочевомъ пузырьѣ; потомъ описываетъ изслѣдованіе камня инструментами и указываетъ на обстоятельства, запрещающія производить камневысѣченіе.

Изъ исчисленнаго количества способовъ авторъ излагаетъ тотъ, гдѣ мочевой каналъ у мужчинъ вскрывается чрезъ перепончатую часть (Cystotomia lateralis v. Urethro-trachelotomia). Изложивъ полный аппаратъ инструментовъ, должное приготовленіе, положеніе и укрѣпленіе больного во время операціи, операторъ излагаетъ моменты операціи, стараясь вездѣ приложить сколько возможно предносланныя анатомическія краткія замѣчанія.

Первый моментъ, или обнаженіе перепончатой части описываетъ такъ: на половину или цѣлый дюймъ ниже дуги лобковыхъ костей, или 1 — 1½ дюйма надъ заднимъ проходомъ, начинается разрѣзъ на лѣвой сторонѣ на 3 — 4. линіи отъ Parhe и оканчивается

между съдлиннымъ бугоркомъ и апост. Таковымъ образомъ направленный разръзъ перекрещиваетъ (какъ видно изъ направленія) *arteriam transversam* и идетъ параллельно *sini pudenda profunda et superficiali*. Поврежденіе послѣднихъ, особливо глубокой невозможно этимъ разръзомъ, но поврежденіе поперечной артеріи почти неизбѣжно. Авторъ предлагаетъ, для избѣжанія этого поврежденія, по мѣрѣ того, какъ проникаемъ въ глубь, дѣлать разръзы внутренніе короче и короче, а тѣмъ стараться избѣжать поврежденія *arteriae transversae*, а особливо ея луковичной вѣтви; — какъ это дѣлаютъ и многіе другіе, *напр.* Керръ, Наюла, Дангенбекъ и друг. Всякой удобно согласится при тщательномъ и безпристрастномъ разборѣ этого дѣйствія, что оно невѣрно, ибо разность высоты положенія артеріи, льющая кровь, закрывающая мѣсто операціи, неразмѣренныя прониканія въ глубину, — все это затрудняетъ и затемняетъ произвести обнаженіе перепончатой части мочевого канала, безъ поврежденія луковичной вѣтви поперечной артеріи до того, что никто и никогда съ вѣрностію избѣжать не можетъ вышесказаннаго поврежденія.

Гораздо вѣрнѣе есть способъ обнаженія перепончатой части, посредствомъ наружнаго разръза, идущаго параллельное направленіе съ направленіемъ поперечной артеріи и начинающійся à *Carhe* не выше 8 линій (Дююитрень) или даже 6 (Скарпа). — Всѣ новѣйшіе Хирурги-анатомы согласны съ вышесказан-

видъ мѣтнемъ; Мальгенъ даже думаетъ, что повернутомъ, а не косая Литотомія (названія взятыя отъ направленія наружнаго разрѣза) должна только производиться, если хотимъ, чтобы наружный разрѣзъ не сопровождался никакими дурными послѣдствіями, какъ то: кровоточеніемъ и раненіемъ *intestini recti*.

Третій актъ или моментъ операціи долженъ производиться такъ, чтобы величина разрѣза *in parte Urethrae prostatica* была всегда опредѣленная и никогда разрѣзъ не заходилъ бы въ основаніе *glandulae prostaticae* за границы ея оболочки. Необходимость этого послѣдняго положенія чувствовалась уже и древними операторами, которые старались дѣлать разрѣзъ *partis prostaticae* опредѣленной величины; чему доказательствомъ служитъ множество изобрѣтенныхъ съ измѣреніемъ и мѣрками инструментовъ. Это еще болѣе подтверждено трупоразрѣзьями умершихъ отъ Литотоміи, гдѣ оказалось, что разрѣзъ *glandulae prostaticae* за границу ея влагалища вреденъ по бывающимъ при этомъ смертельнымъ подъ брюшину затекамъ. При знаніи измѣреній *glandulae prostaticae*, которыя авторомъ нашимъ предпосланы и при дѣйствіи опредѣленнымъ образомъ извѣстными инструментами, нынѣ можно надѣяться производить всегда опредѣленный разрѣзъ *partis prostaticae urethrae*. Лучшій для сего инструментъ есть скрытый литотомъ брата Кузумы, и горжеретъ рѣзущій Скарпы; всѣ же прочіе горжереты также неопредѣленны въ своемъ дѣйствіи, какъ

и самый ножъ. Сей послѣдній, т. е. ножъ, самою обширнѣйшею рукою водимый очень удобно, при изгибѣшемъ отклоненіи своемъ отъ зонта; обыкновенно производить разръзъ неопредѣленный.

Дѣйствіе скрытаго лютотома при наружномъ параллельномъ (*cum arteria bñbi*) разръзѣ, должно быть тоже въ параллельномъ съ этою артеріею направленіи (горизонтально), слѣдуя строго предложенію Боіе, а при дѣйствіи горжеретомъ такое, какое предлагаетъ Скарпа при дѣйствіи его инструментомъ.

Только при вышеупомянутыхъ условіяхъ можно произвести разръзъ *glandulae prostatae* определенной величины, безъ поврежденія *intestini recti et arteriae pudendae*; общій стволъ послѣдней впрочемъ не такъ удобно ранится, если бы мы и хотѣли съ намѣреніемъ произвести это раненіе, какъ увѣряетъ въ этомъ Бекляръ и новыя анатомическія изслѣдованія.

Дѣйствіе лютотома и горжерета косвенно сверху внизъ и при приближеніи *urethrae ad symphisin osium pubis*, сопровождается разръзомъ *urethrae* безъ поврежденія *intestini recti*; въ чемъ легко убѣдиться всякой можетъ повторными трупоразсѣченіями. Этотъ же приемъ, если начинается разръзъ выше переходной части, (какъ дѣлалъ братъ Яковъ и другіе), можетъ расширить *partem urethrae prostaticam* безъ поврежденія влагалища предстательной желѣзы въ ея основаніи; почему авторъ нашъ приемъ этотъ и удержалъ, советуя дѣйствовать даже и горжеретомъ свер-

ху внизъ въ направленіи наружной раны. Если же разръзъ *partis prostaticae* начинается совершенно отъ перепончатой части и мочевоу каналъ не подымается зондомъ вверхъ *ad symphisin ossium pubis*, то разръзъ очень легко падаеть за границы основанія предстательной желъзы и даже повреждаеть самая *intestinum rectum*, какъ это фактически доказано Французскимъ ученымъ *Louis'омъ*. Дабы избъжать этихъ вредныхъ слъдствій, совъты *Boie* и *Спарпы*: вести ръзущіе инструменты *in parte prostatica* горизонтально, — очень справедливы.

Прочіе моменты операціи, остановленіе кровотока послъ оной и лъченіе, излагаются авторомъ съ величайшею ясностію и практическимъ достоинствомъ.

Изложенія *Cystotomiae bilateralis, sectionis altae et recto-vesicalis*, а равно и Литотомія у женщинъ заключаютъ статью о Литотоміи и вездъ обнаруживаютъ практическое достоинство опытнаго сочинителя.

Литотритія, изложена съ чрезвычайно простою и удобопонятностію. Авторъ, имъющій самъ въ этомъ предметъ обширныя практическія достоинства, передаетъ Литотритію очень практически, предпочитая всъмъ прочимъ способамъ *Гертелюповскіи* способъ — что и справедливо.

Далъе авторъ излагаетъ, со всею точностію и совершенно практически, вскрытіе мочеиспускательнаго

канала, для вынутія изъ онаго мочевого канива, операціи сросшагося мочевого канала, операціи при суженіи и свищахъ онаго, operationem phimoseos, para-phimoseos, отсѣченіе дѣтороднаго уда, операцію водяной грыжи и вызываніе яичка. Последнюю изъ сихъ операцій совѣтуется дѣлать, не обнажая много семянаго канатика; но тотчасъ по разрѣзѣ обидныхъ покрововъ и по легкомъ отдѣленіи съ боковъ семянаго канатика, совѣтуется захватить его пальцами, приподнять, проколоть подъ нимъ клѣтчатую плесу, и подвести подъ него зондомъ или анеризматическою иглою толстую лигатуру, которую потомъ завязать узломъ вдругъ или сжечь концы оной въ Грефовскомъ жомѣ. Согнутое положеніе больнаго, совѣтуемое авторомъ послѣ операціи, намъ кажется несообразнымъ съ цѣлю леченія и даже вреднымъ въ послѣдствіи для больнаго. Больной долженъ лежать не съ приподнятыми грудью и головою и согнутыми нѣсколько ногами, а напротивъ совершенно горизонтально на спинѣ. Этимъ положеніемъ отрѣзанный конецъ семянаго канатика оттягивается значительно назадъ въ паховой каналъ и даже далѣе — въ полость живота; въ послѣдствіи тамъ приживая не причиняетъ больному, въ стоячемъ и прямомъ положеніи болей въ паху. Не соблюдая строго совершенно горизонтальнаго положенія послѣ операціи, больной по выздоровленіи часто не можетъ ходить прямо, а долженъ бывать все стѣбаться напередъ; если же онъ вытя-

гивается въ прямое положеніе, то ощущаемая имъ боль, производимая отъ низкаго приращенія къ окочелощающимъ частямъ отрѣзаннаго семяшпаго канатика, заставляетъ больного сгибаться напередъ, дабы не натягивать этимъ положеніемъ нерва и чрезъ то избѣгать боли. Зная сія послѣдствія, практической операторъ долженъ рекомендовать своимъ больнымъ непременно совершенно горизонтальное, вытянутое, а не согнутое, хотя нѣсколько, положеніе.

Отсѣченіе членовъ (amputatio), выщелушивание (Extirpatio) и вырѣзываніе костей въ продолженіи существа ихъ (Resectiones in continuitate ossium), составляютъ послѣднія операціи, подробнѣйшимъ изложеніемъ которыхъ авторъ заключаетъ свое оригинальное, полезное сочиненіе. По этому предмету приведена очень полная литература; разобраны строго показанія и протівупоказанія; потомъ авторъ говоритъ о времени, когда должна дѣлаться операція; излагаетъ и оцѣниваетъ вообще различныя способы; описываетъ снарядъ для операціи, число помощниковъ, положеніе больного и наконецъ производство самой операціи, разлагая ее на моменты, изъ коихъ второй моментъ: наружный разрѣзъ и сепарованіе покрововъ, обратили особенно наше вниманіе. Авторъ при наружномъ разрѣзѣ между прочимъ поставляетъ главное правило, чтобы первое разсѣченіе покрововъ никакъ не шло глубжѣ, какъ до fasciam latam; — противъ этого положенія можно возражать тѣмъ, что неразрѣ-

занная fascia lata или вообще наружное фиброзное покрывало члена, замедляет чрезвычайно производства второго акта или отдѣленіе покрововъ, заставляетъ хирурга перемѣнять ампутаціонный ножъ на скальпель, дѣйствовать послѣднимъ на удачу и во тьмѣ и наконецъ заворачивать отдѣленные покровы. Этотъ древній способъ отдѣленія покрововъ принимаетъ нашъ авторъ за лучшій и его описываетъ. Гораздо лучшій, вѣрнѣйшій, натуральнѣйшій и скорѣйшій способъ отдѣленія покрововъ производится слѣдующимъ образомъ: сѣченіе покрововъ должно непремѣнно проникать и за фиброзное влагалище отнимаемаго члена. Помощникъ, стоящій сверху и держащій кольцеобразно обхватывающими перстами членъ сверху наружнаго разрѣза, по произведеніи перваго сѣченія покрововъ, напрягаетъ и оттягиваетъ оныя вверхъ; причемъ покровы вмѣстѣ съ фибрознымъ влагалищемъ подаются нѣсколько вверхъ и апоневротическіе отростки влагалища, держащіеся между мускулами, теперь при дальнѣйшемъ оттягиваніи, напрягаются и операторъ тѣмъ же ампутаціоннымъ ножомъ разсѣкаетъ ихъ слегка малыми и короткими сѣченіями. По мѣрѣ разсѣченія отростковъ на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они замѣчаются, помощникъ оттягиваетъ покровы и фиброзную ткань вверхъ, что продолжается до тѣхъ поръ, покуда операторъ не увидитъ, что мускулы обнажены на желаемомъ пространствѣ; тогда сіи послѣдніе тѣмъ же ампутаціоннымъ ножомъ и отсѣка-

ются. Такимъ образомъ быстро отдѣленные покровы, не будучи надрѣзаны во многихъ мѣстахъ и лежа на фиброзной подкладкѣ, хорошо сближаются и заживаютъ лучше, какъ показалъ опытъ. Дюпюитрени даже не дѣлаетъ отдѣленія покрововъ вовсе, а отсѣкаетъ всѣ мягкія части до самой кости вдругъ и рана, такимъ образомъ сдѣланная, заживаетъ превосходно.

Частное изложеніе вышеупомянутыхъ отсѣченій, авторъ излагаетъ въ подробности и со всею отчетливостію человѣка, знающаго это дѣло какъ доцентъ вполнѣ.

Разобранное такимъ образомъ сочиненіе Академика Саломона имѣетъ слѣдующія достоинства:

1) Что предметы, входящіе въ Оперативную Медицину, изложены современно и въ возможной полнотѣ.

2) Что авторъ въ изложеніи *вездѣ точенъ и ясенъ*; поясняетъ дѣло, гдѣ только возможно было, анатомическими свѣденіями. Въ изложеніи же техническихъ приемовъ операци, авторъ избралъ лучшіе и болѣе опытомъ одобренные.

3) Что историческая часть операци, какъ то: названіе, происхожденіе методъ; названіе и образованіе инструментовъ и. т. п. передана вѣрно и изъ лучшихъ источниковъ, но безъ всякаго критическаго разбора.

4) Что авторъ во все продолженіе своего изложенія остался совершенно вѣрнымъ своему убѣжденію;

вездѣ гдѣ только можно было онъ старался разбираемое оцѣнить и повѣрить на практикѣ и передать намъ уже повѣренное имъ самимъ или лучшими хирургами нашего и прошлаго времени.

5) Что многія статьи творенія Пр. Саломона, кромѣ яснаго изложенія предмета, обогащены еще приведенными лучшими сочиненіями по сему предмету. Авторъ старался тѣмъ указать учащимся, кромѣ своего убѣжденія, и мнѣнія другихъ ученыхъ въ оригиналь.

6) Если Рецензентъ кое гдѣ и не соглашается съ мнѣніемъ автора, то это, какъ дѣло чистаго убѣжденія не можетъ составлять совершеннаго опроверженія противъ мнѣній автора, который излагаетъ въ своемъ твореніи все существующее и существовавшее въ наукѣ.

6) Чистый и прекрасный Русскій языкъ, который написано сочиненіе Пр. Саломона, составляетъ также немаловажное достоинство, тѣмъ болѣе, что мы почти вовсе неимѣемъ еще Русскаго медицинскаго языка. Авторъ же съ чрезвычайною легкостію пользуется Русскимъ языкомъ для выраженія самыхъ трудныхъ предметовъ.

8) Наконецъ наружная форма самаго сочиненія говоритъ тоже въ пользу сочиненія. Руководство къ Оперативной Хирургіи нанечатано четкимъ, прекраснымъ шрифтомъ и на хорошей бѣлой бумагѣ.

Изъ этого согласія между наружною формою и

**внутреннимъ его достоинствомъ видно дѣйствительно
желаніе автора подарить Русскую медицинскую ли-
тературу сочиненіемъ во всѣхъ отношеніяхъ совре-
меннымъ.**

Ординарный Профессоръ Ѳ. ИНОЗЕМЦОВЪ.

РАЗБОРЪ

Сочиненія С. ЗЕЛЕНАГО,

подъ заглавіемъ:

**АСТРОНОМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА КОРАБЛЕВОЖ-
ДЕНІЯ,**

составленный

Ординарнымъ Академикомъ СТРУВЕ.

**Bericht über das zum Demidowschen Conkurs für
1842 gestellte Werk: АСТРОНОМИЧЕСКІЯ СРЕД-
СТВА КОРАБЛЕВОЖДЕНІЯ. Сост. С. ЗЕЛЕНОЙ.**

Ohne allen Zweifel ist das Werk des Herrn Flotten-Lieutenants Selenoi eine erfreuliche Erscheinung der Russischen Literatur in Bezug auf das Seewesen. Es hat das besondere Verdienst, nicht eine blosse Zusammenstellung des Besten aus den Werken anderer Nationen über die nautische Astronomie zu seyn, sondern ein eigenthümliches Werk, angelegt und durchgeführt nach wohldurchdachtem Plane. Dabei hatte der Verfasser den bestimmten Zweck im Auge, dass seine Arbeit ein Lehrbuch für die Zöglinge des Kaiserlichen Seecadettencorps seyn sollte; und als solches bildet es den 2ten Theil eines für dieses Corps bestimmten allgemeinen Lehrbuchs der theoretischen und practischen Schiffahrtskunde.

Besonders gebührt dem Werke das Lob der Präcision und Klarheit, zweier wesentlicher Eigenschaften, weil angenommen werden muss, dass das Buch nicht nur beim Unterrichte seine Anwendung hat, sondern vorzugsweise auch zur See selbst als Leitfa- den zur Berechnung der für die Ortsbestimmung des Schiffes angestellten Beobachtungen, angewandt werden wird.

Das ganze Werk zerfällt in 3 Bücher:

1. theoretische Astronomie, -
2. von den astronomischen Instrumenten, oder beobachtende Astronomie,
3. Anwendung der Astronomie auf die Schiff- fahrt, oder nautische Astronomie.

Verhältnissmässig hat mich das erste Buch am we- nigsten befriedigt. Wenn ich nicht irre, war der Ver- fasser bei der Bearbeitung desselben in einer nicht ganz freien Stellung, indem er dasjenige zu berück- sichtigen hatte, was im ersten Course, dem der Na- vigation, schon aus der theoretischen Astronomie bei- gebracht war. Ohnfehlbar würde diese Abtheilung dem Verfasser mehr gelungen syen, wenn er sie ganz un- abhängig bearbeitet hätte. Sollte das Werk mit der Zeit eine zweite Auflage erhalten, so ist dem Verfas- ser eine sorgfältige Durchsicht dieses Buches zu em- pfehlen, sowohl in Bezug auf die allgemeine Anlage desselben, als zur Berichtigung einzelner Ungenauig- keiten. So ist z. B. § 32 die Zahl der, dem blossen

Auge auf ein Mal sichtbaren Sterne auf 20000 gesetzt, während sie vielleicht kaum 4000 ist. In der Carte, Tafel 5, sind im Sternbilde des grossen Bären, die 3 Schwanzsterne ϵ , ζ , η als schwächer angegeben im Vergleich mit α , β , γ , da sie doch entschieden heller als β und γ sind. In § 39, 22 ist β Leonis als Stern erster Grösse gesetzt; er ist aber 2ter Grösse. Dagegen zeichnet sich das wichtige Capitel VI, „о измѣрении времени“ durch Klarheit aus, und die daselbst gegebenen Vorschriften über die gegenseite Verwandlung der wahren, der mittlern Sonnenzeit und der Sternzeit lassen nichts zu wünschen übrig.

Das 2te Buch, *die beobachtende Astronomie*, ist eine wahre Zierde des Werks. Der Verfasser zeigt sich hier, wo er sich offenbar ganz selbständig bewegt, als ein Seemann, der mit der Theorie der Instrumente, mit dem Bau und ihren Berichtigungen völlig vertraut ist, und der die Anwendung derselben zur See durch eigene Erfahrung vielfältig erprobt hat. Es ist bekannt, dass in der Englischen und Russischen Marine der Spiegelsextant das Hauptinstrument war, während bei den Franzosen auch der Bordasche Spiegelkreis häufig zur Anwendung kommt. Von unserm Verfasser sind die Berichtigungen und Prüfungen des Spiegelsextanten mit grosser Klarheit und vollständig auseinandergesetzt, und nur hie und da liesse sich einiges verbessern. Eben so ist das Verhältniss des Sextanten zu den Spiegelkreisen genau

erörtert worden. Endlich ist die, allen diesen Spiegelinstrumenten, ihrem Principe nach, inwohnende Unvollkommenheit festgesetzt, dass es mit ihnen unmöglich ist grössere Winkel als etwa 120° zu messen, wodurch es unthunlich wird die Depression des Meereshorizontes, durch Beobachtung von beiden entgegengesetzten Horizonten aus, direct zu bestimmen, was unter gewissen Umständen, namentlich bei nebligem Horizonte für die Sicherheit der Ortsbestimmung des Schiffes von der grössten Wichtigkeit ist.

Die Versuche der Engländer, der Unzulänglichkeit der Spiegelsextanten in dieser Hinsicht durch eine Veränderung im Bau abzuhelfen, haben keinen Erfolg gehabt. Dagegen wurden in Deutschland, das keine Flotte hat, durch H. v. Steinheil in München drei verschiedene neue Reflexionsinstrumente erfunden, um die Messung der Winkel bis auf 180° auszudehnen und die optischen Unvollkommenheiten der bisherigen Spiegelinstrumente zu vermeiden, nemlich, ausser einem Spiegelkreis von neuem Principe,

der ältere Prismenkreis,
und der neue Prismenkreis.

Es ist entschieden, dass diese beiden Instrumente, der Theorie nach, ihrem Zwecke völlig entsprechen. Unser Verfasser hat sie daher vollständig beschrieben, und ihre Behandlung und die Berichtigungen derselben lichtvoll auseinandergesetzt. Dies ist das erste Mal, dass diese wichtigen Instrumente in einem nau-

tischen Werke gehörig berücksichtigt werden, und das ist schon ein besonderes Verdienst. Wichtiger ist aber, dass Hr. Selenoi durch *seine eigene Beobachtungen* die wirkliche Anwendbarkeit dieser Instrumente zur See ausser allen Zweifel gesetzt hat, an welcher bisher vielseitig gezweifelt wurde, so dass namentlich die Engländer diese Instrumente bis jetzt noch gar nicht berücksichtigt haben. Es ist aber jetzt entschieden, dass die Prismenkreise wahre Seeinstrumente sind. Es steht daher zu hoffen, dass die Seemänner bald mit denselben eben so vertraut, wie mit den Sextanten, werden, und dass dann, zumal wenn von Seiten der Künstler auch noch für das Bedürfniss des Seegebrauchs an ihnen verbessert wird, durch diese Instrumente ein wichtiger Fortschritt in der nautischen Astronomie herbeigeführt ist. Im Capitel über die Instrumente, die der Seemann am Lande braucht, hätte Referent gewünscht, dass der Verfasser umständlicher über das Durchgangsinstrument, dessen Aufstellung, Berichtigung und Anwendung, gehandelt hätte, da dieses Instrument in Bezug auf die Längenbestimmung der Landungspuncte von so grosser Wichtigkeit auch für die Seefahrer ist.

Das dritte Buch, welches die eigentliche nautische Astronomie zum Gegenstande hat, ist eine würdige Fortsetzung des zweiten und zeichnet sich ebenfalls durch Klarheit und Verständlichkeit der Vorschriften aus, wenn auch hie und da einiges noch zu verbes-

sern und zu vervollständigen ist. So wären z. B. die Längenbestimmungen an den Landungsplätzen, durch die Mondsculminationen am Durchgangsinstrument beobachtet, vollständiger zu erörtern gewesen. (Indess hat der Verfasser hierüber eine besondere kleine Schrift herausgegeben, und ist dadurch vielleicht veranlasst gewesen im vorliegenden Werke kürzer zu seyn). In § 361 ist für die Berechnung einer Reihe Circummeridianhöhen die Vorschrift gegeben, dass der mittlere Stundenwinkel für die Reduction auf den Meridian gebraucht werde. Es ist aber auf jeden Fall hier rathsamer, ja mitunter nothwendig, den mittlern Stundenwinkel nicht durch das arithmetische Mittel, sondern durch die Wurzel aus dem mittleren Quadrate der Stundenwinkel abzuleiten, indem sonst der wahre Vorzug der wiederholten Beobachtung verloren geht. Dass die in § 367 angegebene, bei den Französischen Seefahrern übliche Methode der Breitenbestimmung nicht viel Vertrauen verdient, hat der Verfasser in der Vorrede erwähnt. Es wäre aber wohl besser gewesen diese Methode ganz als ungenügend auszulassen. Was das Capitel IV betrifft, worin das bekannte Douwes'sche Problem behandelt wird, aus zweien Höhen und der Zwischenzeit sowohl die Zeit als die Breite zu finden, so glaubt Referent, dass, zumal wenn die Ortsveränderung des Schiffs mit berücksichtigt werden muss, eine indirecte Auflösung weit bequemer ist, als die vom Verfasser gegebene directe.

Die Lesung dieses Werkes hat den Referenten mit wahrer Achtung für die Einsicht und den Eifer des Verfassers erfüllt, und er muss das *Werk* für ein preiswürdiges anerkennen, wenn auch noch mancherlei an demselben vervollkommenet werden kann. Da der Verfasser gewiss an der fortschreitenden Verbesserung seines Werkes arbeiten wird, so ist es keinem Zweifel unterworfen, dass die Russische Literatur mit der Zeit ein Werk erhält, das sich den besten der Art dreist an die Seite stellen kann. Eine solche Vollendung bei der ersten Bearbeitung eines so reichhaltigen und mannigfachen Stoffes zu erreichen, war kaum möglich. Aber auch so, wie das Werk vorliegt, gereicht dasselbe dem Vaterlande zu wahrem Nutzen und zur Ehre.

Pulkowa, den 4. April 1842.

W. Struve.

РАЗБОРЪ

Сочиненія Г-на ГОРЛОВА,

подъ заглавіемъ:

ТЕОРІЯ ФИНАНСОВЪ,

составленный:

**Г. Экстраординарнымъ Академикомъ
КЕПЕНОМЪ.**

★

Тео́рія Финансовъ. Сочиненіе Ивана Горлова,
Докт. Философ. Орд. Проф. политической экономіи
и статистики при Казавскомъ Университетѣ. Ка-
зань, 1841. 339 с. въ 8.

Если справедливо, что присужденіе Демидовскихъ наградъ отнимаетъ у насъ не мало времени, отвлекая вмѣстѣ съ тѣмъ Академиковъ отъ главныхъ, собствен-
ныхъ занятій: то нельзя не сознаться, что оно же
служитъ и утѣшительнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что
Россія быстро стремится усвоить себѣ успѣхи дру-
гихъ народовъ по части наукъ положительныхъ и от-
меченныхъ. Съ каждымъ годомъ мы выслушиваемъ
довесенія о учебныхъ и другихъ книгахъ, въ которыхъ
какой либо рядъ человѣческихъ познаній впервые, въ
систематическомъ порядкѣ, излагается на языкѣ Русс-
комъ. Прошлогоднее (десятое) присужденіе познако-
мило насъ съ нѣсколькими сочиненіями сего рода. Те-
перь же мнѣ предлежитъ обратить Ваше, Милостивые

Государя, вниманіе на небывалую еще въ Россіи книгу: Теорію Финансовъ.

Донинѣ, только отдѣльныя части науки о финансахъ были предметомъ разысканій отечественныхъ писателей; такъ напр. въ 1818 г. изданъ Опытъ теоріи налоговъ Никол. Тургенева, въ 1833 г. напечатано сочиненіе о Государственномъ кредитѣ (М. Ѳ. Орлова), а въ 1840 г. вышла книга Г. Небольсина о Банкахъ и другихъ кредитныхъ установленіяхъ. Въ полномъ же своемъ объемѣ наука о финансахъ доселѣ не находила воздѣлывателей въ числѣ Русскихъ ученыхъ и Господину Горлову принадлежитъ честь быть первымъ у насъ писателемъ о финансахъ вообще.

Все сочиненіе его дѣлится на три части: въ первой говорится о Государственныхъ доходахъ, во второй о Государственныхъ издержкахъ, въ третьей о Государственномъ кредитѣ.

Государственные доходы авторъ дѣлитъ на промысловые (съ земли, лѣсовъ и заводовъ), монопольные (горныя, монетныя, табачныя, почтовые и лоттерейныя регалии) и налоги (прямые и косвенные).

Раздѣляя прямые налоги на поземельную подать, подать съ капитала и подать съ труда, авторъ излагаетъ между прочимъ и начала «катастра» (с. 112 и д.). Косвенные налоги онъ дѣлитъ на непосредственно взимаемые (съ домовъ, слугъ, экипажей и пр.) и посредственно взимаемые, какъ то акцизы и таможенныя подати.

Издержки государственныя дѣлятся на издержки для законодательныхъ властей и издержки управленія (общія и особенныя).

Наконецъ въ 3-й части о Государственномъ кредитѣ сочинитель излагаетъ основанія и дѣйствія сего кредита, исчисляетъ разные виды Государственныхъ займовъ, и говоритъ о обращеніи Государственныхъ бумагъ, о платежѣ процентовъ и погашеніи долговъ.

Приступая къ разсмотрѣнію какого либо сочиненія, представленнаго къ полученію награды, прежде всего должно опредѣлить какое мѣсто оно занимаетъ на поприщѣ наукъ, т. е. какое его назначеніе и представляются ли въ немъ результаты собственныхъ новыхъ изслѣдованій, или же должно оно только ознакомить насъ съ современнымъ состояніемъ науки. Въ отношеніи къ Теоріи финансовъ Г. Горлова спрашивается еще съ какою цѣлію она написана, съ тою ли чтобы служить руководствомъ при университетскомъ преподаваніи, или же для ознакомленія любителей политическихъ наукъ съ предметами относящимися до финансовъ. Авторъ въ этомъ отношеніи не высказалъ своего намѣренія, вѣроятно потому, что цѣль его была сугубая, — что и заставляетъ съ двухъ сторонъ смотрѣть на его трудъ, т. е. какъ на учебное пособіе и какъ на сочиненіе, изъ коего читатель, безъ содѣйствія наставника, можетъ почерпнуть истинныя свѣдѣнія. Касательно предметовъ, входящихъ въ составъ Теоріи финансовъ, Г. Горловъ не имѣлъ

измѣренія сдѣлать какой либо переворотъ въ наукѣ; онъ старался представить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они нынѣ излагаются. Иногда онъ считалъ необходимымъ приводить основанія и доводы противоположныхъ системъ (напр. Рикардо и Чалмерса въ отношеніи къ поземельной подати, или разныхъ писателей о погашеніи государственныхъ долговъ и пр.); болѣею же частію онъ прямо представляетъ то мнѣніе, которое имъ признается основательнымъ.

Писатели, на коихъ Г. Горловъ основывается, суть: Зонненфельсъ, Лоцъ, Баронъ Мальхусъ, Мекъ Колохъ, Небеніусъ, Пёлицъ, Рау (Rau), Рикардо, Се (J. B. Say), Сисмонди, Ад. Смитъ, Шторхъ и участники въ изданіи Энциклопедіи Государственныхъ наукъ: Роттекъ и другіе ¹⁾. Сверхъ того обращено вниманіе и на разныя статьи помѣщенныя въ новѣйшихъ изданіяхъ, какъ то *Deutsche Vierteljahrs-Schrift*, *Revue des deux mondes* и пр. Одиѣ только сочиненія Листа, новѣйшаго политическаго писателя, какъ видно, не дошли еще до Казани, гдѣ авторъ имѣетъ пребываніе. Во всякомъ случаѣ должно отдать Г. Горлову справедливость въ томъ, что онъ совершенно знакомъ съ литературою своего предмета и — зная главные Европейскіе языки (въ томъ числѣ и Нѣмецкій, необходимый для каждаго, кто занимается теоріею Государ-

1) Въ статьяхъ *Amortisation*, *Cours*, *Credit*, *Finanz* и пр.

ственныхъ наукъ) — слѣдилъ за новѣйшими явленіями по части политическихъ изысканій: дѣло не малотрудное, особенно для ученаго, состоящаго въ должности, которой онъ обязанъ посвящать определенное время.

Боясь утомить Ваше, Мм. Гг., вниманіе подробнымъ разборомъ разсматриваемаго сочиненія, я считаю долгомъ здѣсь, хотя въ общихъ чертахъ, показать достоинства онаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить нѣсколько замѣчаній, на которыя, можетъ быть, Г. Горлову угодно будетъ обратить вниманіе при новомъ изданіи этой книги.

Относительно объема предлагаемой науки — Теоріи финансовъ — Г. Горловъ объявляетъ (на с. 239), что онъ остается въ предѣлахъ назначенныхъ ей учеными работами Нѣмецкихъ писателей. Къ сожалѣнію авторъ не рѣшился определить отношенія науки о финансахъ къ другимъ политическимъ наукамъ, что конечно было бы не бесполезно. Впрочемъ сущность своей науки сочинитель (на с. 2) определяетъ такъ: «Наука, разсуждающая о денежномъ хозяйствѣ правительства, т. е. о полученіи и употребленіи средствъ для удовлетворенія Государственныхъ протребностей, есть *Теорія финансовъ.*»

Изложенія новѣйшихъ политическихъ писателей ведутъ къ слѣдующему обзору:

Государственное благоустройство.

Юстиція.

Государственное хозяй-

ство.

Полиція.

Ограждение законныхъ правъ.

(Законность).

(Политич. экономія,
въ *просперитатисъ смыслѣ*),
(Благополучіе).

Охраненіе благочинія (и постепеннаго
развитія силъ Государственныхъ:
Культур). (Нравственность).

Чистое Государ. хозяйство.

(Теоретическая часть).

Прикладное Государ. хозяйство.

(Практическая часть).

Народное хозяйство.

Правительственное хо-

зяйство.

Наука о финансахъ,

(Исследования о стоимости
[Worth], цѣнѣ, работѣ и ея дѣ-
лени, деньгахъ, конкуренціи,
капиталѣ, доходѣ, ассигнаціяхъ
и проч.).

(Политическая экономія,
въ *мыслемъ смыслѣ*),
Определеніе въ какой мѣрѣ Госоу-
дарству (правительству) utility,
дозвоительно и должно дѣйстви-
тельно на народное хозяйство 2).

т. е. о денежныхъ средствахъ, на удо-
влетвореніе Государственныхъ по-
требностей (о Государственныхъ по-
требностяхъ вообще, о Государствен-
номъ приходахъ и расходахъ, о налогахъ,
о кредитахъ).

2) Некоторые Нѣмцы не считают называть эту науку Volkswirtschafts-Pflege, въ противополож-
ность Национальному хозяйству, именуемому — Volkswirtschafts-Lehre.

Политическую Арифметику Г. Горловъ (на с. 8) называетъ «математикою приложенною къ финансамъ, именно вычисленіемъ процентовъ и теоріею вѣроятностей.» Если я уже, въ донесеніи моемъ о Теоріи Статистики Г-на Профессора Ободовскаго³⁾, замѣтилъ, что Политическая арифметика не можетъ считаться математическою частію одного только Государственнаго хозяйства, то и того менѣе могу согласиться съ Г. Горловымъ, еще болѣе стѣсняющимъ предѣлы этой науки, которая распространяется на всѣ вообще политическія знанія, представляющія числительныя данныя, слѣдственно и на статистику, гдѣ также дѣланые ею выводы должны служить основаніемъ для точныхъ соображеній. Опредѣляя нормальныя числа, она со временемъ познакомитъ насъ точнѣе съ бытомъ челоуѣка въ гражданской его жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ поведетъ къ указанію на отступленія отъ дознанныхъ законовъ — на обстоятельства, которыя всего болѣе должны обращать на себя вниманіе политиковъ.

Въ томъ, что Г. Горловъ признаетъ необходимость статистики по части финансовъ, свидѣлствуютъ слова его о важности статистическихъ изслѣдованій, которыя должны предшествовать наложенію акциза (с. 183); статистика, говоритъ онъ, подаетъ способъ опредѣлить мѣру до которой воз-

3) См. Девятое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 17 Апр. 1840 года. С. Петерб. 1840. 8, с. 143. (Особыхъ отисловъ, подъ заглавіемъ: О сущности статистики. Спб. 1840 8, с. 31).

можно пользоваться финансовыми источниками (с. 8). Это такая истина, что, желая знать степень довѣрія, которое можно имѣть къ какой либо принимаемой новой мѣрѣ, всего прежде рождается вопросъ: собраны ли по сей части удовлетворительныя статистическія данныя? Статистическія конторы при Министерствахъ финансовъ по сему суть учрежденія весьма нужныя. — Прагматизмъ, необходимый при дѣльныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, самъ собою ведетъ къ исторіи, — которая, въ дѣлахъ финансовыхъ, также должна постоянно обращать на себя вниманіе.

Говоря о «доменахъ» (Государственныхъ имуществахъ) Г. Горловъ пристаеъ къ мнѣнію тѣхъ, которые доказываютъ пользу отчужденія ихъ (с. 12, 21, 310 и д.). Доменами онъ называетъ недвижимыя имущества, принадлежащія государству и доставляющія доходъ, употребляемый на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ. Слѣдственно къ доменамъ могутъ быть причислены и лѣса и горные заводы, — предметы, которыхъ совершенное отчужденіе едвали рѣшится присовѣтывать основательный политикъ. Въ томъ, что Государственныя имущества служатъ опорой Государственному кредиту, конечно нельзя сомнѣваться; къ тому же сбывать съ рукъ имущество ежедневно въ цѣнѣ возрастающее, т. е. приступать къ продажѣ онаго въ государствѣ, котораго силы только что разви-

ваются, едва ли может считаться умѣстнымъ? Справедливо, что частные владѣльцы могутъ извлекать большіе доходы изъ земли нежелая правительство, и что при этомъ частномъ управленіи открываются новые источники государственнаго дохода: но одни эти расчеты не могутъ взять перевѣсъ надъ государственными видами объемлющими и будущность, какъ законное послѣдствіе дѣйствій настоящихъ. Другое дѣло, когда признается полезнымъ и пужнымъ заселить пустынные степи, сгустить населеніе на предѣлахъ государства, ввести или распространить новую вѣтвь сельскаго хозяйства (какъ это мы видѣли въ отношеніи къ тонкорунному овцеводству и винодѣлію въ полуденной Россіи), или когда правительство желаетъ, въ видѣ образцовыхъ заведеній, водворить между своими подданными иностранцевъ, руководствующихся лучшею системою сельскаго хозяйства и т. п. — въ такихъ случаяхъ конечно политикъ долженъ одобрить раздачу казенныхъ земель подъ новыя населенія; ибо тутъ представляются явныя, неоспоримыя выгоды.

Впрочемъ къ числу Государственныхъ имуществъ принадлежатъ и публичныя зданія, большія дороги и водяные пути, арсеналы, крѣпости и самыя флоты ⁴⁾, и одинъ изъ новѣйшихъ писателей, Листъ, еще не давно, въ отношеніи къ желѣзнымъ дорогамъ, выразился такъ: «это также Государственное имущество, и

4) Staats-Lexicon, Art. Domäne.

имущество гораздо болѣе выгодное нежели лѣса и помѣстья; ибо желѣзныя дороги кромѣ прямого дохода общають и косвенный, служа къ умноженію прочихъ государственныхъ доходовъ ⁵⁾.

Самъ авторъ на с. 33 и д. исчисляетъ причины, которыя говорятъ противъ продажи казенныхъ лѣсовъ. Сочиненія извѣстѣйшихъ писателей о лѣсномъ хозяйствѣ и отношеніи его къ государственному управленію, — Пфейля и Гундешагена (Hundeshagen) ⁶⁾, — суть уважительные авторитеты на которые ссылается Г. Горловъ, не оставившій безъ вниманія и разсужденія Моро де Жоннесъ: *Effets de la destruction des forêts sur l'état physique des contrées.*

Говоря (на с. 39) о составленіи лѣсной статистики, сочинитель не упоминаетъ о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ данныхъ, на кои при таксаціи ⁷⁾ должно быть обращено вниманіе, какъ то: исчисленіе лѣсныхъ породъ (хвойныхъ или лиственныхъ и какихъ именно),

5) *Deutsche Vierteljahrs-Schrift* 1841, Oct. — Dez., No. 16, S. 247. Листъ (тутъ же на с. 240) утверждаетъ, что Государственнымъ имуществу королевства Виртембергскаго, могущія стоить нынѣ до 100 милліоновъ гульденовъ, по употребленіи 20 милліоновъ гульденовъ на устроеніе желѣзныхъ дорогъ, должны возвыситься въ цѣнѣ своей на 20 $\%$.

6) *Pfeil*, Grundsätze der Forstwirthschaft in Bezug auf die Nationalökonomie und die Staatsfinanzwissenschaft, 1822 — *Hundeshagen*, Lehrbuch der Forstpolizei, 1831.

7) Употребляю это слово (вмѣсто слова оцѣнки) потому что оно у насъ поступило въ число техническихъ терминовъ.

качество лѣса (чапыжникъ, кустарникъ, лѣсъ дровяной, подѣлковый, строевой, корабельной *), и хотя приблизительно исчисленіе кубической массы лѣса; въ статьѣ же о лѣсномъ хозяйствѣ не упоминается о періодахъ (или оборотахъ) рубки и раздѣленіи рошей на правильные лѣсосѣки. Но тутъ же справедливо замѣчаетъ Г. Горловъ, что «казна должна заботиться объ устройствѣ выгодныхъ средствъ сообщенія,» необходимыхъ для сбыта лѣсовъ, которые безъ того истребятся временемъ, ибо то, чѣмъ не пользуется человекъ, уничтожается самою природою, ищущою простора для новыхъ произведеній.

Убѣдившись, при чтеніи разсматриваемаго сочиненія, въ томъ, что Г. Горловъ слѣдитъ постоянно за успѣхами науки, нельзя не удивляться, что онъ не уберегся вліянія нѣкоторыхъ закоснѣлыхъ способовъ воззрѣнія на предметы Государственнаго хозяйства. Таковы напр. слѣдующія изложенныя имъ мнѣнія:

«Такъ какъ издержки провоза съ мѣста производства до мѣста потребленія бываютъ различны, то «отсюда и цѣна соли также не можетъ быть одинакова» (с. 51).

или:

«Почтовые пошлѣны должны возвышаться по вѣсу «писемъ и разстоянію» (с. 65).

*) Чапыжникомъ называется въ особенности лѣсная поросль, еже годно объѣдаемая скотомъ.

Опроверженіе этихъ словъ представляетъ самъ авторъ, говоря: «Такое различіе цѣнъ въ своемъ существѣ противно истиннымъ финансовымъ началамъ, «предписывающимъ справедливое и равное обложеніе «гражданъ» (с. 52).

Отвергая какъ первое, такъ и послѣднее изъ вышеприведенныхъ мнѣній, уже отжившихъ вѣкъ свой и потому требующихъ погребенія и забвенія, нельзя не отвергнуть и предположенія о раздѣленіи государства, въ отношеніи къ почтовой платѣ, на области, которыя обозначены концентрическими кругами (ст. 65). Самъ Г. Горловъ признаетъ выгоднымъ, что казна, будучи единственнымъ предпринимателемъ по почтовой части, не будетъ смотрѣть на почты только какъ на источникъ дохода, но какъ на предпріятіе, существенно полезное всему государству (с. 64). Нѣтъ сомнѣнія, что это одна изъ главныхъ причинъ, почему Г. Горловъ утверждаетъ, что почты только тогда отвѣтствуютъ своему назначенію, когда пахотятся въ одномъ управленіи. Это справедливо, когда сіе единственное почтовое вѣдомство усовершенствуется въ соответствии съ потребностями народа; въ противномъ же случаѣ почтовая монополія, устраняя всякое соревнованіе, имѣла бы послѣдствіе всѣхъ вообще монополій, — отвергаемыхъ наукою. Ссылаясь, въ отношеніи къ предметамъ почтоваго вѣдомства, на то, что изложено мною въ разсужденіи моемъ о пись-

венных сношеніях⁸⁾, я здѣсь замѣчу только, что время ямскаго учрежденія въ Россіи относится не къ царствованію Бориса Федоровича Годунова, какъ полагаетъ авторъ (с. 62 и д.), но что ямы существовали уже при Иоаннѣ III, какъ видно изъ духовной грамоты его 1504 года⁹⁾....

Чистый доходъ, по словамъ Г. Горлова (с. 73) есть величина, остающаяся послѣ возобновленія источниковъ производства; «ею (при ежегодномъ налогѣ) можно располагать, не уменьшая способовъ финансовыхъ силъ.» Съ этимъ нельзя вполне согласиться. Начните отымать у работниковъ большую часть ихъ чистаго дохода — какія это будетъ имѣть послѣдствія? Не должна ли работа для нихъ опостылѣть? Человѣкъ ищетъ лучшаго, . . . семейства мастеровыхъ возрастаютъ, . . . апатія же, по словамъ самаго Г. Горлова (с. 74), есть могла для всего нравственнаго и возвышеннаго.

Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ сочинитель на с. 72), что невозможно подчинять одному и тому же налогу землю и прочіе предметы многоцѣнные, не приносящіе никакого дохода: — парки, увеселительные сады,

8) Deber den Brief-Verkehr in Russland. См. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. Sciences politiques, historiques et philologiques. VI Série T. V, p. 435 sq. На Русскомъ языкѣ разсужденіе это было напечатано въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1841 года, No. 242 — 244.

9) См. статью „о ямахъ до конца XVII вѣка“ въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія 1841, Августъ, отд. II, с. 123.

книги, картины, статуи. Сказанное здѣсь въ отноше-
ніи къ основанію налоговъ, можетъ вести къ такимъ
заключеніямъ, въ опроверженіе которыхъ доста-
точно привести слова самаго автора, соглашающа-
гося (на с. 105) въ томъ, что не должны быть изъ-
яты отъ подати или облегчены въ оной, земли при-
носящія мало или вовсе недающія дохода лишь по
причинѣ нерадѣнія владѣльца или по его желанію,
какъ напр. земли находящіяся подъ аллеями, бесѣд-
ками, увеселительными садами. Въ этомъ случаѣ (спра-
ведливо продолжаетъ авторъ) обложеніе податью все
такъ должно происходить соотвѣтственно обыкновен-
ному доходу, получаемому при обыкновенныхъ спосо-
бахъ земледѣлія.

Разсуждая объ основаніяхъ дохода, Г. Горловъ
оставляетъ безъ вниманія, что нѣкоторые писатели
признаютъ подати должною данью за доставляемое го-
сударствомъ обеспеченіе жизни, имущества и закон-
ныхъ правъ. Между тѣмъ одно это основаніе бо-
лѣе другихъ служитъ оправданіемъ поголовной (или
подушной) подати, которая, до нѣкоторой степени, и
особенно при другихъ налогахъ, признается справед-
ливою, не взирая на то, что она вооружила противъ
себя многихъ изъ числа первенствующихъ политиковъ.
Подушный окладъ представляетъ правительству
источникъ дохода довольно вѣрный, возрастающій съ
умноженіемъ числа жителей, а слѣдственно и съ ум-
ноженіемъ правительственныхъ потребностей. Желаетъ

тельно только чтобы, подъ наблюдениемъ безпристрастнаго и безкорыстнаго мѣстнаго начальства подушная эта подать въ общинахъ перелагалась соразмѣрно на землю и рабочія руки, какъ это дѣлается у Меннонитовъ и другихъ Нѣмецкихъ поселенцевъ въ южной Россіи, конхъ цвѣтущее положеніе не можетъ не обращать на себя вниманія ¹⁰⁾. Возстающихъ противъ подушнаго оклада, даже умѣреннаго, да позволено будетъ спросить: чѣмъ же, какъ не поголовною податю, они признаютъ налоги на необходимыя потребности жизни, напр. акцизъ съ хлѣба, соли и т. п.?

Къ числу изложенныхъ Г. Горловымъ остроумныхъ замѣчаній о налогахъ, принадлежатъ между прочимъ слѣдующія:

«Налогъ на безправственность (напр. подать съ игорныхъ домовъ) былъ бы родомъ прежнихъ индугенцій» (с. 77) ■

«Подать съ наследства, въ существѣ своемъ есть та же подать съ имущества, отсроченная до смерти владѣльца» (с. 80).

Въ статьѣ о прямыхъ налогахъ, именно о поземельной подати, Г. Горловъ старается проложить путь между противурѣчащими системами двухъ Англійскихъ экономистовъ: Рикарда и Чалмерса, изъ ко-

¹⁰⁾ Нѣсколько подробнѣе о семъ говорено въ представленной мною въ Академію наукъ запискѣ: Ueber einige physikalische Verhältnisse im Gebiete zwischen dem untern Dnjepr und dem Asowschen Meere (der Berda).

★

ихъ первый утверждаетъ, что при нѣкоторыхъ условіяхъ поземельная подать не падаетъ на землю, между тѣмъ какъ послѣдній говоритъ что всѣ, какія бы то ни были налоги, падаютъ исключительно на земледѣліе (с. 99). Признавая возможность обложить поземельный доходъ (с. 103), авторъ нашъ разсуждаетъ о томъ, какъ эту возможность обратить въ дѣйствительность. Разсужденіе это ведетъ его къ «катастру», котораго главныя основанія изложены (на с. 117) подлинными словами Французскихъ постановленій (безъ перевода на Русскій языкъ).

То, что Г. Горловъ излагаетъ (на с. 127 и 128) объ арендной суммѣ, или оброкѣ, весьма основательно. Къ причинамъ, понижаящимъ оброчную плату, причислить должно и право, которое правительство представляетъ себѣ уничтожить контрактъ въ томъ случаѣ, когда бы оброчная статья понадобилась для какихъ либо общественныхъ нуждъ. Въ отношеніи къ чрезмѣрно малымъ статьямъ можно сказать тоже, что замѣчено о слишкомъ великихъ, т. е. что на нихъ бываетъ мало охотниковъ, сверхъ того онѣ не могутъ не быть въ тягость, потому что требуютъ исполненія тѣхъ же формъ, какія установлены для прочихъ оброчныхъ статей.

Къ сказанному авторомъ о налогѣ съ денежныхъ капиталовъ (с. 129 и д.), можно прибавить, что налогомъ на капиталы должно почестся и то, когда казна выдаетъ изъ кредитныхъ своихъ заведеній капита-

лы за высшіе проценты сравнительно съ тѣми, какіе она сама платитъ.

Подать съ жалованья чиновниковъ (вычеты) Г. Горловъ справедливо отвергаетъ, говоря (с. 159) что въ томъ случаѣ, когда чиновники получаютъ лишнее для нихъ жалованье, правительство можетъ просто уменьшить жалованье ихъ и избѣгнуть напраснаго труда взиманія (т. е. отчетности по сему предмету и проч.). Теорія то же самое должна утверждать и въ отношеніи къ вычетамъ изъ одновременныхъ наградъ. Противное можетъ имѣть вліяніе и на самую нравственность народа.

Исчисляя налоги непосредственно взимаемые, Г. Горловъ говоритъ (на с. 179) о налогѣ съ собакъ, слугъ, лошадей. Какая послѣдовательность! Уваженіе къ человечеству заставляетъ замѣтить такое противъ него прогрѣшеніе — опасное особенно въ училищѣ, гдѣ въ числѣ слушателей находятся и будущіе помѣщики (владѣльцы крестьянъ).

Въ статьѣ объ акцизѣ съ хлѣба (на с. 185), авторъ выражается такимъ образомъ: «... весьма полезно «предписать, чтобы мельники не принимали зеренъ «для молотія (sic) безъ представленія квитанціи, свѣдѣтельствующей о вносѣ акциза, чтобъ они вели «списки съ означеніемъ именъ владѣльцевъ, отмѣчали «знаками чужіе мѣшки, держали ихъ особо отъ своихъ, «не принимали зеренъ ночью, подвергались частому «осмотру чиновниковъ и проч.»... Такимъ образомъ

мельницы стали бы мало по малу обращаться въ канцеляріи или конторы — о чемъ страшно и подумать! Упаси Богъ наше отечество отъ подобныхъ мѣръ.

Ненавистна, подобнымъ образомъ и мѣра, предлагаемая въ статьѣ объ акцизѣ съ пива. «Хотя тайное «вареніе пива (сказано на с. 194) едвали можетъ быть «предпринимаемо; но можно опасаться, что въ одну и «ту же варю будутъ нѣсколько разъ подливать. По- «тому для обезпеченія выгодъ казны, полезно развѣ- «дывать о количествѣ матеріаловъ предъ началомъ, и «вывареннаго пива по окончаніи производства.» —

На с. 189 представлена величина таможенной по- дати въ Великобританіи, Франціи и Баденѣ. Въ книгѣ писанной на Русскомъ языкѣ, слѣдственно для Русскихъ, кажется, не бесполезно бы было упомянуть и о таможенномъ доходѣ Россіи, о коемъ Министерство Финансовъ печатаетъ свѣдѣнія. Доходъ этотъ въ 1840 году простирался до 27.355,056 р. 68 к. сер. (противъ 1839 г. болѣе 1.103,785 р. 8 к. сер.), а издержки на таможенное управленіе, со включеніемъ пограничной стражи, составляли $7\frac{1}{3}$ процентовъ со всего таможеннаго дохода. Авторъ можетъ противъ этого возразить, что приведеніе такихъ данныхъ есть собственно дѣло статистики; но если уже приводитъ примѣры, особенно читая лекціи людямъ готовящимся поступить на службу, то не всего ли ближе, зна- комить ихъ съ тѣмъ поприщемъ, на которомъ они нѣкогда будутъ дѣйствовать?

Выше уже замѣчено мною, что сочинитель разсматриваемой здѣсь «Теоріи Финансовъ» не опредѣляетъ отношеній своей науки къ прочимъ наукамъ политическимъ. Одно изъ невыгодныхъ послѣдствій этого опущенія представляется въ изложеніи о ввозныхъ податяхъ (т. е. о таможенномъ сборѣ), гдѣ (на с. 200) Г. Горловъ говоритъ, что эти подати могутъ быть разсматриваемы съ двухъ точекъ зрѣнія: политико-экономической и финансовой. Тутъ, кажется, нѣтъ строго-логической противоположности. Если Финансы составляютъ денежное хозяйство государства, или правительства; то между финансовою точкою и политико-экономическою (въ пространномъ смыслѣ) не можетъ быть координаціи (равностепенности): ибо Финансы въ такомъ случаѣ суть только часть Государственнаго хозяйства.

Вообще, да позволено мнѣ будетъ здѣсь высказать мысль о объемѣ Государственныхъ наукъ. Каждое государство можетъ быть разсматриваемо:

въ отношеніи къ временамъ прошедшимъ: — это предметъ Политической т. е. Государственной исторіи (или, если угодно, Исторіи государствъ) *Staaten-Geschichte*;

ко времени настоящему: — это предметъ Статистики — *Staats-Kunde*;

къ временамъ будущимъ: — это предметъ Политософіи или Метаполитики — *Staats-Wissenschaft*.

Исторія государства по этому также какъ и Статистика есть наука политическая. Одна простая исчисленія царствовавшихъ лицъ и приключенія ихъ жизни, описанія придворныхъ ухищреній и кровопролитныхъ браней, не могутъ назваться Исторіею, которая также какъ и Статистика и Метаполитика, обязана разсматривать государство въ отношеніяхъ юридическихъ, экономическихъ и культурныхъ ¹¹⁾.

Связь между настоящимъ и будущимъ составляетъ предметъ наукъ, преимущественно называемыхъ политическими. Это наука о Государственномъ благоустройствѣ въ полномъ своемъ объемѣ; къ ней принадлежатъ :

Государственное право,

Государственное хозяйство (въ пространномъ смыслѣ, см. выше),

Государственная культура (со включеніемъ полиціи).

Три эти разряда наукъ соответствуютъ тому, что мы привыкли разумѣть подъ словами *verum, pulchrum et honestum*.

Каждая изъ этихъ трехъ системъ познаній, съ своей стороны опять можетъ быть разсматриваема съ трехъ сторонъ: исторической, статистической и отвѣчен-

11) Такъ напр. описаніе какой нибудь войны, безъ изложеній о хозяйственномъ бытѣ народа, безъ показаній откуда и какъ воевавшія державы заимствовали средства къ войнѣ — не можетъ удовлетворить того, кто признаетъ исторію политическою наукою.

ной, т. е. какъ былъ, современность (или сущность) и будущность (идеалъ); такъ напр. правовѣдѣніе можно дѣлать на исторію права, положительное право и теорію правъ (раціональное право) и т. д.

Нѣмцы употребляютъ иногда слово *Finanziell* въ смыслѣ Русскаго слова «доходно,» и это могло быть причиною вышеупомянутаго раздѣленія, несообразнаго съ объемомъ противопологаемыхъ другъ другу наукъ. Справедливость того, что «почва, на которой долженъ теперь происходить споръ системъ о взвозныхъ податяхъ, дѣлается менѣе обширною, потому что обѣ стороны допускаютъ ограниченную свободу торговли» (с. 201), подтверждается и сочиненіемъ Листа (*das National-System der politischen Oekonomie*), — писателя о коемъ надлежало бы упомянуть, говоря (с. 204) о Германскомъ таможенномъ союзѣ.

Въ 3-й части, посвященной Государственному кредиту, авторъ не говоритъ о банкахъ; желательно чтобы Г. Горловъ, при второмъ изданіи «Теоріи Финансовъ,» включилъ въ нее и изложеніе о кредитныхъ установленіяхъ. Шторхъ, въ VI книгѣ своего *Cours d'économie politique*, касается и Банковъ, говоря какъ о заемныхъ банкахъ (*banques d'emprunt* ч. III, с. 182), такъ и о сохранныхъ (*banques de dépôt*, ч. III, с. 303); Тургеневъ, даже въ сочиненіи о налогахъ, не могъ не коснуться банковъ ¹²⁾.

12) См. Николая Тургенева Опытъ теоріи налоговъ (Спб. 1818) с. 315 и д.

Согласно съ мнѣніемъ новѣйшихъ писателей Г. Горювъ производительными долгами признаетъ только тѣ, которые правительствомъ дѣлаются для заведенія дорогъ, каналовъ и пр. (с. 262).

Если сочинитель, въ статьѣ о вынужденныхъ займахъ (на с. 267) говоритъ, что посредствомъ выпуска государственныхъ бумагъ, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ государства, съ большимъ удобствомъ можно сдѣлать долгъ новый не обременяя народа прибавочными налогами: то это справедливо только докогда бумаги эти остаются въ первоначальномъ своемъ достоинствѣ; всякое же пониженіе ихъ курса есть налогъ, падающій несоразмѣрно на членовъ націи, обладающихъ этими бумагами (т. е. на кредиторовъ).

Весьма естественно, что въ первыхъ изложеніяхъ на отечественномъ языкѣ какой либо науки, должны встрѣчаться выраженія, слова и формы словъ новыя, въ словаріи еще не включенныя. Къ таковымъ причислить можно слѣдующія:

Безпроцентность (с. 267), доходность (183), замобратель (131, 263 и 315), замѣнительныя вещества (171), землевладѣлецъ (98, 101, 107), именной (с. 275, вмѣсто: номинальный), катастръ, катастрованіе, катастровать (и выкатастровать), катастровый и пр. (с. 112 и д.), мануфактурщикъ (154¹³), наниматель (151),

13) Мануфактурщикъ значитъ работникъ при мануфактурѣ (фабричній): Мануфактуристъ же владѣлецъ мануфактурнаго заведенія.

община (commune 273), объединение (168), одновременно (148), отвлечь (abstrahiren 117), перемежаемость (144), повѣрщикъ (то же что ревизоръ 123), погасительный (напр. п-ная касса 283), подкупность (venalité 240), подомовый (П. доходъ 136), противувѣситься (aufgewogen werden 282), раскладчикъ (Р. податей 123), самосохранение (Selbsterhaltung 165), состоятельный (153), и проч.

«Многія слова, говоритъ Г. Горловъ (въ примѣчаніи на с. 99), не имѣющія пока гражданства въ нашей литературѣ, и мною употребленныя по новостямъ предмета, не моего изобрѣтенія. Онѣ были подслушаны въ народѣ, или родились среди живыхъ импровизацийъ объ экономическихъ предметахъ и проч.» За «перенесеніе такихъ словъ на почву науки» нельзя не благодарить Г. Горлова. Впрочемъ слово съемщикъ (fermier), подавшее поводъ къ приведенному здѣсь объясненію, находится въ уже словаряхъ Соклова и Рейфа (у котораго слѣдовало бы только присовокупить Франц. слово fermier), и даже въ словарѣ (бывшей) Академіи Россійской.

Нѣкоторыя, употребленныя авторомъ иностранныя слова, кажется могли бы быть замѣнены Русскими, напр. абстрактно (с. 117), вмѣсто отвлеченно; объективно (с. 237) вмѣсто «относительно къ предметамъ;» Домены вм. Государственныя имущества и т. д.; въ замѣнъ того не излишне было бы въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ присовокупить иностранные термины получившіе гражданство, по причинѣ включенія ихъ въ число терминовъ юридическихъ; таковы напр. амелиорация (вм. улучшение имѣнія), люстрація (собрание свидѣній объ имѣніи) и пр.; при чемъ не худо было бы замѣтить, что нѣкоторые понятія выражаются у насъ какъ Русскими такъ и иностранными словами (смотря по мѣстности), напр. аренда и оброчная статья, арендная сумма и оброкъ (с. 127), арендаторъ и оброкосодержатель; также наследственная аренда — родъ безпереоброчной статьи ¹⁴⁾.

Къ особенностямъ автора, какъ Русскаго писателя, принадлежатъ нѣкоторые вновь введенныя имъ, донынѣ неупотребительныя слова и выраженія, напр.

грубый доходъ, вмѣсто валовой доходъ (Bruttoertrag, с. 26, 29, 31 и пр.).

затрачивать капиталы (engager, с. 133), или: капиталы затраченные въ производство (с. 141), или вмѣсто того же:

задолжить, напр. извлечь капиталы изъ обложенныхъ промысловъ и задолжить ихъ въ свободные (с. 143); задолжать капиталы въ промышленность (с. 257); производительно ли задолжены капиталы (с. 258, 283 и 300); капиталы задолженные въ фондахъ (с. 290); капиталъ

14) Къ безпереоброчнымъ статьямъ можно бы нѣкоторымъ образомъ причислить въ Россіи всѣ земли, лѣса, и пр., отданныя и вновь отводимыя казеннымъ поселенцамъ.

задолжается въ какое нибудь промышленное предпріятіе (с. 326). Не знаю однако же будутъ ли приняты слова затрачивать и задолжать въ смыслѣ Французскаго слова engager, котораго значеніе доныпѣ у насъ выражалось словами: употребить, пустить въ оборотъ и пр.

возмущеніе въ производствѣ или въ раздѣленіи богатствъ (Altération, с. 177 и 184).

При иностранномъ словѣ, впервые написанномъ Русскими буквами, не излишне было бы поставить названіе и на иностранномъ языкѣ, напр. на с. 240 при словѣ Цивиллиста (Нѣм. Civil-Liste или Франц. Liste civile).

Не малое число иностранныхъ словъ, или лучше сказать терминовъ, употреблено безъ поясненія, напр. аверсная сумма (с. 188 и 193). О значеніи сего слова можно догадаться только по слову aversum, встрѣчающемуся на страницѣ 187 и по приписанному на с. 193 Нѣм. слову Kesselgeld.

Бодмеря (с. 292).

Бонитированіе почвы (с. 29).

Бюрократическій (с. 246).

Дешифровать (с. 333).

Коллегіальный (с. 246).

Корпорация (с. 132).

Парцеллярный (с. 114).

Полисъ (с. 175).

Премія (с. 176).

Провизія (с. 273).

Прогрессивно (с. 178) и прогрессивный (с. 158).
Реализация (с. 45).

Рента (с. 275, значение впрочем явствует из
текста, сл. с. 295).

Нельзя не желать, чтобы Г. Горловъ, при вто-
ромъ изданіи своей Теоріи финансовъ, присовокупилъ
къ ней небольшой словотолкователь, который могъ
бы послужить основаніемъ словаря политическихъ
терминовъ, если не словаря Государственныхъ наукъ
вообще (для котораго у насъ еще не настало время).
Въ этотъ словотолкователь могли бы войти и слова
авторомъ въ самомъ текстѣ поясняемыя. напр. анти-
ципация (266), декларация (222), купонъ (295), тара
(221), товтина (281), *fin courant*, *fin prochain*, *fin*
courant à prime, *fin prochain à prime* (285), *au por-*
teur (289), и проч.

Употребленіе безъ перевода словъ *maximum* (с.
210), *minimum* (178), *criterium* (162), *a priori* (234),
et vice versa (168), *per mille* (78¹⁵) доказываетъ, что
авторъ писалъ для читателей не простыхъ, но выс-
шаго (университетскаго) образованія; впрочемъ и для
этихъ не худо было бы пояснить значеніе словъ *emtio*
speci, *nauticum foenus* (с. 292) и т. п.

Вмѣсто азартный и банкротство Г. Горловъ пи-
шетъ азардный и банкротство (с. 293 и 308), что

15) Почему не 1 съ тысячи или $\frac{1}{1000}$?

комечю правльнѣе; такимъ же образомъ онъ пишетъ и катастръ вм. кадастръ ¹⁶⁾.

Не малое достоинство разсматриваемой книги состоитъ въ томъ, что она написана языкомъ яснымъ и чистымъ; отступленія отъ общепринятыхъ правилъ такъ рѣдки, что ихъ исчислить не трудно; сюда принадлежатъ слѣдующія слова и обороты рѣчи:

«содѣйствіе маклеровъ обезопасиваетъ сдѣлки чрезъ вносъ договоровъ въ книгу» (с. 284).

«это суть предметы необходимости (с. 168).

«иногда правительство не только не будетъ въ состояніи уплатить долговъ, но еще займетъ новые» (с. 274).

«не принимали зеренъ для молонія» (с. 185).

Выраженія вообще благородны, почему при новомъ изданіи не худо было бы исключить, или замѣнить другими, слѣдующія:

«Противники косвеннаго обложенія проповѣдуютъ» (с. 166).

«Желудокъ не думаетъ о богатствѣ своего владѣльца» (с. 172).

«Контрабанда находится въ цвѣтущемъ состояніи» (с. 218).

«Меркантильное воззрѣніе лавочниковъ» (с. 48).

16) При первомъ, сколько мнѣ извѣстно, употребленіи сего слова въ Русскомъ сочиненіи, въ 1818 г. оно писано: кадастръ (сл. Опытъ теоріи налоговъ Н. Тургенева, с. 55).

Изъ фразъ: «Статистика служитъ термометромъ народнаго благосостоянія» (с. 8) и «Курсъ Государственныхъ бумагъ — есть политическій барометръ» (с. 265) послѣдняя конечно удачнѣе первой.

Къ чести типографіи Казанскаго университета остается здѣсь замѣтить, что въ сочиненіи Г. Горлова необыкновенно мало типографическихкихъ погрѣшностей. Къ опечаткамъ однако же, если не къ опискамъ автора, кажется должно причислить слѣдующія показанія:

- с. 276. Произнесенная Лафонтонъ въ Палатѣ Депутатовъ достопримѣчательная рѣчь, о погашеніи Государственныхъ долговъ, отнесена къ 1828 году. Въ энциклопедіи государственныхъ наукъ (Staats-Lexikon) Роттека и Велькера, откуда авторъ заимствовалъ представляемые имъ данныя (Т. I, на с. 527) говорится о рѣчи произнесенной «27 Февр. 1833 года.»
- с. 330. Временемъ, когда погасительный капиталъ въ Англіи получилъ прибавки 200,000 ф. ст. ежегодно и единовременно 400.000 ф. ст., показано 1798 годъ. Въ той же энциклопедіи (I, 534) это обстоятельство отнесено къ 1792 г.
- с. 335. Въ числѣ свидѣній, заимствованныхъ изъ сочиненія De l'amortissement, par A. de Gasparin et J. Reboul (Paris, 1834), о томъ, когда въ Французскихъ финансахъ чрезъ операцию погашенія образовался дефицитъ, для покры-

тія котораго дѣланы займы, — подѣ 1824 го-
домъ показаны слѣдующія числа, въ конхъ
должна заключаться погрѣшность:

Погасит. капит.	75.928,109
: Дефицитъ	33.919,780
Погасит. капит. занятъ вполнѣ	33.919,780

(или капиталъ занятъ частію, или же пога-
сительнаго капитала занято 75.928,109, т. е
сколько его было).

Слова *такій* (239, 276), *какій* (107), *купцевъ* (198),
простый акцизъ (87), не могутъ быть причислены къ
опечаткамъ.

Но отъ мѣлочныхъ замѣчаній о языкѣ, къ кото-
рымъ повело въ особенности желаніе условиться на
счетъ терминологіи политическихъ наукъ, т. е. опре-
дѣлить точное значеніе словъ употребляемыхъ въ
изложеніяхъ о дѣлахъ Государственныхъ, я обра-
щаюсь къ цѣлости разсматриваемаго сочиненія. По-
явленіе этой книги должно радовать каждаго истин-
наго патріота; она знакомитъ насъ съ пружинами
жизни государственной и, показывая обязанность под-
данныхъ удѣлять часть своего имущества на поддер-
жаніе общества — безъ коего человекъ небылъ бы
въ состояніи достигнуть своего назначенія, — вмѣ-
стѣ съ тѣмъ разсуждаетъ и о степени безвредности
и вліяніи на благосостояніе народа тѣхъ средствъ,
которыя правительство избираетъ для удовлетворе-
нія національныхъ нуждъ. Обращая Ваше, Милости-

вые Государя, вниманіе на важность такого сочиненія, я не могу не просить, чтобы Г. Горлову была назначена хотя второстепенная Демидовская награда, на получение которой онъ, по моему убъжденію, имѣть полное право.

П. Кенчкиъ.

РАЗВОРЪ

Сочиненія Ф. ШИМКЪВИЧА,

подъ заглавіемъ:

**КОРНЕСЛОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА, СРАВНЕННАГО
СО ВСѢМИ СЛАВЯНСКИМИ НАРѢЧІЯМИ И СЪ
ДВАДЦАТЮ ЧЕТЫРЬМА ИНОСТРАННЫМИ
ЯЗЫКАМИ,**

составленный

Г. Академикомъ ВОСТОКОВЫМЪ.

**Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго со
всѣми Славянскими нарѣчіями и съ двадцатью че-
тырьмя иностранными языками. Составленъ Фе-
доромъ Шимкѣвичемъ. Съ эпитафюмъ: ὅς ἐστί
τὰ ἀνόματα εἶδη, εἴσεται καὶ τὰ πράγματα. Πλάτων.**

Г. Шимкѣвичъ въ корнесловѣ своемъ предпри-
нять, — какъ изъясняется въ предисловіи, — «разо-
бравъ ткань Русскаго языка такъ сказать по ни-
тямъ, и отдѣливъ изъ ней чужеземную примѣсь,
отыскать первоначальную основу сего языка, и та-
кимъ образомъ опредѣлить количество сохранившаго-
ся въ немъ собственно Славянскаго запаса.» Въ кор-
несловѣ его разсматриваются коренныя слова Рус-
скаго языка, которыя, сами ли по себѣ, или при по-
средствѣ своихъ производныхъ, сохранились въ упо-
требленіи до нашего времени. Это ограниченіе стѣ-
няется до того, что слова иноязычныя, или принятая
изъ другихъ языковъ, не имѣютъ мѣста въ корнесло-
вѣ. При многихъ словахъ присоединены примѣчанія

которыя, по своему содержанию, даютъ корнеслову видъ критическаго изслѣдованія о Русскомъ языкѣ. Составитель корнеслова сличалъ Русскія слова со словами всѣхъ другихъ Славянскихъ нарѣчій и языковъ Европейскихъ, а также съ Санскритскими, Персидскими, Армянскими, и пр. Обильностью и удовлетворительностью указаній въ этомъ отношеніи онъ далеко превзошелъ словарь Г. Рейфа, съ коимъ непрерывно сравниваетъ трудъ свой. Правила, принятыя имъ въ руководство при составленіи Корнеслова, изложены въ XII пунктахъ. Они основаны на началахъ здравой этимологій, и ведутъ къ дѣльнымъ заключеніямъ. Цѣль, какую предположилъ себѣ сочинитель, — опредѣлить количество сохранившагося въ Русскомъ языкѣ собственно Славянскаго запаса, — имъ вообще достигнута, и въ этомъ отношеніи трудъ Г. Шинквича послужитъ конечно полезнымъ руководствомъ для будущихъ изслѣдователей языка и словопроизводителей. Конечно не всѣ словопроизводства сего корнеслова кажутся удачными, и запасъ словъ, вошедшихъ въ сіе собраніе можетъ быть въ разныхъ мѣстахъ дополненъ; но за всѣмъ тѣмъ корнесловъ Г. Шинквича долженъ быть признанъ лучшимъ по этой части сочиненіемъ на Русскомъ языкѣ, и по сему я полагаю, что на основаніи статьи VII пункта 6 положенія о наградахъ, учрежденныхъ Коммергеромъ Демидовымъ, оный заслуживаетъ половинной преміи.

Присовокуплю нѣкоторыя замѣчанія мои на трудъ Г. Шмидтъвича, которыми авторъ можетъ воспользоваться, ежели найдетъ ихъ уважительными.

Предисл. стр. XIX. Сомнительно, чтобъ въ Греческомъ словѣ *νεφέλη* слогъ *νε* былъ приставкою отрицательною, и чтобъ слово сие производило отъ глаг. *φαίνω*, свѣтитъ. Вѣрнѣе, что *νεφέλη*, *νεφός*, *νεβесъ*, *nebula*, *Nebei* и небо однокоренны, и корень въ нихъ *неб. неф.*

Ч. 1, стр. 1. При словѣ *аинецъ* приведены слова другихъ нарѣчій *jagnich*, *jagne*, и пр., но забыто Русское *аиненокъ*, *аина*, которое должно бы быть подъ тѣмъ же корнемъ поставлено.

Стр. 7. Подъ словомъ *баня*, приведши Итальянское *bagno*, Французское *bain*, надлежало бы привести и Латинское *balneum* и Нѣмецкое *Bad*, *baden*, которыя хотя звукомъ и отделились отъ *баня*, но очевидно съ онымъ сродны.

Стр. 25. Прилагательное *богатый* пропущено. Хотя и можно оное полагать производнымъ отъ *Богъ*, но надлежало бы ввести оное въ Корнесловъ какъ производное, отдалившееся довольно далеко значеніемъ отъ своего корня. Тутъ же можно бы привести *убой* и *небой*, означающіе лишеніе.

Стр. 55. Глаголь *обидѣть* производитъ авторъ отъ *бѣда*. Но я болѣе согласенъ съ Рейфомъ, что оный происходитъ отъ *видѣть*, вмѣстѣ съ глаголами

завидѣть и *ненавидѣть*. *Обидѣть*, вмѣсто *обзидѣть*, значило первоначально презирать, необращать вниманія на кого.

Стр. 59. Подъ глаголомъ *варяти* приведено протон. Владимірское: *варовій*, скорѣе. Но это слово должно писать *воровій*. Оно происходитъ отъ корня *воръ*, вмѣстѣ съ нарѣчіемъ *ворово*, прилагательнымъ *проворный*, и друг.

Стр. 91. Слово *второй* есть по моему мнѣнію, производное, а не коренное, какъ полагаетъ авторъ. Оно могло произойти отъ *двусторый*, Греч. *δευτερος*.

Стр. 93. Виндское *vup* и Краинское *von* принадлежатъ къ корню *вы*, а скорѣе къ корню *вошь*, *виль*, который пропущенъ въ корнесловѣ. Въ Виндскомъ и Краинскомъ предлогъ *вы* не употребляется, а всѣ прочія нарѣчія Славянскія, кои употребляютъ *вы*, и именно Польское, Богемское, Словацкое, оба Лужатскія и Люнебургское, принадлежатъ къ западному племени. Украинское и Литовско-Русское суть нарѣчія Русскаго языка, который одинъ только изъ восточнаго племени употребляетъ *вы*. Это потому, можетъ быть, что Русскій народъ составляетъ нѣкоторымъ образомъ средиву между восточнымъ и западнымъ племенемъ.

Стр. 100. *предвѣщать* конечно принадлежитъ къ корню *вѣтитъ*, но *повѣсть* должно отнести къ корню *вѣдать*, ибо оно непосредственно произведено отъ *повѣдать*.

Стр. 104. Послѣ слова *гадѣ* надлежало бы привести

производныя отъ онаго *гадитъ, гадкій*, и пр. когда уже приведены Серб. Слав. *гадъ*, отвращеніе, и Босн. Рагуз. *gad*. нечистота.

Стр. 110. Ежели Словацкое *hibnut's wogzket* значить тоже что Богѣмское *hpaui* в *wogzket*, то есть, маршировать, въ походъ идти, то оно не принадлежитъ къ глаголу *ибнуть*, а къ глаголу *гнуть, гибать*.

Стр. 168. *Дикій* конечно происходитъ отъ *дивій*, но не измѣненіемъ буквы *в* на *к*, а выпускомъ буквы *в* передъ *к*. Изъ *дивій* сдѣлано было *дивокій*, и можетъ быть *дивкій*, которое уже обратилось въ *дикій*. Что касается до производства словъ *дивій* и *дикій* отъ глагола *дѣти*, говорить, существующаго въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Словенскихъ, то это мнѣ кажется сомнительнымъ. *Дѣти*, *djti*, сокращено изъ *дѣяти*.

Стр. 179. *Подражать* произведено отъ *дорога*. Но я думаю, что подражать однокоренно съ глаголомъ *дразнить*, ибо въ церковнословенскомъ *подражати кого* значить дразнить кого. Отъ тогоже корня *раздражать*, т. е. раздраживать.

Стр. 183. Подъ словомъ *другій* приведены Латышское *draugs* - другъ, и Литовское *draugas* - товарищъ; но забыты Русское и церковное *другъ*, которое конечно къ тому же корню относится.

Стр. 187. При словѣ *дурной* не показаны однокоренные съ онымъ *дурь, дуракъ* и пр.

Стр. 214. *Жаръ* произведено отъ *жрети*, принести жертву. Но я бы произвелъ оное отъ *гореть, гарь*.

Стр. 249. *Каша* показано во 2 значенія названіе растенія *achillea millefolium*. Но это растеніе называется *кашка*, а не *каша*. При семъ случаѣ замѣчу, что сочинитель не рѣдко смѣшиваетъ такимъ образомъ слова, хотя отъ одного корня произведенныя, но различающіяся какъ значеніемъ, такъ и окончаніемъ, напр. *Баба, бабка, бабочка* и пр., *Господинъ* и *Господь*.

Стр. 297. Отъ неупотребительнаго слова *корякъ* произведено *корячиться*, но прежде бы надобно было привести гл. дѣйствит. *корячить* или *корячитьъ*, который пропущенъ. Ежели къ сему же корню отнесемъ слова другихъ нарѣчій *krok, kрак, kрака*, и пр., то можно бы было тутъ же привести и Русское *окорокъ*, которое несомнѣнно происходитъ отъ *кракъ* или *крокъ*.

Стр. 391. Подъ словомъ *мужъ*, приведены изъ другихъ языковъ слова: Санскр. *мануджа*, Валах. *моашъ*, дѣдъ, и Молд. *мошъ*, дядя. Но ближе было бы привести Лат. *mas*, Нѣм. *Мани* и *Менсф*.

Стр. 398. Отъ *мъхъ* произведено *мъшкать*, кажется безъ основанія — *мъшкать* въ Русскій языкъ вошло съ Польскаго, въ коемъ оно имѣетъ пространнѣйшее значеніе: пребывать, жить гдѣ; и вѣроятно корень его есть *мъсто*.

Стр. 405. Въмѣсто неупотребительнаго глагола *нзать* или *нзить* надлежало бы поставить *нзти* или *нзтии*, въ наст. *нзу*, *нзеши*, различія VII, такъ какъ *везу, везти, отверзу, отверзти*. Ибо такова была форма этого глагола въ старинномъ языкѣ. Сіе дока-

зывается примѣрами изъ церковныхъ книгъ *вонзе*, *вонзоша*, *унзе*, а не *вонзи*, *вонзиша*, *унзи*, и пр. и изъ Правды Русской: *вынезь*, *вынезеть*, а не *вынезивь*, *вынезить*.

Ч. 2. стр. 16. *Оскомина* безъ сомнѣнiя не есть коренное слово, а должно быть отнесено къ корню *скома* или *скомь*, отъ коего происходитъ и глаг. *скомльть*, и Богем. *skoma*, и Краин. *skominast*, и пр.

Стр. 21. Отъ корня *пакій* должны происходить также нарѣчiя *паки* и *паче*. *Пакій* означало вѣроятно противоположный, противный, ибо существительное *пакость* въ церковномъ языкѣ значило противность, пошѣха

Стр. 70. *Плащъ* ближе производить отъ *плать*, *платье*, нежели отъ *пласта*.

Стр. 135. Сомнительно, чтобы *скарбъ* и *скорбь* отъ одного корня происходили.

Стр. 250. Глаголь *сумльваться* произведенъ отъ *умь*? Но я думаю, что вѣрнѣе произвести оный отъ *мльти*. *Су* есть предлогъ, замѣняемый и предлогомъ *со*: *сомнѣваться*, *сомнѣнiе*, *сомнительно*, и пр.

Стр. 252. Приведенный Рейфомъ глаголь *повать*, *пъвати* дѣйствительно былъ употребителенъ въ старинномъ церковномъ языкѣ, и очень вѣроятно, что онъ происходитъ отъ одного корня съ Польскимъ и Богемскимъ *rewny*.

Стр. 283. *Цловать* и *цльмй* поставлены особыми корнями. Но я думаю, что *цловать* можно произве-

сти отъ *цѣлѣй*, ежели взять въ разсужденіе значеніе сихъ словъ въ Церковнословенскомъ языкѣ. *Цѣлѣй* значило здоровый, неповрежденный, а *цѣлосами*, привѣтствовать, изъявлять желаніе добра, т. е. желать цѣлости кому.

Стр. 319. Чтобы произвести глаг. *ходимъ* и прошедшее время глагола *идти*: *шелъ, шла, шло*, не нужно прибѣгать къ неупотребительному и небывалому глаголу *шеду, шести*. Отъ неправильнаго глагола *идти, иду*, произведено прошедшее *шелъ* вмѣсто *шелъ*, и дѣпричастіе *шедъ* вмѣсто *шедъ*, а отъ сихъ уже производный глаголь *ходить*.

Производство слова *щастіе* отъ *шеду* также нѣтъ кажется неудачнымъ. Ближе производить оное отъ *часть*; ибо *счастіе* можетъ означать *участь, долю, часть*.

А. Востоковъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ С. СМАРАГДОВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

**РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ СРЕДНЕЙ ИСТО-
РИИ ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,**

СОСТАВЛЕННІЙ

ДОКТОРОМЪ Ф. ЛОРЕНЦОМЪ.

**РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНИЮ СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ ДЛЯ
СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, СОЧИНЕННОЕ С. СМА-
РАГДОВЫМЪ. САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1841. VIII и 408
СТРАН.**

Das vorliegende Werk schliesst sich unmittelbar an das Handbuch der alten Geschichte an, das die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften bei ihrer letzten Zuerkennung der Demidow'schen Preise einer ehrenvollen Erwähnung gewürdigt hat. Wie dieses, zum Leitfaden für den Geschichtsunterricht in den mittleren Lehranstalten bestimmt, macht es keine andern Ansprüche, als in einer seinem Zwecke entsprechenden Auswahl und Anordnung aus der Geschichte des Mittelalters dasjenige zusammenzustellen, was dem Bildungszustande und dem Verständniss der Schüler, denen es in die Hände gegeben werden soll, angemessen ist. Mit richtigem Takt hat der Verfasser die mittlere Geschichte weder so vollständig noch so ausführlich behandelt, wie die alte Geschichte. Denn der

Geist des Schülers ist noch nicht reif genug, um die reiche und bunte Welt des Mittelalters in ihren mannigfaltigen Richtungen, in ihren abstracten Gegensätzen und in ihren oft grotesken Erscheinungen richtig aufzufassen, und die Aufgabe der Schule so wie eines für dieselbe ausgearbeiteten Lehrbuches kann nur darin bestehen, ihn durch Bekanntmachung mit den Hauptthatsachen und mit den Hauptformen des mittelalterigen Lebens auf ein späteres und genaueres Studium würdig vorzubereiten. Die Beschränkung, die sich der Verfasser freiwillig auferlegt hat, verdient daher um so mehr Lob, je grösser die Versuchung ist über die gezogenen Schranken hinauszugehen. Nicht zu billigen ist jedoch die gänzliche Ausschliessung der Russischen Geschichte aus dem vorliegenden Lehrbuche, und sie lässt sich weder durch die Hinweisung auf den Umstand, dass dieselbe ein besonderer Lehrgegenstand der Schule ist, noch durch die im zweiten Paragraphe der Einleitung angegebenen Gründe rechtfertigen. Wie sonderbar und befremdlich muss es dem Russischen Schüler vorkommen, dass seinem Vaterlande in der Weltgeschichte nicht der geringste Platz gegönnt werden soll? Je genauer er in besonderen Unterrichtsstunden mit der Specialgeschichte seines Vaterlandes bekannt gemacht wird, desto begieriger wird er seyn, wissen zu wollen, welche Stellung seine Nation in der allgemeinen Geschichte einnimmt und wie der Gang ihrer Entwicke-

lung mit andern Weltbegebenheiten zusammenhängt. Ueberhaupt bedarf die ganze Construction des Buches, um wirklich empfehlenswerth zu seyn, einer Umgestaltung. Bei jeder guten Anordnung historischer Thatsachen ist und bleibt es Grundgesetz, dass das Verhältniss von Ursache und Wirkung beobachtet und dass keine Erscheinung eher eingeführt werde, als bis sie, wie in der Wirklichkeit, so auch in der Darstellung gehörig vorbereitet ist. Der Verfasser hat aber, indem er mehr als ein Hysteron-Proteron in sein Werk aufgenommen hat, diese Grundregel auf die auffallendste Weise verletzt. So, um nur ein Beispiel anzuführen, wird S. 82 die Geschichte der Eroberung Spaniens durch die Araber und sogar die Festsetzung der im Orient gestürzten Omaiadischen Dynastie auf der Pyrenäischen Halbinsel erzählt, während der Schüler noch nicht weiss, wie die Araber nach Spanien haben kommen können, und noch weniger, wer die Ommaiaden und Abbassiden sind; denn erst von Seite 106 an wird die Geschichte der Araber von ihren Anfängen an vorgetragen. Ein solches Verfahren ist um so unnatürlicher, je weniger sich irgend eine begründete Ursache denken lässt, die den Verfasser veranlasst haben kann, seinen Stoff grade so zu vertheilen und zu ordnen, wie er es gethan hat, und es bleibt in dieser Beziehung nichts anderes übrig, als ihm den Rath zu geben, er möge bei Gelegenheit einer zweiten Auflage das ganze Gebäude

einreißen, um es nach einem verständigeren Plane und auf besseren Grundlagen wieder aufzubauen. Auch würde der Verfasser gut thun, alsdann sein Material noch einmal genau zu untersuchen; denn er wird manches finden, was verworfen und durch Besseres ersetzt zu werden verdient. Genauigkeit und Richtigkeit der Thatsachen und Angaben ist grade das Hauptverdienst solcher Bücher, wie das vorliegende, und es ist daher um so mehr zu bedauern, dass der Verfasser dieselben oft vermissen lässt. Es scheint ihm in der Geschichte des Mittelalters die Sachkenntnis zu fehlen, die wir an seiner Geschichte des Alterthums mit gutem Gewissen rühmen konnten. So nennt und charakterisirt Hr. Smaragdow die Quellen der Geschichte, ohne sie gesehen, geschweige denn gelesen zu haben, woraus Versuchen entspringen, die eben soviel Unwissenheit als Gedankenlosigkeit verrathen. Bei Anführung der Quellen der Ostgothischen Geschichte heisst es S. 46: Древнѣйшій писатель Исторіи Готовъ есть Jordanes или Jornandes, жившій въ половинѣ VI вѣка: De Gothorum origine et rebus gestis. Это сочиненіе дошло до насъ въ сокращеніи, сдѣланномъ Кассіодоромъ. Grade das Umgekehrte ist wahr: Cassiodor, der schon der Zeit nach älter ist, als Jornandes, hat eine ausführliche Geschichte der Gothen in zwölf Büchern geschrieben, woraus Jornandes, wie er selbst in der Vorrede an den Costalius deutlich zu verstehen giebt,

einen Auszug gemacht hat. Nicht minder seltsam und gedankenlos ist, was man S. 132 über die Quellen der Französischen Geschichte liest: *Лѣтописи и мѣсяцеры собраны Андр. и Фр. Дюшеням: Historiae Francorum scriptores coetanei* (Paris. 1636), что составляетъ продолженіе известнаго сборника Букета. Wenn ich diese Stelle recht verstehe, so betrachtet der Verfasser die Sammlung der beiden Duchesne als eine Fortsetzung des von dem M. Bouquet redigirten Recueil, während dieses bekanntlich viel später und nach einem ganz andern Plane begonnen wurde und noch heutzutage, wo so eben wieder ein von dem verstorbenen Daunou und von Naudet redigirter Band erschienen ist, fortgesetzt wird. Ueberhaupt sieht man ganz deutlich, dass der Verfasser die wenigsten der von ihm angeführten Bücher aus eigener Anschauung kennt, und ich habe mich überzeugt, dass er selbst specielle Citate Andern nachgeschrieben hat, ohne das citirte Werk je in Händen gehabt zu haben. Bei einer so oberflächlichen und flüchtigen Art zu arbeiten, darf es uns auch nicht wundern, eine Menge solcher Ungenauigkeiten zu finden, wie S. 26, wo der Verfasser den Westgothischen König Alarich II, nach dessen Besiegung in der Schlacht bei Vouglé den Franken Gallien abtreten lässt, obgleich er, wie er an einer andern Stelle zeigt, sehr gut weiss, dass Alarich in der Schlacht selbst den Tod gefunden hat, — wie S. 43, wo Constantinopel unter den

•

von den Aposteln gestifteten Kirchen aufgezählt wird, wie S. 174, wo sich eine ganz solche Darstellung von der ersten Zeit der Regierung Alfreds des Grossen findet. Dessen ungeachtet hat das vorliegende Werk vor dem bisher in den mittlern Lehranstalten gebrauchten Handbuche Kaidanow's so viele und so unbestrittene Vorzüge, dass es als eine nützliche Arbeit der Aufmerksamkeit der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften empfohlen zu werden verdient. Meiner Ansicht nach wäre es ganz im Geiste der Demidow'schen Stiftung, wenn die Kaiserl. Akademie der Wissenschaften den Bestrebungen des Hrn. Smaragdow durch Ertheilung eines halben Preises ihre Anerkennung zu Theil werden liesse; er würde darin eine Ermunterung zur Fortsetzung seiner Studien und eine Verpflichtung finden, sein Buch bei einer zweiten Auflage umzugestalten und von allen Fehlern zu reinigen.

Dr. Friedrich Lorentz.

РАЗВОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

КОРН. ГОРН. ИНЖ. ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА АНОСОВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

О БУЛАТАХЪ,

СОСТАВЛЕННІЯ

АКАДЕМИКАМИ А. КУПФЕРОМЪ И Б. ЯКОБИ.

Wir eilen noch vor dem diesjährigen Schlusse der Demidow'schen Preisbewerbung die Aufmerksamkeit der Akademie auf eine Schrift zu lenken, welche uns von grosser praktischer Wichtigkeit zu seyn scheint. Wir meinen die (im Bergjournal) erschienene Schrift des Herrn General-Major Anossow, über die Bereitung des Bulatstahls.

О Булатахъ, сочинение Корп. Г. Инж. Генералъ-Майора Аносова, содержащее описаніе опытовъ, предпринятыхъ для полученія булатовъ; понятіе, приобрѣтенное изъ сихъ опытовъ о различіи булатовъ отъ стали, и открытіе самыхъ способовъ приготовленія ихъ. Въ двухъ книгахъ С. П. 1841.

Es ist Herrn Anossow gelungen, einen Stahl zu bereiten, der alle Eigenschaften des so hoch geschätzten asiatischen Stahls besitzt, und in der That alle Stahlarten Europa's übertrifft. Wir haben Proben davon unter den Händen gehabt, die ungehärtet über-

aus weich und biegsam waren, und gehärtet den besten englischen Stahl an Härte weit übertrafen. Wenn in der Anossow'schen Schrift angegeben wäre, wie man, ohne fehlzuschlagen, diesen Stahl bereiten könne, so würden wir keinen Anstand nehmen, diese Entdeckung für eine der nützlichsten Bereicherungen der Industrie, und insbesondere der vaterländischen, zu erklären. Nun aber findet man in der Schrift so wenig Bestimmtes über die Bereitungsart dieses Stahls, dass man glauben muss, Herr v. Anossow behalte sich entweder das Geheimniss der Bereitung vor, oder ihm selbst gelinge es nur zuweilen und zufällig, solchen Stahl zu bereiten. Die Schrift des Herrn v. Anossow enthält nicht alle Elemente, auf die eine gediegene Beurtheilung seiner Entdeckung gegründet werden müsste: wir können die Wichtigkeit seiner Erfindung nur nach den Stahlproben, die er uns geliefert hat, beurtheilen, und wir müssen gestehen, dass es uns als ein Verstoss gegen den Zweck der Demidow'schen Stiftung erscheinen würde, wenn die Akademie eine öffentliche Geldbelohnung einer Erfindung anerkennen würde, welche nicht für Jedermann zugänglich gemacht worden ist, und in welcher es nicht gewiss ist, ob nicht der Erfinder sich einen Theil des Geheimnisses vorbehalten hat. Deswegen ist die Schrift des Herrn v. Anossow gewiss der ehrenvollsten Anerkennung werth, und wir sind überzeugt, dass man der Akademie einen

Vorwurf daraus machen könnte, wenn sie eine so wichtige Schrift in ihrem Berichte mit Stillschweigen überginge. Wir stimmen also nur für eine ehrenvolle Erwähnung der Anossow'schen Schrift in dem Bericht der Akademie, weil wir glauben, dass es der Regierung überlassen bleiben muss, eine so wichtige Erfindung angemessen zu belohnen, sobald der Erfinder sein Geheimniss der öffentlichen Benutzung Preis gegeben hat: wir glauben dies um so mehr, weil in der That die Mittel, die die Demidow'sche Stiftung zu unserer Disposition gestellt hat, dazu zu geringe sind.

Es wäre überflüssig hier die einzelnen Kapitel, aus denen die Schrift des Herrn v. Anossow besteht, aufzuzählen: wir wollen uns damit begnügen, den allgemeinen Gang seiner Untersuchung anzudeuten.

Herr v. Anossow meint, dass der Vorzug des Bulats vor den übrigen Stahlorten daher komme, weil er reiner ist, mehr Kohle enthält, und besser krystallisirt; der letztere Umstand bringt die Zeichnungen hervor, an denen der Bulat zu erkennen ist, und deren Verschiedenheit zugleich ein Mittel an die Hand giebt, denselben zu sortiren. Um guten Bulat zu bereiten, müssen also vor allen Dingen das Eisen und die Kohle, aus denen er besteht, sehr rein seyn, und man muss dafür sorgen, dass beim Schmelzen keine fremden Substanzen hinein kommen. Herr Anossow meint, dass die Beimischung von andern

aus weich und biegsam waren, und gehärtet den besten englischen Stahl an Härte weit übertrafen. Wenn in der Anossow'schen Schrift angegeben wäre, wie man, ohne fehlzuschlagen, diesen Stahl bereiten könne, so würden wir keinen Anstand nehmen, diese Entdeckung für eine der nützlichsten Bereicherungen der Industrie, und insbesondere der vaterländischen, zu erklären. Nun aber findet man in der Schrift so wenig Bestimmtes über die Bereitungsart dieses Stahls, dass man glauben muss, Herr v. Anossow behalte sich entweder das Geheimniss der Bereitung vor, oder ihm selbst gelinge es nur zuweilen und zufällig, solchen Stahl zu bereiten. Die Schrift des Herrn v. Anossow enthält nicht alle Elemente, auf die eine gediegene Beurtheilung seiner Entdeckung gegründet werden müsste: wir können die Wichtigkeit seiner Erfindung nur nach den Stahlproben, die er uns geliefert hat, beurtheilen, und wir müssen gestehen, dass es uns als ein Verstoss gegen den Zweck der Demidow'schen Stiftung erscheinen würde, wenn die Akademie eine öffentliche Geldbelohnung einer Erfindung anerkennen würde, welche nicht für Jedermann zugänglich gemacht worden ist, und in welcher es nicht gewiss ist, ob nicht der Erfinder sich einen Theil des Geheimnisses vorbehalten hat. Dessenungeachtet ist die Schrift des Herrn v. Anossow gewiss der ehrenvollsten Anerkennung werth, und wir sind überzeugt, dass man der Akademie einen

Vorwurf daraus machen könnte, wenn sie eine so wichtige Schrift in ihrem Berichte mit Stillschweigen überginge. Wir stimmen also nur für eine ehrenvolle Erwähnung der Anossow'schen Schrift in dem Bericht der Akademie, weil wir glauben, dass es der Regierung überlassen bleiben muss, eine so wichtige Erfindung angemessen zu belohnen, sobald der Erfinder sein Geheimniss der öffentlichen Benutzung Preis gegeben hat: wir glauben dies um so mehr, weil in der That die Mittel, die die Demidow'sche Stiftung zu unserer Disposition gestellt hat, dazu zu geringe sind.

Es wäre überflüssig hier die einzelnen Kapitel, aus denen die Schrift des Herrn v. Anossow besteht, aufzuzählen: wir wollen uns damit begnügen, den allgemeinen Gang seiner Untersuchung anzudeuten.

Herr v. Anossow meint, dass der Vorzug des Bulats vor den übrigen Stahlsorten daher komme, weil er reiner ist, mehr Kohle enthält, und besser krystallisirt; der letztere Umstand bringt die Zeichnungen hervor, an denen der Bulat zu erkennen ist, und deren Verschiedenheit zugleich ein Mittel an die Hand giebt, denselben zu sortiren. Um guten Bulat zu bereiten, müssen also vor allen Dingen das Eisen und die Kohle, aus denen er besteht, sehr rein seyn, und man muss dafür sorgen, dass beim Schmelzen keine fremden Substanzen hinein kommen. Herr Anossow meint, dass die Beimischung von andern

Metallen, die Faraday empfohlen hat, dem Stahl nur schaden, nie aber nützen könne. Wir müssen hier bemerken, dass der Anossow'sche Bulat indess nicht immer so rein ist, als man vielleicht bei seiner Bereitung beabsichtigt hat; namentlich hat Herr Ilimoff, Silicium und Kupfer darin gefunden. Das Eisen, welches man zur Bereitung des Bulats gebraucht, muss vorher mehrere Tage hindurch der Glühhitze ausgesetzt werden; es erhält durch diese Operation ein gleichmässigeres feineres Korn, d. h. es wird fähiger zum Krystallisiren gemacht.

Damit die Kohle recht rein sey, braucht Herr v. Anossow Graphit; er beschreibt mehrere Versuche, in welchen er verschiedene Sorten von Graphit angewendet hat, und entscheidet sich für den reinsten. Endlich muss man dem Bulat selbst die gehörige Zeit lassen zu krystallisiren, welches dadurch erreicht wird, dass man ihn sehr langsam erkalten lässt. Hr. v. Anossow zeigt auch, dass sich der Stahl bedeutend verbessert, wenn man ihn einige Tage der Glühhitze aussetzt (abbrennt). Zugleich theilt er die Zeichnung eines Ofens mit, in welchem man diese Operation vornehmen kann.

Was nun den von Hrn. v. Anossow bereiteten Bulat selbst betrifft, so ist er, wie wir schon oben gesagt haben, von vorzüglicher Güte; doch sind die verschiedenen Stücke in dieser Hinsicht sehr verschieden. Ein Stück Drath von etwa 2 Linien Dicke,

wurde vom Hrn. Mechanicus Girgensohn gehärtet, so hart, wie noch kein Stahl unter seinen Händen geworden ist, und er braucht ihn jetzt, um die stählernen Axen der Theodolite abzdrehen, wozu er bisher Diamanten brauchte. Ein Stab von 2 Fuss Länge, $1\frac{1}{2}$ Zoll Breite und $3\frac{1}{2}$ Linien Dicke, bei Herrn v. Anossow selbst gehärtet, zeigt einzelne sehr harte Stellen, andere aber sind ganz weich geblieben, so dass er eher die Eigenschaften eines Gemenges von Stahl und Eisen hat. Diese Stäbe haben eine Eigenschaft, die sie zur Verfertigung von Magnetstäben sehr geeignet macht; sie werden sehr stark magnetisch, und der Einfluss, den die Temperatur auf ihre magnetische Kraft ausübt, ist viel geringer, als bei andern Stahlarten, ja zuweilen negativ, d. h. ihre magnetische Kraft (wir sprechen hier natürlich nur von der bleibenden Kraft, welche immer wiederkehrt, wenn der Stab wieder dieselbe Temperatur angenommen hat) nimmt zu, wenn die Temperatur zunimmt. Diese Eigenschaft allein macht schon die Erfindung des Hrn. v. Anossow zu einer für die Wissenschaft sehr bedeutenden; Jeder, der sich mit magnetischen Beobachtungen abgibt, wird gewiss hierin mit uns übereinstimmen. Herr Girgensohn besitzt einen Stab von Anossow'schen Bulatstahl, der so weich ist, dass er sich wie Eisen biegen lässt; und dennoch wird er, bis zur kirschrothen Gluthhitze erhitzt und in Oel abgekühlt, so hart, dass er alle andere gehärteten

Stahlsorten und Glas mit der grössten Leichtigkeit ritzt.

Wir glauben, das Vorhergehende ist hinreichend, um zu zeigen, dass die Anossow'sche Erfindung zu einer der bedeutendsten Erscheinungen in der neueren Industrie gehört; dass aber von der andern Seite in der Schrift des Herrn v. Anossows eine Bereitungsmethode nicht explicirt genug angegeben ist, dass man sie nun als ein Gemeingut betrachten könnte, und wir denken, dass nur in diesem Fall ein Demidow'scher Preis zuerkannt werden kann. Wir glauben indess, dass seine Schrift eine sehr ehrenvolle Erwähnung im Berichte verdient, und dass seine Erfindung in einem hohen Grade zu denjenigen gehört, welche würdig sind, von der Regierung unmittelbar belohnt, und zum Gemeingut der Industrie gemacht zu werden.

A. Kupffer.

M. Jacobi.

РАЗВОРЪ

Сочиненія К. ЗЕДЕРГОЛЬМА,

подъ заглавіемъ:

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ,

составленный:

**Ординарнымъ Профессоромъ Философiи при
Университетѣ Св. Владимiра
Орестомъ Новицкимъ.**

Для подробнѣйшаго разсмотрѣнія этого сочиненія раздѣлимъ его на три отдѣла: 1) *введеніе*, 2) *Восточную Философію* и 3) *Философію Греческую*, сколько содержится ее въ 1-й части, именно отъ *Θα-леса* до *Сократа*.

I. *Введеніе*. Во введеніи разсматривается: а) основаніе Философій, б) Философія въ своемъ развитіи и в) Исторія Философій, какъ изображеніе этого развитія.

а) Въ первомъ изъ этихъ трехъ пунктовъ излагается: понятіе о Философій; отношеніе ея къ прочему вѣденію; ея цѣль, польза и необходимость; наконецъ, условія успѣха Философій и надежда на удовлетворительное рѣшеніе ея задачи въ будущемъ. — Отцѣпывать мѣтрою собственнаго нашего убѣжденія вѣрность или невѣрность каждой мысли, здѣсь предлагаемой, мы считаемъ совершенно излишнимъ; но не можемъ не замѣтить вообще, что установить въ Исто-

ріи Философіи общее понятіе о самой Философіи, — особенно когда Исторія Философіи представляется одна, безъ полной Философской системы, ее поясняющей, — весьма нужно и полезно: это понятіе даетъ и самому автору то начало, по которому онъ сознательно принимаетъ или не принимаетъ въ свою Исторію извѣстныя ученія, и съ другой стороны, показываетъ читателю, чего онъ долженъ искать въ Исторіи Философіи. Большая часть общихъ понятій о Философіи, здѣсь предлагаемыхъ, заимствована авторомъ изъ Шмидта, но заимствована не рабски, а усвоена имъ и передѣлана свободно.

б) Второй пунктъ: *Философія въ своемъ развитіи*, заключаетъ въ себѣ слѣдующія главные мысли: сверва разсматриваются законы постепеннаго развитія Философіи, и это суть — съ одной точки зрѣнія, связь, единство и цѣлость этого развитія, съ другой — его полярность и безразличность, съ третьей — организмъ; потомъ указывается на тѣ измѣненія, какимъ подвергаются законы развитія Философіи отъ человѣческой ограниченности и свободы; наконецъ объясняется отношеніе между обществомъ и Философіею въ ея историческомъ развитіи. И эти понятія весьма умѣстны во введеніи въ Исторію Философіи; но только между частнѣйшими понятіями о законахъ развитія Философіи, черта различія проведена не твердою рукою: что авторъ говоритъ о *Законѣ полярности и безразличія*, есть тоже, что онъ выше сказалъ о *связи въ Исторіи*

Философiи, — только въ другихъ словахъ, а понятiе *объ организмъ* развитiя Философiи не довольно объяснено; авторъ довольствуется здѣсь только общемою мыслию, что и Философiя въ своемъ развитiи должна быть организмомъ, какъ и вселенная есть совершенный организмъ.

в) Наконецъ, въ третьемъ главномъ пунктѣ введенiя: *Исторiи Философiи, какъ изображенiю постепеннаго ея развитiя*, рассматривается: отношенiе Исторiи Философiи къ самой Философiи и наукъ вообще; цѣль, выгода изученiя Исторiи Философiи и речательство за ея истинность; наконецъ, переходъ отъ введенiя въ Исторiю Философiи къ самой Исторiи Философiи, гдѣ излагаются: различныя философскiя воззрѣнiя; раздѣленiе Исторiи Философiи и исторiя Исторiи Философiи. Эти послѣднiе три момента, по нашему мнѣнiю, имѣютъ много недостатковъ; а именно:

Во первыхъ, въ изложенiи такъ называемыхъ здѣсь «различныхъ философскихъ воззрѣнiй» можно замѣтить слѣдующiе недостатки: *первый* недостатокъ: всю статью о философскихъ воззрѣнiяхъ (стр. 47 — 61) авторъ занялъ у Шмидта, сокративъ ее значительно. Но Шмидтъ не кончилъ этой статьи, а авторъ, съ своей стороны, или не замѣтилъ, или не позаботился восполнить недостатокъ этой статьи. Отсюда происходитъ, что между такъ называемыми субъективными

воззрѣніями не показаны многія направленія философствующей мысли, которыя однакожъ не только возможны но и даны уже опытно въ Исторіи Философіи; таковы напр. скептицизмъ, мистицизмъ, Философія чувства, вѣры и т. д. Второю недостаткомъ, еще болѣе значительный, тотъ, что статья о различныхъ воззрѣніяхъ философствующей мысли не имѣетъ надлежащей связи съ послѣдующимъ изложеніемъ философскихъ ученій. Представленныя здѣсь философскія воззрѣнія должны бы объяснять собою духъ и направленіе ученій, излагаемыхъ въ Исторіи Философіи, и съ другой стороны, должны бы и сами повѣряться и подтверждаться дальнѣйшимъ изложеніемъ. Но авторъ не сдѣлалъ ни того ни другаго, такъ что эта статья, позаимствованная у другихъ, или совершенно излишняя во введеніи въ Исторію Философіи, или если она нужна, то авторъ не воспользовался ею, какъ должно, не сдѣлалъ изъ нея надлежащаго употребленія.

Во вторыхъ, въ раздѣленіи Исторіи Философіи авторъ предлагаетъ слѣдующія разграниченія ея: всю Исторію Философіи онъ сперва раздѣляетъ на два періода: періодъ развитія себя самому представленнаго ума рода падшаго, и періодъ развитія ума рода испущеннаго. Первый періодъ онъ подраздѣляетъ на двѣ эпохи: на эпоху Философіи несвободно и неаутономно вытекающей изъ жизни, — это Философія восточ-

ная; и на эпоху Философій, истекающей изъ мышленія окрѣпшаго и свободнаго, — это Греческая Философія. Второй періодъ подраздѣляется на три эпохи: эпоху независимаго отношенія Философій къ откровенію, — это Схоластическая Философія отъ начала III-го до середины XV столѣтія по Р. Х.; на эпоху Философій самостоятельной, отъ отворенія, — это новая Философія отъ половины XV-го вѣка до нашего времени; наконецъ эпоху еще ожидаемую, когда Философія поставитъ себя въ настоящемъ отношеніи къ откровенію. Въ этомъ раздѣленіи, составленномъ по подражанію Марбаку, авторъ довольно близко подходитъ къ истинному понятію о разчлененіи содержанія Исторіи Философій; но не овладѣлъ этимъ понятіемъ потому, что неразъяснилъ для себя начала его. Авторъ весьма справедливо принимаетъ здѣсь во вниманіе отношеніе Философій къ религіи, но не объясняетъ этого отношенія въ его существенныхъ и непремѣнныхъ моментахъ. Отношеніе это именно бываетъ трехъ родовъ: или Философія развивается въ лонѣ религіи и остается въ возможномъ первоначальномъ согласіи съ нею; или развивается самостоятельно и нерѣдко противопоставляется ей; или наконецъ снова возвращается къ религіи, но уже свободно сливая свои результаты съ ея догмами. Философіи суждено развиваться въ лонѣ религіи языческой и Христіанской. Отсюда сначала двѣ эпохи Исторіи Философій, — Философія въ мірѣ языческомъ

и Философія въ міръ Христіанскомъ; а потомъ въ каждой эпохѣ по три періода: въ первой эпохѣ: періодъ Философій, развивающейся въ связи и согласіи съ языческою религіею, — Философія восточная; періодъ Философій, развивающейся свободно, независимо отъ религіи языческой же, — Философія собственно Греческая; и періодъ Философій, возвращающейся къ религіи, — Философія Филона, Гностиковъ, Александрійцевъ, какъ переплавка Грекофилософскихъ системъ и восточныхъ вѣрованій. Между тѣмъ авторъ опустилъ изъ виду глубокое различіе Синкретизма Александрійской Философій отъ самобытной Философій Греческой и поставилъ ихъ подъ одну категорію. Вторая эпоха, эпоха Философій развивающейся въ міръ Христіанскомъ, также должна представить намъ три періода: періодъ Философій, развивающейся въ лонѣ Христіанской религіи, — Философія Отцевъ Церкви и Схоластическая. Между тѣмъ авторъ всю Философію, отъ III-го вѣка до половины XV столѣтія называетъ однимъ именемъ Схоластической Философій, — что совершенно несообразно съ понятіемъ Схоластики. Второй періодъ — Философія, развивающаяся въ міръ Христіанскомъ самостоятельно, независимо отъ религіи откровенной, а третій еще ожидаемый періодъ свободнаго примиренія ея съ откровеніемъ. Раздѣленіе Христіанской Философій на три отдѣла предложено и авторомъ, но какъ бы случайно.

Въ третьихъ относительно литературы Исторіи

Философiи, взятой сокращенно изъ Марбаха, можно замѣтить, что авторъ не позаботился о дополненiи ея писателями Французскими. Онъ говоритъ только о Дежерандо и Абель-Ремюза, но не упоминаетъ напр. о Кузенѣ, Гиппо, Салини и Скорбiакѣ, Баршу-де-Пангоепѣ и проч. Съ другой стороны, авторъ не позаботился пополнить и Нѣмецкую литературу Исторiи Философiи указанiемъ тѣхъ сочиненiй, которыя появились между выходомъ въ свѣтъ руководства Марбаха и Исторiи самого автора, каковы напр. Исторiя Философiи Шлейермахера, изданная Риттеромъ, Исторiя Эдуар. Шмида, Фриза, Мишеле и проч. Гораздо значительнѣйшiй недостатокъ замѣтенъ еще въ *Исторiи Исторiи Философiи*. Здѣсь авторъ довольствуется только выпискою изъ Марбаха того, что самъ Марбахъ выписалъ изъ Гегеля о достоинствѣ нѣкоторыхъ сочиненiй по Исторiи Философiи. Но здѣсь вовсе не упоминается о достоинствѣ Французскихъ писателей Исторiи Философiи, какъ если бы ихъ и не было. Притомъ автору, писавшему свою Исторiю въ 1840 году, нужно было дать свое сужденiе и о тѣхъ Нѣмецкихъ писателяхъ, которые явились послѣ Гегеля, по крайней мѣрѣ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ: о Риттерѣ, Брандисѣ, Мишеле, Марбахѣ, и болѣе всего, о самомъ Гегелѣ.

II. *Восточная Философiя*. Здѣсь излагается въ главѣ I Индiйская Философiя, во II Буддизмъ, въ III

Китайская Философія, и нѣсколько словъ сказано о Японцахъ, въ IV главѣ Персидская Философія, и на концѣ упоминается о Скандинавахъ и Финнкіазахъ. Въ этой статьѣ замѣтны недостатки относительно *порядка* рассматриваемыхъ предметовъ, относительно ихъ *выбора* и наконецъ самаго ихъ *изложенія*.

а) *Порядка*. Порядокъ, въ какомъ одно ученіе излагается въ Исторіи Философіи за другинь, безъ сомнѣнія долженъ быть опредѣленъ какимъ нибудь разумнымъ началомъ, потому что долженъ выражать движеніе и развитіе мысли разумной по преимуществу. Но авторъ предлагаетъ намъ восточныя ученія въ совершенно случайной послѣдовательности. Онъ не указываетъ между ними послѣдовательности хронологической, которую впрочемъ едва ли и можно указать въ ученіяхъ востока. Ученія эти не представлены здѣсь и въ восходящемъ порядкѣ постепеннаго ихъ развитія, какъ надлежало бы ожидать, судя по самой Философіи, которой самая природа требуетъ поступанія, движенія впередъ. Здѣсь нѣтъ этого восходящаго порядка, потому что авторъ, начиная Философіею Индѣйскою, признаетъ ее вершиною всей вообще восточной Философіи, — хотя это прямо противѣрствуетъ *Закону органической связи*, который былъ высказанъ авторомъ выше (стр. 40), и по которому «Философія развивается сначала въ особннхъ воззрѣніяхъ и Философахъ, и потомъ уже достигаетъ своей

верцими въ системахъ.. въ какія наука сопрягаетъ эти особыя.» Наконецъ, здѣсь нѣтъ и нисходящаго порядка, который, кажется, допущенъ авторомъ на томъ основаніи, что паденіе человѣка совершалось постепенно, что человѣкъ только съ теченіемъ времени болѣе и болѣе удалялся отъ Бога, источника истины (стр. 77). Мы говоримъ: здѣсь нѣтъ и этого порядка, потому, что религіозное ученіе напр. Персидское, поставленное послѣ Философіи Китайской, не какъ нельзя назвать ученіемъ болѣе, чѣмъ это послѣднее, огрубѣвшимъ и помрачившимся; напротивъ Персидское ученіе представляетъ намъ самый величественный взглядъ на Бога, міръ, нравственныя обязанности человѣка и будущую судьбу вселенной, — взглядъ наиболѣе приближающійся къ истинной религіи, такъ что нѣкто (Payne Knight) по справедливости называлъ Персовъ *Иуританами* *язычества*. Да еслибы мы и допустили съ авторомъ это медленное и постепенное отпаденіе человѣка отъ Бога, а съ этимъ вмѣстѣ и постепенное оскудѣніе истины въ философирующей мысли человечества, то должны бы также допустить, что Философія Греческая, какъ плодъ человечества глубже павшаго, чѣмъ восточное, будетъ далеко ниже по своему достоинству всякой Философіи восточной, что въ самой Греческой Философіи познѣннѣйшія системы, напр. Сократа, Платона, Аристотеля, должны быть ниже по достоинству предшествовавшихъ имъ напр. Фалеса, Анаксимандра. Съ другой

стороны, нѣтъ никакого основанія думать, какъ до-
пускаетъ, кажется, авторъ, будто человечество на во-
стокъ, все болѣе и болѣе отпадавшее отъ Бога, въ
Гречии само собою начало ходъ обратный, начало при-
ближаться къ Богу и возстановлять свое падшее ра-
зумствіе; допустивъ такое самовозстановленіе человѣ-
ческаго рода, мы должны бы довести его до той же
степени, съ которой оно и пало, должны признать
возможность совершеннаго возстановленія падшаго че-
ловѣческаго рода собственными его силами, безъ осо-
бннаго участія Спасителя міра, — на что, безъ сом-
нѣнія, несогласится и самъ авторъ.

б) *Выборъ предметовъ.* Выборъ предметовъ для
Исторіи восточной Философіи неудаченъ, потому, что
сюда или внесены статьи ненужныя, излишнія, или
пропущены необходимыя. Авторъ предположилъ себѣ,
какъ и надлежало быть, рассмотреть именно Филосо-
фію, а не религію древне-восточную (см. раздѣленіе
стр. 64); между тѣмъ онъ разсматриваетъ и чисто-
религіозныя ученія, напр. Буддизмъ и Персидскую
религію. Правда Философія и религія на востокъ,
какъ и всѣ прочіе элементы человѣческаго духа, все-
на близко граничатъ между собою, однакожь черта
различія между ними должна быть и дѣйствительно
есть. Философію и религію вообще различаетъ и самъ
авторъ, хотя чертами слишкомъ неопредѣленными и
зыбкими (стр. 6 — 7). Если же автору почему либо

угодно было внести въ кругъ восточной Философіи Буддизмъ и религіозное ученіе Персовъ, то напрасно умолчать, онъ о другихъ, не менѣ важныхъ религіозныхъ ученіяхъ востока. И въ первыхъ, напрасно авторъ вовсе пропустилъ ученіе Египтянъ, — этотъ величественный эманативный пантеизмъ, ни въ чемъ веуступающій прочимъ языческимъ религіямъ древняго востока. Это таинственное ученіе Египетскихъ жрецовъ, конечно, еще неполнѣ объяснено учеными; однакожь оно уже раскрыто достаточно, какъ напр. у *Крейцера*, и особенно во Французскомъ переводѣ *его древнихъ религій*, съ поясненіями и дополненіями *T. Guigniaut*. Во вторыхъ, если авторъ обширно излагаетъ Буддизмъ, это Гетеродоксальное ученіе Индіи, то еще обширнѣе долженъ былъ изложить Брамизмъ, Ортодоксальную религію Индіи, ученіе Ведъ и другихъ священныхъ книгъ. Изложеніе этого ученія тѣмъ необходимѣе въ Исторіи Философіи Индѣйской, что эта Философія находится въ ближайшей, непосредственной связи съ Брамизмомъ, примыкаетъ къ нему своею исходною точкою и послѣднею цѣлію: Индѣйская Философія начинается религіозною гипотезою о довременномъ паденіи человѣческихъ душъ и, подобно религіи, изыскиваетъ средства въ освобожденію душъ отъ злополучій страствованія, не удовлетворившись средствами, предлагаемыми въ Ведахъ. Источникомъ для изложенія Брамизма есть довольно. Одинъ изъ лучшихъ, напр. *Болена: das alte Indien*.

в) *Изложение*. Касательно изложения восточной Философии мы не будем пересматривать каждую порознь главу. Можно сказать вообще, что въ некоторы изъ нихъ, напр. *Философія Китайская*, въ сокращенномъ видѣ извлеченная изъ Виндишмана (*die Philosophie im Fortgang der Weltgeschichte*. Bonn. 1 B.), составлена не дурно, — хотя Философія Китайцевъ и заслуживаетъ изложения обширнѣйшаго. Мы обратимъ свое вниманіе только на изложеніе Индѣйской Философіи, какъ самой главной на востокѣ.

Изложеніе Индѣйской Философіи у Г. Зедергольма *неблизко и неудовлетворительно*. Безпорядочно: вовсе не отличая Индѣйской Философіи отъ Индѣйской религіи, авторъ безпрестанно переходитъ въ своемъ изложеніи то къ той, то къ другой, такъ что наконецъ изъ всей первой главы нельзя почерпнуть чистаго познанія ни о религіи, ни о Философіи. Онъ сначала заговорилъ о Браманзмѣ и его формахъ (стр. 79), потомъ объ эпохахъ Индѣйской литературы (81), затѣмъ о философскихъ системахъ (82), далѣе опять о формахъ Индѣйской религіи (85), наконецъ снова принимается говорить о Философіи, хотя опять сбивается на религію (89). Уже и изъ этого открывается, что изложеніе Индѣйской Философіи у Зедергольма должно быть также *удовлетворительно*. И въ самомъ дѣлѣ, собственно о философскихъ системахъ Индіи онъ едва только упомянулъ на стр. 83 и 84, и то совершенно

обязательно. Говоря объ Индѣйской философской системѣ *Санкіа*, онъ замѣчаетъ, что авторъ ея есть *Капила*, что эта система его имѣетъ двѣ части: теистическую и атеистическую, что отъ сей системы произошли двѣ новыя школы — *Санкіа* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ и такъ называемая *Іога*. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, есть двѣ главныя школы *Санкіи*, которыя однакожъ не принадлежатъ одному лицу, *Капилѣ*; онъ былъ основателемъ одной *Санкіи* атеистической, которая и есть собственно *Санкіа*, или *Санкіа-Правачана*, а другая принадлежитъ мудрецу *Патанджали*, и по преимуществу называется *Іогою*, или *Jogas astra*. (Colebr. Essais sur la Philosophie des Hindous, trad. de l'anglais par Rauthier. p. 3 и 8). Какъ отрасль этой послѣдней есть еще *Пураника-Санкіа*. Слишкомъ произвольно также авторъ говоритъ (82) будто исторически можно принять главою Индѣйской Философіи *Віасу*, жившаго за XIV столѣтіемъ до Р. Х. *Віасу* во первыхъ нельзя назвать главою Индѣйской Философіи, когда Философія *Веданта*, ему приписываемая, есть одна изъ позднѣйшихъ системъ *Индіи*. Во вторыхъ не только *Віасу*, но и никакого Индѣйскаго философа нельзя относить за XIV вѣковъ до Р. Х., какъ это прекрасно объяснилъ въ Исторіи Философіи *Риттеръ* (*Geschichte der Phil.* 1. Th. S. 95—134). Все прочее, что авторъ выдаетъ за Индѣйскую Философію, вовсе не есть Философія. Съ 89 — 93 стр. онъ излагаетъ Индѣйскую Философію по *Упешкамани*. Но *Упешката*; это невр-

ное извлеченіе изъ Уванишадъ (см. Bohlen's das alte Indien. Th. 1. S. 134), не можетъ быть признавъ источникомъ не только Философій, но и религій Индѣйской; здѣсь перемѣшано то и другое. Отсюда перестрота изложенія и у Г. Зедергольма. Такъ на стр. 89 — 92 излагается ученіе о Богѣ и мирѣ браминское; на 94 стр. мысли объ отношеніи природы и души принадлежать Философій-Санкія Канхлы (см. Colebrooke Essais sur la Phil. des Hindous trad. par Pauthier p. 44). На 96 стр. идеаль добродѣтельнаго взятъ изъ мистической Философій Юга Патанджали; на 97 стр. о судьбѣ человѣческой души по смерти тѣла принадлежитъ Ведантѣ (Colebr. trad. par Pauthier p. 204). Далѣе съ 96—114, какъ вершину всей Философій Индѣйцевъ, авторъ излагаетъ ученіе о *Йогѣ*, и притомъ по Багават-Гитѣ (эпизоду поэмы махабараты). Но ученіе, такъ называемое *Йога*, основанное мудрецомъ Патанджаломъ, едвали можно назвать вершиною Индѣйской Философій. Но главное, что отрывокъ изъ поэмы никакъ не можетъ служить источникомъ для изложенія системы философской. Правда, что въ этомъ эпизодѣ есть много мыслей, взятыхъ изъ *Йоги*, именно мыслей нравственныхъ, — о безразличіи нашихъ дѣйствій, о квиетизмѣ духа: но самое основаніе теоретическое для этихъ выводовъ, именно та пантеистическая мысль, что одинъ Богъ есть все во всемъ, что кромѣ Его все призракъ, — принадлежитъ не *Йогѣ*, а взята или изъ Санкія-Пураники (т. е. мифологичес-

кой, извлечной изъ Пуранъ. *Pauthier* р. 9) или изъ одной изъ отраслей Веданты. Кратко, по свидѣтельству знатоковъ Индѣйской Философіи, эпизодъ Багавать-гита есть смѣсь различныхъ взглядовъ, собранныхъ потомъ изъ религій и философскихъ системъ и переплавленныхъ его фантазією. Главная ошибка автора въ томъ, что онъ почерпалъ Индѣйскую Философію не изъ надлежащаго источника. Онъ избралъ именно своимъ руководителемъ *Августа Шлегеля*, который занимался только чисто литературными произведеніями Санскритскими, и по всей вѣроятности не знакомъ былъ съ Философією Индѣйскою, — для которой единственно вѣрнымъ источникомъ есть Кольбрукъ. Но къ Кольбруку Г. Зедеггольмъ вовсе не обращался. Отъ того восточная Философія гораздо вѣрнѣе изложена у Архимандрита Гавріила, котораго руководителями были Скорбіакъ и Салини, почерпавшіе ее, хотя безъ большаго искусства, изъ Кольбрука. Да и вообще свѣдѣній о восточной Философіи болѣе можно найти у Французскихъ писателей, которыми однакожь вовсе не пользовался Зедеггольмъ, какъ Гавріилъ вовсе не пользовался писателями Нѣмецкими.

Во II главѣ, при изложеніи *Буддизма*, авторъ пользовался превосходнымъ источникомъ: сочиненіемъ Академика Шмидта, но пользовался имъ безъ особеннаго искусства. Цѣли сочиненій Г. Шмидта и Г. Зедеггольма были различны: первый имѣлъ въ виду изо-

браженіе Буддизма, просто какъ религіи и рассматри-
вать ее по вѣтъмъ направленіямъ, со вѣсти ея понятіи-
ни. Цель Зедергольма — Философія въ самой религіи, и
потому ему надлежало бы преимущественно обратить
вниманіе только на философскіе элементы Буддизма,
оставивъ въ тѣхъ стороннія понятія, — чего Г. Зедер-
гольмъ не сдѣлалъ. Отъ того мы находимъ великую
разницу въ изложеніи Буддизма у него и напр. у Бо-
лена, который однакожъ пользовался тѣмъ же самымъ
источникомъ что и Зедергольмъ, т. е. статью Ака-
деника Шмидта.

III. *Греческая Философія* (отъ Фалеса до Сократа).
Какъ изложеніе Философіи восточной, и особенно Ин-
дѣйской, есть самая слабая часть разбираемой нами
книги Г. Зедергольма, такъ изложеніе Греческой Фи-
лософіи, сколько ее содержится здѣсь, есть наиболее
обработанная часть. Она почти вездѣ написана вѣрно
и отчетливо; въ концѣ каждой статьи объ отдельной
философѣ авторъ вкратцѣ выражаетъ сущность его
ученія и объясняетъ, какой именно успѣхъ пріобрѣлъ
чрезъ него Философія. Но по изложенію этого одного
періода Исторіи Греческой Философіи трудно еще
окончательно судить о достоинствѣ всего сочиненія
автора, предположившаго написать всю Исторію древ-
ней Философіи; трудно потому, что эта часть Исто-
ріи Философіи, какъ Философіи еще на низшихъ сте-
пеняхъ развитія, есть самая легкая для изложенія,
исключая можетъ быть только Гераклита и отчасти

Пифагорѣецъ. Судить о достоинствѣ Историка Греческой Философіи надобно собственно по достоинству изложенія втораго, самаго цвѣтущаго періода Философіи Греческой. Съ другой стороны первый періодъ Греческой Философіи такъ обработанъ многими отличными писателями, что остается только съ умѣніемъ пользоваться ихъ трудами. И Г. Зедергольмъ такъ и сдѣлалъ. Онъ пользовался трудами Риттера, Гегеля, Зигварта, и особенно Марбаха. Изъ Гегеля авторъ замѣтываетъ не главное, — только то, что есть у него болѣе понятнаго, напр. объ источникахъ древней Греческой Философіи (стр. 159), общій взглядъ на Грецію (160), жизни нѣкоторыхъ философовъ, напр. Пифагора, нѣкоторыя примѣчанія къ философамъ, напр. къ Анаксагору (191—2). Въ предисловіи авторъ изъявляетъ сожалѣніе (X), что часто принужденъ противорѣчить величайшему философскому гению нашего времени, Гегелю. Но этихъ противорѣчій не много, да и тѣ касаются пунктовъ весьма неважныхъ. Напр. авторъ говоритъ (на 248 стр.) «непостижимо какимъ образомъ Гегель и Марбахъ оба перевели у Эпедокла слово *φύσις* природа, когда (по его мнѣнію) тутъ надобно употребить слово происхожденіе.» Или: авторъ извлекши изъ Гегеля, въ сокращенномъ видѣ, общій взглядъ на Софистовъ, потомъ вооружается противъ него за одно, послѣднее слово о Софистахъ, что они были «глубокіе мыслители» (waren tiefe Denker Heg. Vorles. üb. Gesch.

d. Philos. 2. V. S. 42), и пишетъ на это одно слово четыре страницы (277. 281), которыя достаточно можно бы было выразить слѣдующими словами: «мы познаемъ вещи глубже, — въ ихъ идеѣ, по мѣрѣ того, какъ живемъ въ Богѣ. Отъ того Софисты не могли быть мыслителями глубокими, такъ какъ они стояли на точкѣ эгоизма.» Гораздо чаще, и притомъ въ существенномъ, — въ изложеніи самаго ученія философовъ, авторъ пользуется Марбахомъ, не рѣдко переводя его дословно, но за то дополняя мыслями изъ Риттера и Зигварта. Такъ напр. изъ Марбаха выписано: начало Гераклита (177—8), Анаксагора (188—9), Диогенъ изъ Аполлоніи (197—9), Левциппъ и Демокритъ (202—3), часть ученія Пифагорейскаго, Мелисса, Зенона и проч.

Правда, заимствованій въ Исторіи Философіи почти невозможно избѣжать. и мы никогда не выставляли бы ихъ на видъ и въ разбираемомъ нами сочиненіи, если бы не имѣли въ виду особенной цѣли нашего разбора, — рѣшить оригинально ли оно, или неоригинально, и въ какой мѣрѣ. Причемъ справедливость требуетъ прибавить, что авторъ пользовался трудами другихъ съ умѣніемъ, дополняя и поясняя одни мѣста другими, хотя отсюда происходитъ иногда нѣкотораго рода неровность и пестрота изложенія.

Переходя въ разсматриваемой нами Исторіи Философіи Зедергольма, отъ мыслей къ словесному ихъ выраженію, можемъ замѣтить, что языкъ этого сочиненія, вообще говоря, легокъ, ямложесте лное, и по большей части чистое, хотя по мѣстамъ есть слова и обороты неудачные. Сюда относятся слова и обороты уже устарѣвшіе въ нашемъ языкѣ, напр. *во сколько, на столько*, — оборотъ любимый авторомъ и часто встрѣчающійся; *свято-татию* (стр. 9), *воздѣлать слогъ* (тамже) и проч.; слова и выраженія *неправильныя*, напр. *мировоззрѣніе громадное* (52), или «*предъ нимъ* (Апаксименомъ) *мелькало отъраженіе днхсанія* (175); наконецъ сюда изобрѣтаемыя авторомъ; напр. *Богостатіе* (113); *тустаронное, стустаронное* (160 *das Grüben, das Hier*); *обозрительный взглядъ* (241); *поняме-опредѣленіе* (243); *ататіе* (Werden) и проч.

Нельзя также не показать, что изданіе Исторіи Философіи Г. Зедергольма обезображено многими опечатками, особенно въ собственныхъ именахъ и Греческихъ словахъ, что можетъ вводить въ заблужденіе неопытнаго; такъ напр. *Клюбуль*, вмѣсто Клеобуль (164), *Сигвардъ* вм. Сигварль (171), *элатическая школа* вмѣсто элеатическая (166), *έβλα*, вм. *εβλα* (173) *εῦδει* вм. *εἶδει* (167), *πάντα πλὴν θεῶς*, вм. *πάντα πλὴν θεῶν* (175) и т. д.

Но довольно о погрѣшностяхъ и недостаткахъ разсматриваемаго нами сочиненія. «*Посредствени, г-го*» рить авторъ, словами Аристотеля: «*соединъ, соединя-*

ств, — неоредниками, а не противниками должны быть
ты, которые берутся удовлетворительно судить объ
истинѣ.» Впрочемъ, не снисхожденіе только, но и
справедливость должна говорить въ пользу Г. Зедер-
гольца.

Если мы взглянемъ съ одной стороны достоинства
Исторіи Философіи Зедергольца, — которыя указаны
нами въ общихъ чертахъ, какъ общія всему сочине-
нію, — и съ другой стороны, его недостатки, изло-
женные въ частности, какъ частныя, встрѣчающіеся
только по мѣстамъ, то найдемъ, что достоинства въ
разбираемомъ нами сочиненіи гораздо больше, неже-
ли недостатковъ, что по этому авторъ, во всей спра-
ведливости, заслуживаетъ поощренія къ продолженію
его полезнаго труда на томъ поприщѣ, на которомъ
у насъ такъ мало дѣятелей, и что часть труда имъ
уже омонченнаго, часть сочиненія наша разсмотрѣ-
вая, безъ сомнѣнія заслуживаетъ награды. Остается
рѣшить въ какой мѣрѣ?

Оригинальность сочиненій (какой требуется VI
пунктомъ положенія о наградахъ) можетъ быть по-
нимаема въ болѣе или менѣе строгомъ смыслѣ.

Въ строгомъ смыслѣ *оригинальнымъ* можно из-
вать только такое сочиненіе по Исторіи Философіи,
въ которомъ авторъ, самостоятельно разработавъ всѣ
источники ея, открылъ по своимъ новыя, еще неуказан-
ныя ею предшественниками стороны своего предмета.

пронять на них свѣтъ самостоятельнаго сужденія и привелъ все въ гармоническое цѣлое по собственному плану: таковы по Исторіи Философій сочиненія напр. Бруккера, Теннсмана, Риттера, Гегеля и проч. Къ разряду такого рода оригинальныхъ Исторій Философій вовсе нельзя причислить сочиненія Зедергольма; съ тѣмъ согласенъ и самъ авторъ. (стр. 71).

Но въ менѣе строгомъ смыслѣ можно признать оригинальнымъ сочиненіе по Исторіи Философій и въ томъ случаѣ, если авторъ, пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, не рабски и безотчетно списывалъ ихъ, а выбиралъ то, что по собственному, зрѣлому сужденію его казалось болѣе важнымъ и достовернымъ, если заимствованное самъ передумалъ и усвоилъ себѣ, если дополнилъ чужое собственными соображеніями и если наконецъ все это изложилъ по собственному плану. Въ такомъ второстепенномъ смыслѣ можетъ быть признана оригинальною и *Исторія древней Философій* Зедергольма и слѣдовательно она, по всей справедливости, заслуживаетъ и награды второстепенной, именно половины Демидовской преміи.

Кіевъ, 15 Марта 1842.

Орестъ Новицкій,

Ординарный Профессоръ Философій при
Университетѣ Св. Владиміра:

Приваженіе къ разбору Исторіи древней Философіи К. Зедергольма.

Сужденіе о второй части этого сочиненія:

Во второй части *Исторіи древней Философіи* Г. Зедергольмъ разсматриваетъ Греческую Философію «на верху совершенства ея и въ ея упадкѣ и разрушеніи,» начинаетъ именно Сократомъ и оканчиваетъ Философіею у Римлянъ.

Этотъ отдѣлъ Греческой Философіи представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе обработанный, нежели періодъ Греческой же Философіи въ 1 книгѣ: въ немъ и послѣдовательность системъ представлена въ лучшемъ *порядкѣ* и самое *изложеніе* философскихъ ученій ознаменовано болѣе глубокимъ философскимъ воззрѣніемъ. Въ 1 книгѣ, въ изложеніи Греческой Философіи, авторъ слѣдуетъ *порядку* хронологическому; если въ этомъ порядкѣ онъ различаетъ школы, напр. Іонійскую, Елеатическую и пр., то нигдѣ не показываетъ, почему въ известное время могли и должны были явиться эти именно школы; онъ обращается съ ними *просто* какъ эмпирикъ, и только въ концѣ ученія каждаго философа замѣчаетъ, что

сдѣлано имъ въ пользу развитія Философій противъ
его предшественниковъ. Напротивъ того; здѣсь, во II
части, авторъ придерживается внутренняго движенія
Исторіи; внутренняго развитія самой Философій; и
если разделяетъ философовъ на школы; то предва-
рительно объясняетъ, какия стороны философствующей
мысли развиты у нихъ и почему, и слѣд. объяснить
начало и причину, отъ чего произошли эти школы
и почему должны слѣдовать одна за другою въ та-
комъ именно порядкѣ; здѣсь авторъ обращается съ
своими предметомъ уже какъ теоретикъ. Самое из-
ложениіе содержанія философскихъ ученій, — какъ
сказано, — ознаменовано здѣсь болѣе глубокимъ возрѣ-
нїемъ: въ I-мъ томѣ авторъ во большей части при-
водитъ собственные мысли философовъ, отрывочно
сравнивая ихъ у различныхъ писателей, и распола-
гаетъ эти мысли въ известномъ порядкѣ, но нѣко-
торою о раскрѣтѣ внутренняго ихъ духа; — а та-
кой образъ изложенія философскихъ ученій можетъ
быти очень вреденъ, но не обнаруживаетъ въ исто-
риѣ духа философскаго. Напротивъ, во II-й части
каждъ историческій не отрывки философскихъ ученій,
соединенныхъ въ одно; а воссозданіе самаго духа фи-
лософскихъ системъ, и слѣдов. изложеніе, отличающее
въ Историкѣ Философій не трудолюбиваго только со-
бирателя чужихъ мыслей и словъ, а прощательнаго
и свѣтлаго художника.

Но эти достоинства и преимущества II-й части

Исторіи Философіи Г. Зедергольца предъ всемо, заслужить не отъ самостоятельнаго, болѣе глубокаго проработанія автора въ свой предметъ, а единственно отъ того, что при составленіи II части онъ усердно почерпалъ изъ лучшаго источника, чѣмъ прежде. Въ первомъ томѣ Г. Зедергольцъ при изложеніи ученія философовъ пользовался учеными и трудолюбивыми Марбахомъ, заимствуя изъ Гегеля разныя нѣкоторыя извѣстія о жившихъ философовъ и не многія замѣчанія о ихъ ученіи; а здѣсь, во второмъ томѣ, авторъ повсюду списываетъ одного, безспорно гениальнаго Историка Философіи, Гегеля, едва внеся нѣсколько отрывковъ изъ Марбаха въ описаніе обстоятельствъ жизни Сократа и нѣсколько страничекъ (54 — 60) изъ Риттера въ діалектику Платона.

Подъ рядъ списывая Гегеля во II части своей Исторіи Философіи, Г. Зедергольцъ сообщаетъ ей, — такъ сказано, — болѣе систематическую и окончательнаго духа; но съ другой стороны, не избѣжалъ значительныхъ недостатковъ. Отъ россійскаго источника, въ формѣ онъ пользовался въ I и II части, посредствомъ порознь, произошла весьма замѣтная шероховатость во всей манерѣ изложенія, — именно, повсемѣстная неодинаковость метода и самаго воззрѣнія на содержаніе Исторіи. Но главное, что Г. Зедергольцъ, почти все выписывая изъ Гегеля, все еще списываетъ его слишкомъ бѣгло и поверхностно, списываетъ въ немъ только то, что скорѣе и удобнѣе можно сдѣ-

твѣ, и пропускаетъ болѣе трудныя, хотя бы то и важнѣйшія мѣста. Такъ напр. о Сократѣ авторъ позамысливаетъ изъ Гегеля почти все существенное относительно жизни его, не ученіе изобразилъ слабо, не раскрылъ достаточно даже метода его, который однакоже у Сократа составляетъ одну изъ важнѣйшихъ его заслугъ для Философій, и который превосходитъ положенъ у Гегеля въ его чтеніяхъ Исторію Философій. Или, — въ діалектикѣ Платона авторъ сначала по верхамъ схватываетъ мысли изъ Гегеля, но когда дошелъ до болѣе трудныхъ и глубокихъ взглядовъ, тотчасъ сплзнуть отъ Гегеля къ Риттеру. Или, — въ Философій Аристотеля, именно въ Философій природы, авторъ схватываетъ нѣчто у Гегеля съ первыхъ страницъ, а все прочее оставляетъ безъ вниманія, какъ бы не имѣя терпѣнія дальше выкаутъ къ дѣлу. Также самое дѣлаетъ авторъ и въ другіихъ мѣстахъ.

Составить такимъ образомъ Исторію Философій крайне легко: тому, кто сколько нибудь знаетъ съ Философією и хорошо владѣетъ Нѣмецкимъ языкомъ, не въ крайней мѣрѣ такому человеку вовсе не нужно продолжительнаго тридцатимилліоннаго изученія истины, которымъ хвалится авторъ въ предисловіи своего сочиненія. Впрочемъ говоря это, мы вовсе не хотимъ сказать, будто въ рассматриваемой нами книгѣ сличкомъ мало достоинствъ; напротивъ, въ ней есть много, и даже много прекрасныхъ вещей, но только эти

прекраснымъ всемъ почти все (если уже не просто все) принадлежать Гегелю. Правда въ рассматриваемой нами II книгѣ авторъ весьма часто противорѣчитъ Гегелю, и тѣмъ какъ будто показываетъ, что онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы списывать Гегеля: но на самомъ дѣлѣ, это есть только авторская изворотливость и мороченье читателей. Эти противорѣчія Гегелю вездѣ касаются не самаго изложенія у него философскихъ ученій (да и какими запасомъ знаній сталъ бы здѣсь противорѣчить авторъ Гегелю?), а касаются только сужденій его о чемъ либо, — которыя въ Исторіи Философій Гегеля, составленной изъ его лекцій, встрѣчаются повсюду, но которыя для Исторіи Философій, собственно какъ Исторія, очень можно признать сторонними, и отъ того, противорѣчія этихъ сужденій въ другой Исторіи должно уже признать вовсе неумѣстными. Къ тому же, эти противорѣчія состоятъ единственно въ простыхъ утверженіяхъ, что о томъ-то Гегель судитъ несправедливо, что авторъ объ этомъ думаетъ совершенно иначе, и что очень удивительно, какъ могъ думать такимъ образомъ Гегель и проч. Такія противорѣчія, неумѣстныя и бездоказательныя, слишкомъ часто повтореныя, становятся наконецъ крайне случайныя, — тѣмъ болѣе, когда лжете въ одну сторону, какъ авторъ беспрестанно нападаетъ именно на то, что само беспрестанно списываетъ.

Теперь уже само собою отъartzается, что надобно

сказать объ оригинальности, или «исоригинальности» рассмотренной нами II части древней Философии Эпикюралля. Не можно назвать оригинальною развѣ тогда, когда бы стали сличать ее съ изданными на Русскомъ языкѣ Исторіями Философій; но какъ скоро сличимъ ее съ Нѣмецкими, и именно съ Исторіею Философій Гегеля, то уже языкъ нельзя назвать ее оригинальною. И, надобно даже удивляться, какимъ образомъ авторъ въ предисловіи къ своему сочиненію говоритъ, — что если Русская публика не приметъ благосклонно этихъ двухъ частей его Исторіи Философій, то онъ обратится съ своимъ сочиненіемъ къ отдаленной Германіи, — тогда какъ эта книга, бывъ переведена для Германіи на Нѣмецкій языкъ, должна будетъ развѣичаться изъ своей оригинальности, изъ Русской оболочки, и явиться на чужбинѣ скромною компиляціею!

Впрочемъ, если мы не станемъ дѣлать сравненія этой части Исторіи Философій (слишкомъ невыгоднаго для нея) съ Исторіею Гегеля, и будемъ разсматривать ее, какъ сочиненіе, написанное въ Россіи и для Русскихъ, какъ сочиненіе, которое имѣетъ въ виду не постоянную оригинальность, а пользу своихъ читателей, то не можемъ не быть признательными автору за то, что онъ знакомитъ Русскую читающую публику съ Исторіею Философій такимъ сочиненіемъ, которое составлено по лучшимъ современнымъ писателямъ объ этомъ предметѣ, составлено при томъ

лена, силе и въ духѣ религиозномъ, не можемъ по
этому не признать, что оно, не смотря на нѣ-
которые недостатки, все еще заслуживаетъ положе-
ній Давидовской пренія, даже и для того, чтобы ав-
торъ имѣлъ средства донести свой полезный трудъ до
конца.

Кіевъ, 23 Марта 1849 г.

ОРЕСТЪ НОВИЦКІЙ,
Ординарный Профессоръ Университета
Св. Владимира.

РАЗБОРЪ

Сочиненія Г. ДИГО,

подъ заглавіемъ:

О ВЕРЕВЧАТОМЪ ПРИВОДѢ,

составленный

Г. Экстраординарнымъ Академикомъ ЯКОБИ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL.

1900

BERICHT über das zum Demidow'schen Concourse eingereichte Werkchen des Mechanikers Digaut.

Die Fortpflanzung einer gegebenen Triebkraft bis zu dem in grösserer oder geringerer Entfernung von ihr befindlichem Arbeitsmechanismus, gehört ungeachtet ihrer scheinbaren Einfachheit nicht zu den leichtesten Aufgaben der praktischen Mechanik. Die Fälle, wo eine solche Fortpflanzung nöthig ist, kommen begreiflicher Weise sehr häufig vor, aber dennoch sind die Mittel, welche uns in dieser Beziehung zu Gebote stehen, noch mehr aber diejenigen, welche wirklich angewendet werden, von sehr beschränkter Natur. Wie wichtig dieser Gegenstand für die ganze industrielle Entwicklung ist, ergibt sich aus der einfachen Betrachtung, dass die Gegenden, wo die natürlichen Triebkräfte sich häufig darbieten, gewöhnlich solche sind, die zu Fabrik- oder andern dergleichen Anlagen sich weniger eignen. In Gebirgsgegenden finden sich gewöhnlich die reichlichsten und mächtigsten Wasserfälle, aber diese rau-

hen Gebirge sind am spärlichsten bevölkert, kostspielig zu bebauen, um den Bewohnern die erforderliche Nahrung zu reichen, unzugänglich dem Transport des rohen Materials oder dem bequemen Vertriebe des verarbeiteten. Flache Gegenden sind der Anwendung des Windes als Triebkraft am günstigsten, aber wenn auch diese Kraft eine von meteorologischen Capriçen unabhängige Benutzung gestattete, so liegt doch eine andere grosse Beschränkung in den Bedingungen, welchen die Anlagen unterworfen sein müssen, die diese durch den Wind unmittelbar activirten Maschinerien umgeben, und die den eigentlichen industriellen Zwecken zu dienen bestimmt sind. Die Disposition derselben müsste mit der grössten Umsicht gewählt werden, damit die Kraft weder durch zu weite Fortpflanzung, noch durch zu grosse Nähe dieser Anlagen heinträchtigt würde. Welche ungeheuere Triebkraft bietet uns nicht die Natur in den regelmässigen Oscillationen der Ebbe und Fluth, in der lebendigen Kraft rapider Ströme und Flüsse dar, und wie beschränkt ist dagegen die Anlage von Fluth und Schiffmühlen, die eben nur da dienen, wo ihre unmittelbare Benutzung möglich ist. Musste man es daher aufgeben die Triebkräfte auf beliebige Weise und Entfernungen fortzupflanzen, so hat die Erfindung der Dampfmaschinen schon deshalb ein wichtiges Moment dar, weil sie uns gestattete auch in localer Beziehung Triebkraft und Arbeit in grössere und

allgemeinere Harmonie zu bringen. Jetzt verfügen wir uns mit unserer Kraft dahin, wo es uns bequem ist, oder lassen sie zu uns kommen, wo wir uns eben befinden; statt dass wir früher sie aufzustuchen, ja zu ihr durchzudringen, gezwungen waren.

Kraft und Geschwindigkeit lassen sich entweder durch Zug, Druck oder Torsion, vermitteltst Zwischenkörper, in der Kunstsprache Zwischengeschirre, fortpflanzen und zwar indem die integrirenden Theilchen derselben in eine dem Bewegungsmomente entsprechende Spannung versetzt werden. Wäre die von den Triebkräften herrührende Spannung nur so gross, dass die Elasticitätsgrenze nicht überschritten würde, d. h., dass die Körper kein remanentes Derangement ihrer Molecule erführen, so würde die Fortpflanzung der Bewegung keinen Kraftverlust verursachen; so aber sind die Körper noch einer Menge von andern Nebeneinflüssen unterworfen. Das Schlimmste ist, dass sie schwer sind und also der Unterstützung bedürfen, oder dass sie, wenn sie tropfbarflüssiger oder gasförmiger Natur sind, nur in eingeschlossenen Räumen erhalten werden können, dass sie durch thermische und hygrometrische Bedingungen mechanische Veränderungen erfahren, dass sie endlich in Berührung mit andern Körpern bei der Bewegung Reibung verursachen. Mechanische Kräfte lassen sich eben so wenig vollständig isoliren oder fortführen wie Wärme, Electricität und Magnetismus. Es existirt also auch bei

jenen ein Kraftverlust, der je nach den zur Fortpflanzung der Bewegung getroffenen Anordnungen, die wiederum manchen ökonomischen Bedingungen unterworfen sind, mehr oder weniger beträchtlich ist.

In den Fabrikgebäuden selbst wird gegenwärtig am häufigsten die Kraft durch eiserne Wellen deren Axen in Pfannen laufen, und die zweckmässig mit einander verkuppelt sind, auf ansehnliche geradelinigte Entfernungen fortgepflanzt, durch Räderwerk oder Gelenke in ihrer Richtung verändert und entweder unmittelbar oder durch Riemen ohne Ende zu den verschiedenen Arbeitsmechanismen übergeführt. Ein kundiges Auge ist im Stande aus diesen ostensibeln Theilen, ihrer Verbindung und der Stetigkeit und Gleichförmigkeit der Bewegung, sogleich auf den Geist zu schliessen, der bei der ganzen Anlage vorgewaltet hat. Sind bei diesen Zwischengeschirren, die Zapfen gut abgedreht, die Axen gut aliniert, Länge und Stärke in gehöriger Proportion, die Zähne regelrecht geschnitten u. s. w., so ist der hierbei vorkommende Kraftverlust am geringsten. Auf beträchtliche Entfernungen oder Tiefen bedient man sich beinahe ausschliesslich der bekannten Feld und Schachtgestänge. Sie haben den Vortheil leichter Ausführung und schmiegen sich den Configurationen des Terrains leicht an, aber sie führen einen beträchtlichen Kraftverlust herbei, und sind in ihrer Unterhaltung sehr kostspielig. Dann ist noch ihre grosse Masse unbequem und ver-

anlasst einen beträchtlichen Verlust an lebendiger Kraft deshalb, weil durch sie nur eine hin und hergehende Bewegung vermittelt werden kann. Bercist man Bergwerksdistricte, so ist es ein gar nicht unlieblicher, gewissermassen zauberhafter Anblick, diese oscilirenden Gestänge, zu deren Bewegung man eben keine unmittelbare Ursache wahrnimmt, bald in die Tiefe niedersteigen, bald über Anhöhen hinweggeführt zu sehen. Dieser Gegenstand, der früher eine grosse Rolle spielte, verliert indessen immer mehr und mehr an Wichtigkeit, seitdem, wie schon oben erwähnt worden, die Dampfmaschinen uns in den Stand gesetzt haben, von den an localen Verhältnissen gebundenen Triebkräften unabhängig zu werden.

In den *actis eruditorum* vom Jahre 1688 liefert Papin, Professor der Mathematik in Marburg, die Beschreibung einer Maschinerie um die Kraft eines an einem Flusse aufgestellten Wasserrades auf eine grosse Entfernung fortzupflanzen. Das Princip derselben beruht auf die Herstellung eines luftleeren oder luftverdünnten Raumes in einer Röhrenleitung, an deren anderm Ende sich ein mit einem Kolben verschlossener Cylinder befindet, den der atmosphärische Druck alsdann niedertreibt, und so eine hin und hergehende Bewegung erzeugt. Papin hatte diese Erfindung im Jahre 1687 der Royal Society praesentirt, sie scheint aber nirgends in Anwendung gekommen zu sein, obgleich nicht zu leugnen ist, dass sie

unter Umständen Vortheile gewähren könnte. Es ist zwar auch hierbei ebenfalls ein bedeutender Kraftverlust vorhanden, wegen dessen man aber, wie Papin meint, seine Maschine nicht verwerfen dürfe, man müsse denn etwas erfinden, wobei dasselbe, mit weniger Verlust geleistet würde, woran er jedoch zweifle. (Id autem si quis praestiterit erit mihi magnus Apollo). Es ist merkwürdig, dass die Idee Papin's die Bewegung auf solche Weise fortzupflanzen in neuester Zeit, bei der Clegg'schen sogenannten Luftseisenbahn realisirt und so die Möglichkeit, ja sogar der Nutzen dieser Fortpflanzungsmethode constatirt ist. Nur unterliegt die Art und Weise, wie dieses Princip hier angewendet worden ist, zu vielen, schwer zu erfüllenden Nebenbedingungen. Bei dem Entwurfe zur Anlage einer Wassersäulenmaschine, welche das Wasser aus einem 300 Fuss tiefen Schacht fördern sollte, und womit ihr Berichterstatter in seinen früheren Verhältnissen beauftragt war, hatte derselbe Veranlassung die Fortpflanzung der Kraft bis zur erforderlichen Tiefe, durch eine Wasserleitung zu vermitteln. Es wurde dadurch eine grosse Bequemlichkeit gewährt und die Berechnung ergab einen viel geringern Kraftverlust, als er bei den gewöhnlichen Schachtgestängen Statt findet. Bei schneller wirkenden Maschinen würde allerdings dieses Mittel weniger vortheilhaft gewesen sein, weil die Reibung des Was-

ers in den Röhrenwänden, beinah wie die Quadrate der Geschwindigkeiten wächst.

Zur Fortpflanzung und Uebertragung der Bewegung und namentlich der continuirlich kreisförmigen, bedient man sich schon seit undenklichen Zeiten der Riemen, Seile und Ketten ohne Ende. Das Princip, welches dieser Methode zum Grunde liegt, ist eigentlich dasselbe nur in umgekehrter Form, wodurch die Locomotive auf der Eisenbahn fortrollt und noch ansehnliche Trains hinter sich fortzieht. Es ist nämlich dort, die Adhaesion des Rades an der Bahn, in unserm Falle aber die Adhaesion des Riemens am Umfange der Rolle, wodurch die Bewegung vermittelt wird. Um diese Adhaesion in einer, dem Widerstandsmomente angemessenen Stärke hervorzubringen, muss die Locomotive selbst eine bedeutende Schwere, der Riemen oder das Seil eine beträchtliche Spannung besitzen. Diese Kraft wirkt auf die Axen und verursacht dort eine gleitende Reibung, die um so mehr vermindert werden kann, je grösser man das Verhältniss des Durchmesser der Rolle oder des Rades, zu dem Durchmesser der Zapfen macht. Diese Spannung und der ihr proportionale Druck auf die Zapfen, hängt unter gleichen Umständen wiederum von der Beschaffenheit und Grösse der Oberflächen ab, die mit einander in Berührung sind. Sind diese zu glatt, so erfordert es einen viel grössern Druck um eine rollende Reibung hervorzubringen, sind sie

dagegen zu raub, so erfolgt ein partielles, nicht nur die Reibung sehr vermehrendes, sondern auch auf die berührenden Theile, zerstörend wirkendes Schleifen. Es ist nämlich eine Hauptbedingung, dass alle sich berührenden Theile, genau auf einer Cylinderoberfläche liegen, denn nur zwischen solchen Theilen, die mit einer gleichen Geschwindigkeit begabt sind, kann ein Rollen Statt finden. Riemen berühren ihre Rollen in einer kreisförmigen Cylinderoberfläche, Seile dagegen nur in einer Kreislinie; deshalb ist bei den letztern die Adhaesion viel geringer; daher muss bei der Anwendung von Seilen die Spannung im Verhältniss der zu verrichtenden Arbeit viel grösser sein, als bei der Anwendung von Riemen. Um dieses zum Theil auszugleichen, giebt man der Kehle der Rolle ein halbkreisförmig oder parabolisch, oder nach einer andern beliebigen Kurve abgerundetes Profil oder schlingt auch wohl das Seil in mehreren Windungen um die Rolle; in allen diesen Fällen aber entsteht zwischen dem Seile und den Seitenwänden der Kehle, oder zwischen den sich berührenden Windungen des Seiles selbst, eine gleitende Reibung, welche die oben angeführten zerstörenden und abnutzenden Wirkungen hat. In neuerer Zeit ist diese Fortpflanzungsmethode der Kraft, bei Eisenbahnen von grosser Wichtigkeit, und in sehr bedeutendem Massstabe ausgeführt worden. Besonders da, wo die Wagenzüge durch stationäre Dampfmaschinen, über steilere Rampen hin-

weggeführt werden müssen, oder da, wo das *reciproking system* eingeführt ist, oder endlich da, wo wie z. B. bei der Blackwall-Eisenbahn, oder am Anfange der Liverpool-Manchester-Bahn u. s. w. die Befürchtung der Feuersgefahr, welche durch bewegliche Dampfmaschinen herbeigeführt werden könnte, die Anwendung stationärer Maschinen geboten hat. Hierbei wird die Bewegung entweder durch Seile ohne Ende oder durch fortlaufende Seile vermittelt, die auf eine Trommel aufgewunden werden. Wir haben es hier hauptsächlich mit den Seilen ohne Ende zu thun, deren Anordnung, wie ich mich auf den Bahn-Abhängen der Strasse von St. Helens und des grossen Tunnels von Liverpool selbst überzeugt habe, mit allen ökonomischen Rücksichten und mit aller der practischen Umsicht geschehen ist, welche man an derartigen Anlagen der Engländer gewohnt ist. Gehen wir nun zu dem *Système funiculaire* über, das von Herrn Poidebard vor 40 Jahren erfunden und jetzt von Herrn Digaut beschrieben worden ist, so muss zuvörderst bemerkt werden, dass es recht gut möglich ist, dass Herr Poidebard vor 40 Jahren zuerst die Methode, grössere mechanische Kräfte auf grössere Entfernungen als es bisher geschehen sein mochte, durch Seile ohne Ende fortzuführen, in den entferntern Theilen des russischen Reiches, oder vielleicht überhaupt eingeführt hat. Da aber der Gegenstand von dem gegenwärtigen Standpunkte aus

betrachtet werden muss, indem er jetzt erst der **Academie** zur Beurtheilung unterlegt worden, so sind die Ansprüche auf Neuheit der Erfindung oder der Anordnung als verjährt zu betrachten. Wenn man genöthigt ist bei Fortpflanzung bedeutender Kräfte zu dem Seile ohne Ende, das ich gewissermassen als letztes Mittel anzusehen gemeint bin, seine Zuflucht zu nehmen, so geschieht dieses nirgends, ohne durch eine Spannungsrolle, die der mannigfachsten Anordnung fähig ist, die Spannung des Seils von der Ausdehnung, welche das letztere durch abwechselnde Wärme oder Feuchtigkeit erleidet, unabhängig zu machen. Die Anordnung einer solchen Rolle, welche für das Eigenthümlichste in der ganzen Schrift ausgegeben wird, gehört aber zu den einfachsten Aufgaben der Mechanik, auch bietet die in der Broschüre beschriebene Art und Weise, nichts Besonderes, sondern eben nur das Unumgängliche dar, wie es der Natur der Sache nach auch nicht anders sein konnte. Das einzige Eigenthümliche, was hierbei vorkommt, ist das Profil, welches Herr Poidebard der Rolle zu geben vorschlägt, wenn man genöthigt ist das Seil mehreremale um dieselbe zu schlingen; es soll dadurch, wie mich Herr Digaut mündlich versicherte, denn es findet sich darüber in der kleinen Schrift nichts angeführt, die Verwirrung und das Uebereinanderlegen der Seile vermieden werden, welches bei geradelinig profilirten Kehlen öfters vorkommen soll,

wenn die Bewegung schnell und das Seil nicht gehörig gespannt ist. Diese Profilirung hat aber den schon oben berührten Nachtheil, dass wegen der Ungleichheit der Durchmesser die rollende Reibung zum Theil in eine gleitende verwandelt wird, welche eine schnellere Abnutzung des Seils herbeiführt. Bei den oben angeführten Eisenbahnstrecken liegen die Windungen des Seils in Spiralgängen, wobei aber ebenfalls eine schleifende Seitenreibung nicht vermieden werden kann. Als ein Vorzug des Systems wird es angeführt, dass es von den rohesten Arbeitern ausgeführt werden könne: indessen ist auch hier wie überall, sorgfältige Arbeit nöthig, wenn nicht die Nebenhindernisse eine überwiegende Bedeutung erhalten sollen. Daher kommt es denn auch, dass die meisten der mir zu Gesichte gekommenen, nach diesem System ausgeführten Maschinen, entweder einen schlotternden oder zu gedrängten Gang hatten. Ja in einem Falle, wo ich diese Uebertragung der Bewegung selbst anzuwenden wünschte, war ich genöthigt, wegen der grossen Reibung die dabei Statt hatte, das *Systeme funiculaire* durch einen gewöhnlichen Riemen ohne Ende zu ersetzen. Zu tadeln ist es, wenn gesagt wird, die Rollen wirkten auch dennoch gut, auch wenn die Axen gekrümmt seien; es ist nicht gut die ohnedem schwer zu überwindende Nachlässigkeit der Arbeiter, in ein System zu bringen und gewissermassen zu recommendiren.

Es ist dem Ingenieur immer sehr wünschenswert, Beschreibungen von Maschinen und Mechanismen im grössten Detail zu haben. Hat er Verstand und Beurtheilungskraft, so kann er sich zwar vieles selbst sagen, und wird durch Nachdenken immer einen richtigen Weg finden, ja durch das, was nur zu oft als practisch ausgegeben wird, in der That aber es nicht ist, sich nicht irre leiten lassen. Indessen erfordert die Wahl oder die Selbsterfindung immer Zeit, welche durch Hinweisung auf Praecedenzien zum Theil erspart werden kann. Solche detaillirte Beschreibungen sind aber so selten, dass ich mich nicht erinnere z. B. den fraglichen Gegenstand, anders als nur gelegentlich, und dann auch nur ohne weitere Erörterungen behandelt gesehen zu haben. Diese Rücksicht zu nehmen und auch zu erwägen, dass überhaupt wenig in russischer Sprache über Gegenstände der practischen Mechanik geschrieben worden ist, glaube ich der Academie unterlegen zu können, wenn davon die Rede sein sollte, der Schrift des Herrn Digaut eine ehrenvolle oder aufmunternde Erwähnung zuzuerkennen.

